Научный

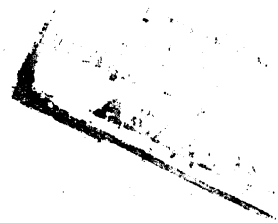
КРЕСТЬЯНСКІЕ ВЫБОРЫ.

ФОНД РЕДКИХ ИЗДАНИЙ

„Пров 49“

ПР

2.ии
И.



Въ к... уѣздѣ не нашлось-бы человѣка, не знавшаго крестьянина деревни Ш...ъ Данилы Иракліевича Безсомыкина или „Ераклча“, какъ называли его крестьяне, съ трудомъ выговаривающіе мудреныя имена. Извѣстностью Данила Иракліевичъ пользовался благодаря своему состоянію, которое измѣрялось народною молвой десятками тысячъ. Онъ имѣлъ обширныя пасеки, разведенныя въ горахъ, заросшихъ лѣсомъ, и въ лугахъ, мукомольную мельницу и воскобойню, въ которую со всѣхъ концовъ уѣзда крестьяне свозили воскъ для выдѣлки. Велъ онъ торговлю хлѣбомъ, доставляя его на винокуренные заводы и золотые пріиски; на послѣдніе онъ поставлялъ и мясо битаго скота. Доморощенные кони Данилы Иракліевича славились даже за предѣлами губерніи. И что это были за кони! Рослые, статные, сильные и большею частью, какъ на подборъ, гнѣдой масти. Они не даромъ составляли его гордость. Двухъ-этажный, обшитый тесомъ домъ, съ обширными вокругъ него пристройками, напоминалъ скорѣе домъ богатаго купца, живущаго по старинѣ, чѣмъ крестьянскій. Стѣны внутри его были оклеены обоями и увѣшаны портретами героевъ крымской компаніи и изображеніями тѣхъ „Мальвинъ“ и „Аделей“

съ соблазнительными формами, которыя составляютъ неизмѣнное украшеніе станціонныхъ домовъ и квартиръ холостыхъ чиновниковъ, получающихъ содержаніе не свыше 300 руб. въ годъ. Мягкіе, обитые ситцемъ стулья, ломберные столы и простѣночныя зеркала, въ потускнѣвшихъ отъ времени золоченыхъ рамахъ, дополняли домашнюю обстановку Данилы Иракліевича. Крестьяне, смотрѣвшіе на Данилу Иракліевича, какъ на человѣка, стоявшаго выше ихъ среды, привыкли и относиться къ нему не какъ къ равному лицу, а скорѣе, какъ къ своему помѣщику. Проходя мимо его дома, каждый изъ нихъ считалъ обязанностью снять шапку, хотя въ окнахъ его рѣдко можно было видѣть кого-либо изъ обитателей. Посидѣть въ избѣ Данилы Иракліевича (такъ-какъ комнаты предназначались только для начальствующихъ лицъ, которымъ постоянно и отводились въ домѣ его квартиры, для другихъ-же онѣ были закрыты), выпить поданный имъ своеручно стаканъ жиденькаго чая, а въ праздникъ густого медоваго пива — считалось за честь, выше которой они ничего не знали. И какъ-же иначе они могли относиться къ нему, когда въ виду ихъ толстую съ коротенькими пальцами руку Данилы Иракліевича пожимали и исправникъ, и мировой посредникъ, за-просто заѣзжавшіе къ нему въ гости, — лица, къ которымъ каждый крестьянинъ подходилъ съ просьбой не иначе, какъ крестясь и мысленно творя молитву; и тутъ-же, въ ихъ виду, сановникъ, проѣзжавшій на ревизію, предъ которымъ, въ свою очередь, и исправникъ, и мировой посредникъ стояли на вытяжку, подалъ Данилѣ Иракліевичу руку, благодаря его за гостепріимство.

Человѣкъ онъ былъ степенныхъ лѣтъ, небольшаго роста, еще болѣе скрадываемаго толщиною, придававшею его тѣлу овальную форму. Въ тяжелой развалистой походкѣ его отражалась самоувѣренность человѣка, привыкшаго относиться къ себѣ съ сознаніемъ собственнаго достоинства, хотя наружность его не носила на себѣ печати этого достоинства. Она была мелка, если можно такъ выразиться. Сплюснутый лобъ не обѣщалъ особеннаго ума, широкая же и выдавшаяся впередъ нижняя челюсть выказывала основную черту характера — упрямство, соединенное съ лукавствомъ, свѣтившимся въ его живыхъ сѣрыхъ глазкахъ, бойко сверкавшихъ въ узенькихъ орбитахъ. Какъ и большинство ограниченныхъ людей, Данила Иракліевичъ былъ сильно упрямъ и въ тоже время самолюбивъ, такъ что, несмотря на свою скупость, готовъ былъ принести какія угодно жертвы для удовлетворенія своего тщеславнаго самолюбія. Отъ вліянія приближающейся старости онъ жилъ, по собственному выраженію его, на „спокоѣ“, т. е. предоставивъ веденіе хозяйства по дому, воскобойнѣ и мельницѣ своему племяннику, тихому и безотвѣтному человѣку; остальными-же торговыми операціями и сдѣлками у него заправлялъ однодеревенецъ его Трофимъ Кириловичъ Шебалинъ.

Говоря о Данилѣ Иракліевичѣ, нельзя не остановиться и на Трофимѣ Кириловичѣ. Они составляли одно цѣлое, нераздѣльное, при всей противуположности ихъ характеровъ и общественнаго положенія. Трофимъ Кириловичъ не наслѣдовалъ, какъ Данила Иракліевичъ, своего состоянія отъ родителей, а провелъ свое сиротливое дѣтство и молодость

въ городѣ, сначала въ качествѣ служки, а потомъ прикащика, что дало ему возможность, по возвращеніи на родину, заняться самостоятельнымъ дѣломъ. Онъ также, какъ и Данила Иракліевичъ, торговалъ хлѣбомъ, воскомъ, медомъ, скупалъ у крестьянъ ленъ и шкуры, но торговля его шла далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ у перваго, да и средства его были очень ограничены. У каждаго ловкаго человѣка, опытомъ пріобрѣтающаго житейскую мудрость и задавшагося цѣлью составить себѣ финансовую или служебную карьеру, всегда есть много услужливой и дальновидной вкрадчивости; въ совершенствѣ обладалъ ею и Трофимъ Кириловичъ. Хитрый и пронырливый, онъ въ то-же время умѣлъ казаться простодушнымъ и довѣрчивымъ. Уступалъ во всемъ людямъ болѣе его зажиточнымъ, часто въ ущербъ своимъ интересамъ, чтобы только не потерять ихъ довѣрія и упрочить за собою мнѣніе о своей простотѣ. Къ людямъ бѣднымъ онъ относился съ радушіемъ и участіемъ, при случаѣ наверстывая на нихъ свою уступчивость богатымъ, но наверстывалъ такъ, что бѣднякъ всегда считалъ себя одолженнымъ и искренно былъ признателенъ ему. Если-бы кто спросилъ у крестьянъ у—й волости мнѣнія о Трофимѣ Кириловичѣ, то навѣрное-бы получилъ въ отвѣтъ: „мужикъ, што говорить, душа!“ Благодаря неусыпной хлопотливости, дѣла Трофима Кириловича годъ отъ году шли лучше и лучше, но онъ тщательно скрывалъ это, жилъ бѣдно, ѣздилъ всегда на одной лошади въ телѣжкѣ-качалкѣ; костюмъ его никогда не отличался щеголеватостью, напротивъ, былъ простъ и даже убогъ: на немъ нерѣдко можно

было видѣть и прорванные, но починенные бродни, и усѣянный заплатами зипунъ. Въ общественныя дѣла онъ, какъ и Данила Иракліевичъ, не вмѣшивался и держалъ себя въ сторонѣ, но въ дѣйствительности всегда чутко прислушивался ко всему, что говорилось по волости, и зорко слѣдилъ за дѣйствіями и сельскихъ старостъ, и волостныхъ чиновъ. Когда спрашивали его мнѣнія о какой-нибудъ надбавкѣ сверхъ положеннаго оклада при сборѣ податей, онъ или молчалъ, или давалъ уклончивый отвѣтъ: „не мое-де это дѣло“! Но въ тихомолку предъ людьми *надежными* онъ порицалъ образъ дѣйствій и волостныхъ чиновъ, и мирового посредника, и земскихъ властей. Отъ надежныхъ людей подобныя мнѣнія его, какъ водится въ этихъ случаяхъ, разносились по волости; подъ вліяніемъ ихъ крестьяне тоже въ тихомолку поговаривали: „не гляди, што Шеболинъ-то тихоня мужикъ, а душа-а!“ Въ тѣхъ же случаяхъ, когда мѣры и претензіи властей вызывали общее неудовольствіе, готовое перейдти въ ропотъ и неповиновеніе, Трофимъ Кириловичъ открыто сдерживалъ недовольныхъ, логично выясняя имъ всѣ послѣдствія, какія выйдутъ отъ того и всею силою обрушатся на нихъ-же. Это съ наилучшей стороны рекомендовало его во мнѣніи мѣстныхъ властей, и крестьяне, хладнокровно вдумавшіеся въ истину: „что плетью обуха не перешибешь“, снова говорили о немъ: „поди-ко мужикъ-то тихоня, простота, а ума — што въ писаной книгѣ“! Отзывы эти не могли не доходить до Трофима Кириловича, но онъ относился къ нимъ болѣе чѣмъ равнодушно. Онъ не принадлежалъ къ разряду людей, мелочное самолюбіе которыхъ

удовлетворяется лестнымъ словомъ: задача его жизни, его планы шли далѣе этого.

Съ перваго-же времени переселенія въ деревню, онъ сталъ сближаться съ Данилой Иракліевичемъ, прибѣгая къ нему за совѣтами, какъ къ человѣку умному, опытному, давая чувствовать ему во всемъ превосходство надъ собой, и въ короткое время, благодаря умѣнью дѣйствовать на слабыя стороны его характера, пріобрѣлъ къ себѣ полное расположеніе его и довѣріе; оно простиралось до того, что Данила Иракліевичъ ввѣрялъ ему на руки тысячи, безконтрольно относясь къ его отчетамъ. И нужно отдать справедливость Трофиму Кириловичу: онъ не злоупотреблялъ его довѣріемъ, не изъ честности или привязанности къ нему, нѣтъ,—эгоистическія натуры не способны привязываться ни къ чему, кромѣ своей цѣли. Онѣ заискиваютъ въ людяхъ, дорожатъ ихъ расположеніемъ и довѣріемъ только во время надобности въ нихъ, и какъ только надобность миновала, онѣ сейчасъ-же готовы отвернуться отъ человѣка, которому наканунѣ пожимали руку, увѣряя въ искренности своихъ отношеній. Во имя своей цѣли Трофимъ Кириловичъ дорожилъ интересами Данилы Иракліевича, даже въ ущербъ своимъ: вліяніе его, какъ человѣка умнаго, не могло не отразиться на Данилѣ Иракліевичѣ. Дѣйствуя, повидимому, во всемъ самостоятельно, Данила Иракліевичъ и самъ не замѣчалъ, что находился въ полномъ распоряженіи Трофима Кириловича, былъ отголоскомъ его воли и мысли. Вліяніе это не ускользало и отъ наблюдательности крестьянъ, такъ что, имѣя постоянную нужду въ Данилѣ Иракліевичѣ, каж-

дый изъ нихъ шелъ прежде всего къ Трофиму Кириловичу и былъ вполнѣ увѣренъ, что просьба его будетъ исполнена, если онъ изъявлялъ на то согласіе. О согласіи Данилы Иракліевича никто и не спрашивалъ.

Въ описываемое время Данила Иракліевичъ, кромѣ обязательствъ съ винокуренными заводчиками и золотопромышленниками по поставкѣ хлѣба и мяса, взялъ еще обширный подрядъ на поставку въ казну хлѣба и крупы для мѣстныхъ войскъ. Операція эта обѣщала громадныя выгоды, и Трофимъ Кириловичъ принималъ въ ней дѣятельное участіе не въ качествѣ довѣрителя, но компаньона. Онъ ѣздилъ и на торги въ городъ Т. оставшіеся за нимъ по предложеннымъ имъ цѣнамъ. Отъ своего имени онъ внесъ въ обезпеченіе подряда 8000 рублей пятипроцентными билетами, врученными ему Данилой Иракліевичемъ, и самый контрактъ былъ заключенъ на его имя. Данило Иракліевичъ оставался въ сторонѣ и участвовалъ въ этомъ дѣлѣ только своимъ капиталомъ.

Въ небольшой комнатѣ, увѣшанной въ переднемъ углу иконами въ золотыхъ и серебряныхъ ризахъ, у стола на кованномъ сундукѣ, накрытомъ коврикомъ, сидѣлъ Данила Иракліевичъ, одѣтый по-домашнему въ халатъ изъ толстаго чернаго сукна; въ дни пріѣзда гостей онъ надѣвалъ длинополый тонкій сюртукъ съ воротникомъ, доходившимъ до ушей. Напротивъ его, облокотившись локтями на столъ, сидѣлъ Трофимъ Кириловичъ, только что возвратившійся изъ города. Сальная свѣча, вставленная въ деревянный подсвѣчникъ, тускло освѣщала лица собесѣдниковъ и окружа-

ющіе ихъ предметы; комната эта была „домашняя“ и отличалась отъ парадныхъ своею обыденною обстановкой. Задній уголъ ея занимала печь съ лежанкой, на которой въ зимнее время Данила Иракліевичъ отдыхалъ послѣ обѣда. У двери помѣщалась кровать съ горою пуховиковъ и подушекъ. Вмѣсто мебели, около стѣнъ стояли большіе кованые сундуки. Выбѣленныя стѣны были облѣплены золотыми бумажками и картинками отъ конфектъ, фактурками отъ ситцевъ, изображавшими зданія фабрикъ съ клубами дыма изъ безчисленныхъ трубъ; попадались среди ихъ фактурки и отъ сахарныхъ головъ съ надписью „Молво“ или „Кенигъ“. Но всего болѣе обращали на себя вниманіе стѣнные часы „съ кукушкой“; механизмъ ихъ отъ времени испортился и съ шумомъ выскакивавшая кукушка, вмѣсто ожидаемаго напѣва молча разѣвала передъ слушателями ротъ; эти часы утратили способность правильнаго опредѣленія времени, но все-таки ежедневно, аккуратно заводились самимъ Данилой Иракліевичемъ.

— Сокрушаюсь я все, Данила Ераклчъ, какъ-бы намъ, то-исъ, не просчитаться? задумчиво говорилъ Трофимъ Кириловичъ съ соотвѣтствующимъ тону выраженіемъ на своемъ кругломъ, какъ шаръ, лицѣ, окаймленномъ черной окладистой бородой. Впрочемъ, лицо его способно было принимать, смотря по желанію, какое угодно выраженіе. Только глаза всегда исчезали при этомъ, точно прятались, оставляя наблюдателю окружающую ихъ сложную сѣть узкихъ морщинъ, выпуклыя румяныя щеки и толстый, нѣсколько аляповатый носъ.

— Въ чемъ сокрушенье-то? спросилъ, не глядя на него, Данила Иракліевичъ, слегка выворачивая пальцы правой руки, издававшіе при этомъ хрустъ.

— О подрядѣ-то говорю!

— Поперегъ горла онъ тѣ сталъ, штоль?

— То и говорю, што мое-то горло исшо большихъ-то кусковъ не глатывало, вотъ и боюсь, кабы, храни Богъ, вмѣсто выгоды-то убытокъ-бы не понесть? Подрядъ-то взять мы взяли, тѣмъ-же тономъ продолжалъ онъ,—разсчитывали таперича хлѣбъ-то закупить пятнадцать копѣекъ за пудъ, ну хорошо, а што какъ не скупимъ мы хлѣбъ-то за энту цѣну, а по двадцати, аль по двадцать двѣ—вотъ тѣ и убыль, а случай-то экой неровенъ!

— Случаю-то экому не къ чему быть, стало быть и сокрушенье-то твое што пустая пѣна съ браги! самоувѣренно отвѣтилъ ему Данила Иракліевичъ и, зѣвнувъ, перекрестилъ ротъ.

— Дай Богъ, кабы такъ-то да вишь скупщиковъ-то нонѣ много появилось.

— А тебя завидь взяла на нихъ, а?... Не крушись, на каждую долю Богъ пошлетъ, не обѣдняемъ!

— А коли цѣны-то набьютъ, тогда какъ?

— Не супротивъ-ли меня тягаться станутъ, а?..

— Съ тобой-ли тягаться, Данила Ераклычъ? Ты рѣчь-то мою не въ ту сторону повернулъ! Я къ тому говорю, што цѣну-то у мужиковъ не набили-бы!

— Нѣшто мужики-то наши промѣняютъ меня на кого, а? Кто я имъ-то?

— Эвто опять другой разговоръ, про эвто чего говорить, я и нонѣ вотъ какъ ѣхалъ, разговаривалъ по деревнамъ-то: ужь вы, говорю, милые, держитесь Данила Еракыча, стѣна онъ ваша каменная, такъ погляди-ко, чего они заговорили: „о-отца не надоть, кабы не онъ, чего-бы, говорятъ, и было съ нами“.

— Это мужики-то?

— Ну да, вѣдь въ голосъ и старый, и малый!

— Чувствуютъ-же?..

— Какъ и не чувствовать-то!.. Э-эхъ, Данило Еракычъ, вѣдь мы всѣ почесть отъ тебя хлѣбъ жуемъ! Рази ты въ самомъ дѣлѣ мало для нихъ дѣлашь: они хоша и темный народъ-то, а тоже по своему-то понимаютъ!

Данила Иракліевичъ, вмѣсто отвѣта, тряхнувъ головой, молча погладилъ свою жиденькую бородку.

— Гдѣ это болѣе говорили-то? спросилъ онъ послѣ минутнаго раздумья.

— Гдѣ?.. Да вездѣ почесть и въ Т—ѣ, и въ З—ѣ, и въ И—ой, и въ Т—ъ заводѣ!

— Надоть-бы имъ какую ни на есть помогу! прервалъ его Данила Иракліевичъ. — Я вотъ люблю, гдѣ добро-то помнятъ, стало быть, совѣсть у человѣка есть, на такихъ-то можно и надежу положить, а есть вѣдь иные безчувственные!

— На міру-то всякаго добра много, Данила Еракычъ!

— Есть!.. Тѣхъ-то я не люблю!

— И тварь безсловесная отъ безчувственныхъ-то носъ воротитъ, сторонится! Да вотъ, Данила Еракычъ, ужь будто къ слову пришлось: поймалъ меня въ заводѣ-то Михѣй

Гавриловъ, онъ тѣ два года, сказывалъ, восемь рублей въ долгу состоитъ, такъ ужь изъ милости просилъ это обождать, походательствовать предъ тобой!

— А самому-то што-жъ-бы не придти съ повинной, аль нога не скользитъ?..

— Робѣетъ!

— Деньги-то брать не робѣлъ?

— Какъ, говоритъ, вспомню это предстать предъ него, продолжалъ между тѣмъ Трофимъ Кириловичъ, говоритъ убей лучше, такая робость настигнетъ, потому, говоритъ, не вынесу я, какъ это онъ взглянетъ!

Данила Иракліевичъ усмѣхнулся и снова провелъ правой ладонью по бородѣ.

— И то сказываютъ, самодовольно началъ онъ,—што не всякой-же ко мнѣ зря-то идетъ, а все болѣ съ робостью: глазу-то, говоритъ, боимся!..

— По душѣ и глазъ свѣтлый!..

— Пожалуй што! согласился съ нимъ и Данила Иракліевичъ.

Настала минутная пауза. Трофимъ Кириловичъ, поплевавъ на пальцы, снялъ ими вмѣсто щипцовъ нагаръ со свѣчи и обтеръ ихъ о полу зипуна. Данила Иракліевичъ, склонившись локтями на колѣни, молча пощелкивалъ пальцами.

— Ну, и та исшо опаска беретъ, снова началъ Трофимъ Кириловичъ, — насчетъ энто хлѣба-то, кабы насъ Егоръ-то Бычковъ не подъѣлъ?

— Энтотъ съ чего-бъ, Бычковъ-то Егоръ? Къ которому ты это колесу примкнулъ-то его?

— Старшиной-то какъ выберутъ!

Данила Иракліевичъ, изумленно поднявъ голову, пристально посмотрѣлъ на собесѣдника,

— Отколь ты это взялъ-то? спросилъ, нахонецъ онъ.

— Нѣшто ты не слыхалъ? спросилъ его въ свою очередь; Трофимъ Кириловичъ.—Слава тебѣ Господи... гляди-ко по деревнямъ-то только и говору, што Егора да Егора!..

— А-а-а!.. Полюбился онъ имъ; ну, да што-же, и то сказать надоть, мужикъ добрый.

— Мужикъ, што говорить, Данила Еракычъ, по правдѣ живетъ, душа-то у него совѣстливая! Я говоритъ, по волости не пушшу этихъ порядковъ, штобы міръ зорить! многозначительно какъ-то произнесъ ТрофимъКириловичъ.— Не стану, говоритъ, какъ энти волостные, дѣлать, што-ба хлѣбные мангазеи стояли въ-пустѣ, хлѣбъ-бы весь въ недоимкѣ на міру числился, а въ самомъ-то дѣлѣ только-бъ скупшики его скупали и наживалися, а какъ придетъ голодъ—и надѣвай людъ суму.

Данила Иракліевичъ задумался, медленнѣе вытягивая пальцы. Морщины на лбу его сдвинулись и лицо выразило напряженное усиліе уловить еще невыяснившуюся мысль.

— Стало быть, онъ въ одинъ годъ хочетъ собрать всю хлѣбную недоимку, штоль? спросилъ онъ.

— Не то у него на умѣ! Эфтимъ-то онъ хочетъ только угоду мужикамъ сдѣлать! Къ примѣру взять: вотъ мы съ тобой зададимъ впередъ деньги по пятнадцати копѣекъ за

пудъ. Ну, придетъ пора къ разсчету, мужикъ, извѣстно, первое дѣло въ слезы: „вотъ такъ-де и такъ, надбавь, хлѣбъ-то-де въ цѣнѣ дороже стоитъ!“ Ты, извѣстно, въ волость къ старшинѣ, а старшина-то за-одно съ нимъ, его поддержитъ: стой-де на немъ, исшо хлѣбной недоимки много, коли не хошь взять по его цѣнѣ, такъ онъ и остановитъ хлѣбъ-то въ казну или тебя заставитъ разсчитать мужика по его цѣнѣ! Вотъ я про то и опасаюсь—подъѣстъ онъ насъ эфтимъ-то!

— Рано онъ экіе порядки-то задумалъ, выберутъ-ли исшо?..

— Выберутъ,—помяни...

Настало продолжительное молчаніе. Дверцы у часовъ съ шумомъ распахнулись и выскочившая кукушка молча позѣвала на собесѣдниковъ. Трофимъ Кириловичъ искоса наблюдалъ за Данилой Иракліевичемъ, сидѣвшимъ все также опершись на колѣни и потягивая пальцы.

— Данила Ераклычъ! внезапно окликнулъ онъ.

Тотъ молча поднялъ голову и вопросительно посмотрѣлъ на него.

— Не погнѣвись ты на меня: я все, глядя на тебя, дивуюсь, ей-Богу дивуюсь! Какой ты такой человѣкъ есть? началъ онъ:—это я-бы таперича съ твоимъ умомъ да капиталомъ, то ись, и а-а-ахъ ма-а-а!

Не докончивъ своей рѣчи, Трофимъ Кириловичъ тряхнулъ головой и, повернувшись внезапно бокомъ къ хозяину, уперъ локоть правой руки въ столъ.

— Не токма-бы, то ись волосью, у-уѣздомъ-бы тресь!

заключилъ онъ, пока Данила Иракліевичъ смотрѣлъ на него съ самодовольной усмѣшкой.

— И то сказываютъ, што не по уму это я тихъ-то! погладивъ бороду, отвѣтилъ замѣтно оживившійся Данило Иракліевичъ.

— По о-околебалъ-бы!.. Одно, ума твоего нѣтъ! — и Трофимъ Кириловичъ, съ видомъ отчаянія, хлопнулъ себя лѣвой рукой по бедру.

— За немногимъ дѣло-то стало, а-а-ахъ-ха-ха-а!.. Нѣтъ, Трофимъ, не берись, большой умъ на энто надоть, бо-о-ольшой!.. А я-бы вотъ таперича, къ слову, если-бъ взыгралъ, пошла-бъ волна-а? съ усмѣшкой спросилъ онъ.

— Я-бы, Данила Ераkычъ, на твоемъ-бы мѣстѣ, да съ твоимъ умомъ, кто-бы мнѣ любъ, того-бъ и въ старшины посадилъ, ей-Богу, а міръ-бы у меня за все въ уздѣ былъ!

— Тихъ я, Трофимъ, потому и покоенъ! отвѣтилъ ему Данила Иракліевичъ. — Э-эхъ, Трофимъ, Трофимъ! снова началъ онъ послѣ непродолжительной паузы, — доживи до моихъ лѣтъ, устанешь, особливо, если въ тебѣ ума избытокъ!...

— Оно должно, въ тяготуже умъ-то, Данило Ераkычъ? спрятавши глаза въ сѣть морщинъ, съ неуловимою улыбкою спросилъ его Трофимъ Кириловичъ.

— Съ умомъ человѣку, Трофимъ, надоть за все провидѣть!

— Не легко-же!

— Пришелъ вотъ ты ко мнѣ, а я тебя ужъ вижу насквозь, всю твою душу, всякой таперя фальшъ!

— Откровеніе-то, а?

— Чистъ ты и душа у меня къ тебѣ лежитъ; безъ ума ты этого не можешь?

— Безъ ума, Данила Ераkычъ, послѣднее дѣло!

— Ты вотъ мнѣ задалъ задачу, продолжалъ между тѣмъ, прервавъ его, Данила Ираклiевичъ,—а я ужь и провидѣлъ; я таперя што скажу тебѣ: не бывать Егору Бычкову старшиной, слышалъ ты это?..

— Добрый онъ мужикъ-то, Данила Ераkычъ, обидѣть-то-бы его...

— И пообижу... потому я провидѣлъ, што онъ не другъ мнѣ!

— На все твоя власть, извѣстное дѣло!

— По-о-бижу! Коли ты супротивъ меня измыслилъ што и таперича я прозрѣлъ, и не быть тебѣ! Вотъ тебя старшиной посажу!

— Што ты, што ты, Данила Ераkычъ! даже какъ-будто попятившись съ испугу, произнесъ Трофимъ Кириловичъ,—да я, съ моимъ умишкомъ!..

— И сиди, прервалъ хозяинъ,—худой-ли у тебя умишко, хорошій-ли—мнѣ знать!

— Не натворить-бы, говорю...

— Помогу!.. Мой-то умъ на што, а?..

— А-а-ахъ, вотъ какъ ты меня усуслонилъ энтимъ... индѣ въ потъ кинуло, говорилъ Трофимъ Кириловичъ, обтирая лобъ, но если-бы человѣкъ болѣе проницательный

взглянулъ въ это время въ глаза его, то замѣтилъ-бы странную противоположность въ выраженіи ихъ съ выраженіемъ въ лицѣ. Они сверкали сарказмомъ и вмѣстѣ радостью, знакомой каждому при исполненіи его затаенной мысли.

— Оно-бы штожъ. продолжалъ онъ, — съ твоимъ-то умомъ я-бъ и въ старшинахъ высидѣлъ! Да вѣдь какъ общество-то, Данила Еракычъ?

— Общество-то? А што оно мнѣ, общество-то?.. Тьфу-у.. вотъ я на общество-то! Чей оно хлѣбъ-то ѣстъ, а?.. Мо-ой!.. Только само будто сѣетъ его, да жнетъ! О-бществo!.. Оно ужь душу-то мнѣ свою прозаклало, я вотъ имъ двѣ копейки надбавлю на пудъ хлѣба, да Амфимку работника въ старшины-то посажу; онъ и будетъ сидѣть, да судить ихъ!— и Данила Иракліевичъ, оживившись, приподнялъ повыше колѣна спустившіяся на полъ полы халата и засучилъ рукава.—А начальство-то наше, снова началъ онъ послѣ минутной паузы,—все въ моихъ рукахъ, не я къ нему, а оно ко мнѣ ѣдетъ съ поклономъ, оно мной живетъ, — живетъ мной, слышалъ ты это?.. — И Данила Иракліевичъ даже привсталъ при послѣднихъ словахъ, но, подобравъ полы у халата, снова сѣлъ.—На чьихъ лошадяхъ оно ѣздитъ?.. На мои-ихъ!.. Все мои дары! Чей мѣдъ ѣстъ?.. Мо-ой!.. И печенымъ и варенымъ везутъ отъ меня-жь! Сотнямъ-то, што за ними плаваютъ въ долгахъ, я и счетъ потерялъ, такъ неужь оно моей воли не исполнитъ, а?.. Моя на все воля, Трофимъ, моя-я! заключилъ, наконецъ онъ,—а ты мнѣ не перечь!..

— И въ помыслѣ-то у меня не было, началъ было Трофимъ Кириловичъ.

— Сиди старшиной, коли сажу!.. прервалъ его Данила Иракліевичъ,—ума не хватитъ—моимъ живи... и не разговаривай!.. А мужикамъ денегъ не задавай, я самъ имъ задамъ: исшо старыхъ счетовъ много!

— Къ чему-бъ тебѣ затрудняться-то съ ними?

— Нѣшто считать не умѣю, штоль?

— А-а-ахъ, Данила Ераклчъ, поспѣшно прервалъ его Трофимъ Кириловичъ,—все ты какъ-то не то, точно я тѣ сопротивникъ какой! Тебѣ-ли, говорю, съ экимъ капиталомъ, экія хоромины наживши, да не умѣть считать?

— То-то!

Я къ тому говорю, што утруждаться-то тебѣ при твоихъ таперя преклонныхъ лѣтахъ не кстати-бы... я вотъ къ чему!..

— Деньги-то считать, Трофимъ, не трудъ; другое што — оно точно... а энто болѣ баловство!..

— Слава тѣ Господи, Данила Ераклчъ, што баловать-то есть чѣмъ, а все съ умомъ, за умъ все энто Творецъ многомилостивый... Я вотъ таперя, грѣшный человѣкъ, въ ину пору и подумаю: дастъ-же это Господь такой благодати въ одну голову, а нѣтъ, штоба по частямъ между всѣми-бы, ну да опять и то, какъ въ размышленіе-то войду, зазналисъ-бы! Каждый-бы не почиталъ превыс-шихъ себя, старшихъ-бы не было и было-бы кромѣшное!.. Вотъ теперя къ слову, коли ты деньги будешь задавать, и твоя воля, твоя рука владыка! Почтителенъ кто, во всемъ

въ послушествѣ,—отъ щедрыни, гляди, и себѣ въ ущербъ да 20 на пудъ положишь!

— Положу, отъ меня это за все...

— А воспротивился, набрался этой гордыни губительной, ну и...

— Гложи ее гордыню-то, скусна-ли, а-ахъ, ха-ха-ха-а! прервалъ его со смѣхомъ Данила Иракліевичъ, — и сиди голодомъ.

— Я завсегда мужикамъ-то говорю: цѣните, говорю его; души-то, говорю, вы его не знаете, худа онъ вамъ не пожаждетъ, а ужъ чего онъ хочетъ, стало быть, вашу-же пользу провидитъ, вамъ-же добро!

— Не понять имъ этого... темные!

— Понимаютъ!

— А-а!.. Ну, видать, нонѣ свѣтъ къ тому, а ты учи ихъ, молоденца-то научить уму—угодно Богу!

— Учу, за все учу ихъ, Данила Ераклчъ.

— Учи! Предъ Господомъ все взыщется! докторальнымъ тономъ заключилъ хозяинъ. — Учи, штобъ не противились мнѣ, не люблю вотъ я энтого супротивства! Сдѣлалъ ты по-моему я завсегда для тебя ничего не пожалѣю, усчастливлю всякаго... Таперя вотъ я тебя за всю твою службу мнѣ, за твое покорство, въ старшины сажу и сиди и будь ты старшиной и пушшай міръ видитъ, какъ Данила Ераковъ награждатъ за службу! А денегъ мужикамъ не задавай, ко мнѣ шли, я самъ задамъ, посмотрю, нѣтъ-ли исшо въ нихъ строптивости!..

— Я, Данила Ераклчъ, хотѣлъ-бы исшо съ тобой на

тотъ случай потолковать, началъ, выслушавъ его, Трофимъ Кириловичъ, — не присогласить-ли намъ, къ поставкѣ-то хлѣба, кой-кого изъ нашихъ торгующихъ крестьянъ, а?... Оно-бы и разноголосицы не было, а всѣ-бы въ купѣ, хошабы вотъ Макара Вешнякова, мужикъ обстоятельный, Прутькова Финогена, Абросима Иволгина, оно-бы шибко способно по-моему-то и на руку-бы намъ!

— Энто, пожалуй, што ты дѣло говоришь!..

— Резонтъ-то имъ-бы можно подогнать, къ примѣру сказать-бы: што, молъ-де, коли вы порадѣете, возьмете по 15 съ пуда, такъ какая отъ подряда будетъ прибыль по частямъ-бы подѣлили!..

— Это я сталъ-бы свое кровное дѣлить! съ удивленіемъ произнесъ Данило Иракліевичъ:—да ты што съ радости-то свихнулъ, што—ль?..

— Да это-бы посулить только имъ!

— И сулить не хочу!

— Воля твоя!.. А я-бы посулилъ, Данила Ераклычъ; не во гнѣвъ тебѣ, хлѣбомъ-то они торгуютъ ходко, особливо Вешняковъ, индѣ въ другихъ округахъ его скупаетъ... Присогласи его на дѣлежъ-то, онъ и поддастся, а опосля вѣдь все въ твоей волѣ: отъ посула-то до дѣла пѣсня длинна. Оно-бы можно опосля и того... на дверь показать!..

— Стало быть, надуть, а-а-ахъ ха-ха-а...

— Къ тому и говорю, дѣло торговое!

— Энтакъ-то я согласенъ надуть-то, а-ахъ ха-а... энто ты по моему. Ну, ну, полакомь ихъ посуломъ, а опосля...

— И облизнутся! со смѣхомъ прервалъ его Трофимъ Кириловичъ.

— У-утрафилъ ты мнѣ энтимъ, Трофимъ, какъ это они облизнутся вмѣсто барыша-то, а-а-ахъ-ха-ха-а-а...

И Данило Ираклiевичъ, точно вообразивъ комически плачевныя мины облизнувшихся компаньоновъ, залился радушнымъ, веселымъ хохотомъ. Трофимъ Кириловичъ, тоже довольный своею мыслью, вторилъ ему изъ уваженія, пуская свой смѣхъ нотой ниже.

— Энтакъ-то я согласенъ, дѣлай: оно и намъ-то менѣ хлопотъ, а опосля мы имъ и того-о... а-ахъ-ха-хъ-а! взамѣнъ барыша-то по губамъ рукотерникомъ!.. заключилъ, наконецъ, онъ.—Торговое дѣло, Трофимъ, та-же война, продолжалъ онъ послѣ минутнаго раздумья, — таперя завсегды надоть такъ пригонять, што-бы ты за все всѣхъ обманывалъ, а тебя-бы никто! На то вотъ и умъ Господь даетъ, вотъ тутъ-то за все и надоть провидѣть! Умъ, Трофимъ, это бо-о-ольшое дѣло, молодъ ты исшо!..

— Ужъ супротивъ тебя мнѣ не гнаться, Данила Еракычъ!

— И не гонись, не догонишь, а поколь живъ я—учись! Нау-у-ука это, Трофимъ, наука!..

— Отплатить-то вотъ чѣмъ мнѣ тебѣ за все твое добро радѣнье-то ко мнѣ, вѣдь ты мнѣ отецъ!

— Мнѣ твоей отплаты, Трофимъ, ненадоть! Будь только за все въ покорствѣ, и усчастливлю, гордыни штобы только этой...

Но Трофимъ Кириловичъ не далъ ему докончить и,

быстро вставъ, нагнулся и поцѣловалъ его руку. Неожиданное доказательство такого уваженія до того взволновало Данила Иракліевича, что онъ только потрясъ отъ избытка чувствъ головою. „Ну, Трофимъ, ты для меня и взаболь сынъ“! произнесъ онъ. — „А-а-ахъ...“ и, закрывъ голову рукой, онъ задумался.

Въ деревнѣ все спало глубокимъ сномъ, когда изъ калитки дома Данилы Иракліевича вышелъ Трофимъ Кириловичъ и направился къ избѣ своей, стоявшей на концѣ улицы. Темнота не дозволяла видѣть выраженія его лица, но по быстрой и легкой походкѣ его можно было догадаться, что умъ его волновали самыя отрадныя мысли.

Опасеніе Трофима Кириловича о выборѣ въ волостные старшины Егора Бычкова раздѣляли въ описываемое время всѣ зажиточные крестьяне у—ой волости, ведущіе различные торговые обороты. Выборъ старшины составляетъ весьма важное явленіе въ быту крестьянъ; отъ нравственныхъ достоинствъ избираемаго зависитъ многое и въ административномъ, и въ экономическомъ положеніи ихъ. Тутъ нужно имѣть умъ, распорядительность, пониманіе и охраненіе интересовъ общества въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они сталкиваются съ требованіями административныхъ властей, т. е. земской полиціи и мирового посредника, имѣющихъ прямое и въ большинствѣ случаевъ неограниченное надъ ними вліяніе. Нужна честность отношеній избраннаго старшины къ самому обществу, обусловливаемая нетолько неспособностью старшины къ лихоимству и къ злоупотребленіямъ, какія постоянно допускаются волостными начальниками при сборѣ податей, и

вообще въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ по волости,— нужно пониманіе условій, связывающихъ взаимныя отношенія крестьянъ въ общежитіи. Необходима безпристрастность отношеній его равно и къ богачу и бѣдняку, что рѣдко встрѣчается въ этомъ темномъ и бѣдномъ мірѣ; а главное, что еще рѣже или никогда почти не встрѣчается, но что должно-бы составлять неотъемлемую обязанность старшинъ и волостныхъ начальниковъ, защита слабыхъ отъ произвола и насилій, какіе часто позволяютъ въ отношеніи къ нимъ люди зажиточные, тѣмъ болѣе, что, въ силу многихъ обычаевъ, подобнымъ отношеніямъ придается законный видъ, со стороны не только волостныхъ начальниковъ, но и самыхъ представителей болѣе высшей администраціи. Говорю „законный“ не безъ основанія! Многимъ-ли извѣстна система законтрактовыванія, къ какой постоянно прибѣгаютъ для успѣшнаго, бездоимочнаго сбора податей съ крестьянъ? Въ эт хъ случаяхъ часто половина населенія деревни или села отдается въ полную зависимость людей зажиточныхъ, противъ которой бѣдняки лишены всякаго права протеста. Окладной сборъ податей обыкновенно раздѣляется для большей легкости взысканія на двѣ половины. Первая половина за первое полугодіе производится въ январѣ, февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ, вторая за второе полугодіе по окончаніи полевыхъ работъ и по наступленіи хорошаго саннаго пути. Но, не смотря на эти видимыя облегченія, немногіе изъ бѣдняковъ, какихъ всегда бываетъ большинство, могутъ приготовить къ извѣстному времени требуемую сумму, и для того, чтобы не допустить наростанія недоимки при сборахъ податей, часто прибѣгаютъ

и къ насильственнымъ мѣрамъ: во-первыхъ, къ угрозамъ тѣлеснаго наказанія и чаще всего къ самому наказанію, выправляя имъ деньги, которыя, по понятію многихъ причастныхъ къ сбору лицъ, крестьяне скрываютъ, не желая платить. Иногда при этомъ продаютъ лишнюю скотину или пристройки при домѣ—амбарушку или сарайчикъ на сломъ, пополняя вырученными за нихъ деньгами требуемую сумму продаютъ хлѣбъ и другіе хозяйственные продукты *). Но чаще всего уговариваютъ какого-нибудь зажиточнаго крестьянина внести за неисправнаго плательщика подать, давая ему тѣмъ безконтрольное право выбирать внесенную сумму или личнымъ трудомъ законтрактованнаго, или продуктами его хозяйства. Мы не будемъ говорить о томъ, что крестьянинъ, попавши разъ въ подобную зависимость, долго, а иногда всю жизнь не можетъ оправиться, если только его не выручитъ какой-нибудь особенно благопріятный случай. Да и какъ ему поправиться? Допустимъ, что у него благодарный урожай, который при другихъ обстоятельствахъ могъ-бы поправить его хозяйство продажею избытка хлѣба въ постороннія руки по существующимъ на него цѣнамъ. Но внесшій за него подать крестьянинъ не допуститъ его до этой продажи и, по цѣнѣ, всегда самовольно назначаемой

*) Многіе мелкіе городскіе торговцы, такъ называемые «прасолы» при наступленіи времени сбора податей, всегда уѣзжаютъ въ деревни и часто даютъ довольно значительныя взятки волостному начальству именно за то, чтобы при сборѣ податей и недоимокъ оно не допускало отсрочекъ и продавало скотъ, хлѣбъ и другіе продукты, которые они скупаютъ, пользуясь этимъ благопріятнымъ для нихъ случаемъ, за крайне-ничтожныя цѣны. Что терпитъ отъ этого крестьянинъ, предоставляю судить читателю.

заберетъ хлѣбъ въ свою пользу, въ пополненіе долга. Допустимъ, что бѣднякъ избыткомъ хлѣба уплатилъ весь долгъ ему; но наступаетъ новый сборъ податей—и у него снова нѣтъ средствъ внести ихъ, такъ какъ весь его зароботокъ употребленъ на пополненіе стараго долга, и снова поневолѣ онъ прибѣгаетъ къ помощи своего благодѣтеля, выжимающаго изъ него послѣдніе соки, или сами волостные чины принимаютъ на себя эту миссію... Кромѣ того, въ Сибири существуетъ еще обыкновеніе законтрактовывать неисправныхъ плательщиковъ податей и недоимокъ въ работы къ лицамъ, постороннимъ крестьянскому міру,—такъ, напр., на золотые пріиски или на суда и рыбныя ловли промышленниковъ по рѣкѣ Оби.

Даже изъ этого бѣглаго очерка допускаемыхъ мѣръ для бездоимочнаго сбора податей каждый убѣдится, какъ легко и скоро наживаются крестьяне, занимающіеся торговлей, какъ самыя мѣры эти распложаютъ кулачество возводятъ его на степень законнаго явленія, вмѣсто того, чтобы бороться съ нимъ, какъ со зломъ, разъѣдающимъ экономическое благосостояніе народа и самую нравственность его. И не одни торгующіе крестьяне богатѣютъ, благодаря этимъ мѣрамъ, но и городскія торговыя сословія,—мѣщане, купцы средней руки, вступающіе въ различные подряды, съ казной, и особенно крупные рыбопромышленники тобольской и томской губерній; богатѣютъ отъ этого и сами волостные власти и особенно волостные писаря, и только одинъ крестьянинъ выноситъ на своихъ плечахъ всю тяжесть этихъ

мѣръ и, невидя просвѣта отъ тяжелаго труда, обогащающаго другихъ, самъ остается въ нищетѣ.

Мѣстные торгующіе крестьяне дѣлаютъ еще проще, не ожидая и вмѣшательства волостныхъ чиновъ. Когда приближается время взноса податей, они задаютъ впередъ деньги нуждающимся въ нихъ бѣднякамъ,—отъ которыхъ, конечно, не бываетъ отбоя,—подъ хлѣбъ и другіе необходимые для ихъ торговыхъ операцій продукты, понижая, конечно, цѣнность ихъ до того минимума, далѣе котораго нельзя идти. И бѣднякъ, подталкиваемый безвыходною нуждою и предстоящими для него непріятностями, неминуемыми въ случаѣ неуплаты податей, соглашается на всѣ ихъ условія. Нерѣдко въ подобныхъ случаяхъ лица, задающія имъ деньги, и не выясняютъ своихъ условій:—„послѣ-де сочтемся:“—и потомъ уже ничѣмъ не ограничиваютъ своего произвола. Конечно, крестьяне всегда-бы могли встрѣчать и даже, по смыслу существующихъ законоположеній, должны были-бы находить охраненіе своихъ интересовъ въ лицѣ стоящихъ надъ ними волостныхъ начальниковъ—людей, избираемыхъ изъ ихъ-же среды, ближе всѣхъ знакомыхъ съ ихъ жизнью, со всѣми условіями, стѣсняющими или благопріятствующими благосостоянію ихъ, но рѣдкій волостной начальникъ соотвѣтствуетъ своему назначенію, не потому, чтобы въ народѣ не находилось людей, одаренныхъ умомъ, яснымъ пониманіемъ дѣла, энергіей, необходимой для борьбы съ существующими злоупотребленіями,—нѣтъ: подобныхъ людей много въ средѣ нашего народа но они всегда остаются въ тѣни, наперекоръ желанію боль-

шинства, указывающаго на нихъ. Вотъ почему вопросъ о выборѣ старшины, о честности и нравственныхъ качествахъ его составляетъ такое важное явленіе въ быту крестьянъ.

Къ числу такихъ излюбленныхъ народомъ личностей принадлежалъ крестьянинъ деревни Бурановой, Егоръ Семеновичъ Бычковъ. Никто не обладалъ такимъ здравымъ пониманіемъ дѣла, какъ онъ, соединеннымъ съ твердымъ, рѣшительнымъ характеромъ, энергіей, не знающей препятствій. Онъ казался страшенъ своимъ вліяніемъ на народъ не однимъ міроѣдамъ, видѣвшимъ въ немъ непреодолимую, неподкупную оппозицію, но и мировому посреднику, которому онъ казался человѣкомъ крайне-опасныхъ. Егоръ Семеновичъ былъ человѣкъ небогатый,—правда, онъ имѣлъ обширную пасеку и пользовался репутаціей опытнаго пчеловода, имѣлъ необходимый для веденія обширнаго хозяйства скотъ, но ограничивался тѣмъ посредственнымъ достаткомъ, какой дается въ быту крестьянъ неутомимымъ, усиленнымъ трудомъ. Ему было болѣе пятидесяти лѣтъ; старшему сыну его шелъ уже двадцать-третій годъ; но, несмотря на такія, повидимому, преклонныя лѣта, въ немъ много сохранилось и свѣжести, и мужественной красоты. Казалось, ни тяжелая трудовая жизнь, ни время не производили разрушительнаго вліянія на могучій организмъ его. А могучъ былъ этотъ организмъ! И громадный ростъ, и соотвѣтствующая ему физическая сила вошли въ к...омъ округѣ въ пословицу. Въ народѣ называли его „медвѣжьимъ пугаломъ“ съ тѣхъ поръ, какъ, подкарауливъ у своей пасеки медвѣдя, онъ, безоружный, кинулся въ погоню за

нимъ. Въ наружности его было странное свойство наводить робость, но робость, вытекавшую не изъ страха, а изъ уваженія, изъ инстинктивнаго сознанія богатства внутренней силы въ немъ. Старый и малый, при встрѣчѣ съ нимъ, снимали шапки и кланялись, и начальствующія лица, при разговорѣ съ Егоромъ Семеновичемъ, невольно понижали тонъ изъ повелительнаго въ ласкающій. Они боялись его, боялись большихъ чорныхъ глазъ, съ свѣтившимся въ нихъ лукавымъ юморомъ, смотрѣвшихъ смѣло, гордо и, казалось, заглядывавшихъ въ душу, читая въ ней самыя сокровенныя мысли. Полное, смуглое лицо его дышало крѣпостью и здоровьемъ; высокій, съ характерными выпуклостями лобъ, широкій въ вискахъ, оттѣненный чорными прямыми волосами, дополнялъ общее впечатлѣніе, говорившее о сильномъ, прямомъ характерѣ, о саркастическомъ умѣ, чаще всего встрѣчающемся у русскихъ простолюдиновъ, такъ что трудно рѣшить, составляетъ-ли этотъ сарказмъ свойство русскаго человѣка или развивается въ немъ подъ вліяніемъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя сопровождаютъ его незавидную долю. Егоръ Семеновичъ постоянно улыбался и улыбка его оставляла каждаго въ напряженномъ ожиданіи ѣдкаго словца. Онъ много умѣлъ говорить своей улыбкой и люди, стоявшіе несравненно выше его по своему развитію, при видѣ этой улыбки невольно взвѣшивали свое слово, свою мысль прежде, чѣмъ высказать ее передъ этимъ простымъ, неграмотнымъ человѣкомъ. Даже въ чертахъ лица его, въ голосѣ, въ манерѣ, обращеніи съ людьми, какъ и въ улыбкѣ, проглядывало что-то

ѣдкое и въ то же время сухое, отчего и самая личность его казалась на первыхъ порахъ не симпатичной. Въ немъ не было и тѣни привлекательнаго добродушія,—удѣла чаще всего натуръ слабыхъ и безхарактерныхъ; къ нему никто не рѣшался обратиться за помощью, хотя были случаи, что людямъ, впавшимъ въ бѣдность по несчастію, онъ помогалъ, не ожидая ихъ просьбъ, нерѣдко удѣляя даже рой пчелъ на разживу, вопреки предразсудкамъ, существующимъ у пчеловодовъ *). Но не отталкивала отъ него окружающихъ эта черствость обращенія съ ними, а, напротивъ, привлекла ихъ къ нему. Не эта-ли скрытая въ немъ сила и побуждала все слабое и униженное искать въ немъ опоры для себя, выдвигать его изъ своей среды, какъ надежную защиту своихъ интересовъ и нуждъ.

Само собою, что подобная личность не могла не обратить на себя враждебнаго вниманія лицъ, возводящихъ въ принципъ безмолвную покорность крестьянъ къ ихъ несправедливостямъ. Еще до введенія мировыхъ учрежденій, когда Алтай находился въ безусловномъ завѣдываніи горнаго вѣдомства, Егоръ Семеновичъ терпѣлъ гоненія отъ мѣстнаго начальства за то, что отъ имени крестьянъ подалъ просьбу,

---

*) Отдача роя пчелъ, по мнѣнію пчеловода, ведетъ за собою раззоренье, а именно: пчелы перестанутъ водиться и перейдутъ всѣ къ тому, кому отданъ рой. Также точно ни одна домовитая хозяйка-простолюдинка не отдастъ гнѣзда отъ домашняго уксуса, по той-же причинѣ, что уксусъ непремѣнно испортится, не будетъ болѣе водиться въ домѣ. Ни одна изъ нихъ не дастъ и остатка «опары», на которой замѣшиваются хлѣбы, иначе хлѣбы скиснутся и выйдутъ неудачные, съ закаломъ подъ верхней и нижней коркой.

въ которой были выведены всѣ злоупотребленія горныхъ управителей, урядниковъ, наряжавшихъ на работы, и подрядчиковъ, бравшихся за крестьянъ доставлять на заводы уголь и другіе матеріялы и раззорявшихъ край. Какъ и слѣдовало ожидать, своимъ усиленнымъ, энергичнымъ ходатайствомъ Егоръ Семеновичъ, не принеся пользы и облегченія крестьянамъ, навлекъ на себя гоненіе, которое, по всей вѣроятности, кончилось-бы для него весьма дурно, еслибъ подоспѣвшая реформа не спасла лично его и не сняла этого гнета съ крестьянъ. Народъ ожилъ и въ первый разъ вздохнулъ свободно, въ надеждѣ на лучшее будущее. Но отъ дурного примѣненія и выбора лицъ прекрасная сама по себѣ и много обѣщающая реформа теряла во многомъ свое обновляющее значеніе.

Въ людяхъ съ характеромъ Егора Семеновича часто вмѣстѣ съ практической, житейской положительностью соединяется несовмѣстная съ нею поэтическая экзальтація, дѣйствующая въ нихъ наперекоръ тому, что диктуетъ имъ ихъ-же собственный жизненный опытъ. Они хорошо, напримѣръ, сознаютъ истину, что плетью обуха не перешибешь, и все-таки бьютъ по обуху, не замѣчая, что наносимые ими удары, въ силу отраженія, падаютъ на нихъ-же съ двойною силою. Но таково ихъ свойство души! Они всецѣло отдаются своему дѣлу, не останавливаясь ни передъ чѣмъ и не щадя себя; въ нихъ много неискоренимой вѣры въ правду и они доискиваются ея всѣми путями; они незнакомы съ разочарованіемъ, хотя жизнь на каждомъ шагу наталкиваетъ ихъ на него, и когда передъ ними закрываются всѣ пути, ве-

дущіе къ ихъ цѣли, они пробиваютъ новые и все-таки идутъ, идутъ къ ней, пока не падутъ подъ бременемъ неравной борьбы. Съ первыхъ-же лѣтъ послѣ реформы Егоръ Семеновичъ вооружилъ противъ себя и новое волостное начальство, и писаря, и мирового посредника. Конечно, шедшая между ними борьба была мелочна, жалка по своимъ причинамъ и результатамъ; но вѣдь и окружающая жизнь была также мелочна и жалка, а кто-же не знаетъ, что житейскія мелочи сильнѣе стѣсняютъ людей, чѣмъ великія, міровыя событія. Во главѣ всего крестьянскаго общества онъ первый поднялъ голосъ противъ поборовъ. Мировой посредникъ настоялъ, чтобъ каждый крестьянинъ обязательно доставилъ по лѣсинѣ на домъ волостнаго писаря, особеннаго его любимца. Егоръ Семеновичъ на сходѣ заявилъ, что пусть мировой посредникъ заплатитъ по полтора рубля съ лѣсины, работать-же даромъ на писаря, на ихъ-же наемника, у крестьянъ ни времени, ни лошадей нѣтъ. И писарь вынужденъ былъ закупить лѣсъ въ другой волости. Вскорѣ послѣ этого мировой посредникъ обложилъ каждаго крестьянина-пчеловода обязательной доставкой полупуда меда для себя, и снова Егоръ Семеновичъ выдвинулся изъ толпы съ протестомъ, и общество, руководимое имъ, не дало меда, несмотря на всѣ настоянія и даже насиліе волостныхъ. Слишкомъ-бы много и долго-бы пришлось перечислять подобные факты и столкновенія, нерѣдко вызывавшіе въ крестьянской средѣ ропотъ. Мы не беремся описывать негодованіе мироваго посредника, когда волостной писарь привезъ ему извѣстіе, что на мѣсто волостнаго старшины,

отданнаго подъ судъ за намѣреніе скрыть убійство съ корыстною цѣлью, общій голосъ народа избираетъ Егора Семеновича—человѣка, такъ много нанесшаго ему чувствительныхъ уколовъ. Мы отчасти знаемъ, какъ смотрѣли на выборъ его богатые крестьяне, зная его умъ, непреклонную волю и честность, вошедшую въ такую-же пословицу, какъ ростъ и сила. Но что чувствовалъ писарь, это было-бы трудно и выразить, онъ чуть-ли не лучше всѣхъ зналъ, что былъ за человѣкъ Егоръ Семеновичъ и чего онъ долженъ былъ ожидать отъ него.

Недѣли черезъ двѣ послѣ разговора, происшедшаго между Данилой Иракліевичемъ и его кліентомъ, въ ворота двухъ-этажнаго каменнаго дома, единственнаго въ городѣ К., въѣхала телѣжка, запряженная парою рослыхъ гнѣдыхъ лошадей. Правившій ими пожилой крестьянинъ, одѣтый въ куцый армякъ поверхъ овчинной шубы, остановилъ ихъ у крыльца флигеля, стоявшаго посреди двора; сидѣвшій въ телѣжкѣ Данила Иракліевичъ, вынувъ зарытый въ сѣно холщевый мѣшокъ, лежавшій около объемистой бадьи, повидимому, съ медомъ, вылѣзъ изъ телѣжки и вошелъ съ мѣшкомъ въ рукахъ на крылечко флигеля. Домъ этотъ занималъ мировой посредникъ Клементій Ивановичъ Шлепфельдъ. Пока лакей его, бойкій мальчикъ, съ наивнымъ лицомъ и вороватыми ухватками, въ будни ходившій въ засаленомъ тиковомъ пиджакѣ и въ шароварахъ, запущенныхъ въ длинныя голенища стоптанныхъ сапогъ, въ празд-

ники-же одѣваемый казачкомъ, побѣжалъ изъ флигеля, въ которомъ помѣщалась кухня и жилье для прислуги, доложить барину о пріѣздѣ Данилы Иракліевича, мы дозволимъ себѣ познакомить читателя съ личностью Клементія Ивановича. Ему было около сорока лѣтъ, росту онъ былъ выше средняго, стройный, съ пріятной полнотой въ лицѣ и фигурѣ, обличавшей здоровье и избытокъ силъ. Черты лица его были правильны и можно-бы сказать красивы, если-бы общаго впечатлѣнія производимаго ими, не портило выраженіе большихъ зеленыхъ глазъ и тонкихъ, постоянно сжатыхъ губъ, обрамленныхъ рыжими усами и окладистой бородой. Что-то злое и вмѣстѣ нахально-насмѣшливое было розлито въ нихъ, невольно заставлявшее каждаго сторониться отъ него и быть осторожнѣе въ его присутствіи. И небольшое бюрократическое общество городка К. не только сторонилось отъ него, но и боялось его, отдавая ему дань наружнаго почтенія, боялось его способности къ инсинуаціямъ, къ умѣнью сплетать всякую быль съ небылицей, и, благодаря этой способности, Клементій Ивановичъ съ изумительнымъ тактомъ умѣлъ поставить себя во главѣ общества, принять надъ нимъ начальственный, повелительный видъ. Съ такимъ-же тактомъ онъ велъ и дѣла свои, не заводился благопріобрѣтеннымъ, не вступалъ, какъ сослуживцы его, мировые посредники, ни въ какія торговыя операціи и, громко возвышая свой голосъ противъ нихъ, рисовался на фонѣ заводимыхъ ими фермъ, домовъ и мельницъ своимъ сомнительнымъ безкорыстіемъ. Онъ никогда не рѣшался ѣздить одинъ въ свой участокъ, а всякій разъ приглашалъ съ собой исправника или засѣдателя для защиты своей

особы отъ постоянно-ожидаемыхъ непріятностей. Вниманіемъ его и лаской, выражавшейся въ насмѣшливо-формальномъ обращеніи, пользовались только богатые крестьяне; они имѣли къ нему свободный доступъ, онъ подавалъ имъ руку, останавливался всегда у нихъ во время своихъ разъѣздовъ, по деревнямъ, не брезговалъ принимать на себя роль свата, устраивая браки своихъ писарей на ихъ дочеряхъ, и помогалъ имъ своимъ вліяніемъ въ торговыхъ сдѣлкахъ. Ни въ одномъ участкѣ не было развито такого шпіонства, какъ у него: онъ зналъ всѣхъ своихъ враговъ изъ народа. Иногда самого ничтожнаго повода было достаточно для Клементія Ивановича, чтобы искоренять подобныхъ людей: ихъ позорили тѣлеснымъ наказаніемъ, отнимая тѣмъ возможность служить когда-либо по выборамъ и пользоваться незапятнанной репутаціей, садили въ волостныя тюрьмы и держали тамъ нерѣдко по нѣскольку мѣсяцевъ, приводя тѣмъ хозяйство ихъ въ упадокъ, или запутывали въ какія-нибудь дѣла, влекущія за собой содержаніе въ острогѣ, пока бѣднякъ не догадывался наконецъ, и не выселялся въ другой округъ, спасая себя отъ худшей доли. Много возникало жалобъ со стороны крестьянъ на Клементія Ивановича, но всѣ онѣ не достигали своей цѣли, порождая въ народѣ грустное сознаніе о своей беззащитности.

При входѣ въ обширную залу, Данило Иракліевичъ засталъ Клементія Ивановича за его любимымъ занятіемъ бездѣльнаго хожденія изъ угла въ уголъ съ руками, заложенными въ карманы домашняго пальто.

— А, Данила Иракліевичъ или, какъ креетьяне-то

называютъ тебя Еранычъ! любезно встрѣтилъ его Клементій Ивановичъ, подавая ему руку,—ну, что новаго, а? спросилъ онъ, предложивъ ему сѣсть на стоявшій у порога стулъ.

— Много-бы новаго-то, Клеменъ Иванычъ, отвѣтилъ онъ, заворотивъ сначала сзади полы своего сюртука и потомъ бережно опустившись на стулъ.—Наша сторона такая: новинокъ, што мухъ, не оберешься! Не погнѣвись, Клеменъ Иванычъ, на гостинцахъ-то; рябковъ *) нонѣ закупилъ нарошно для тебя!

— Свѣжіе?

— Самые нонѣшняго убоя... неужь тебѣ тухлыхъ привезу, ну да медку, чѣмъ богатъ, ужь не погнѣвись, говорю!..

— Медъ-то твой вѣдь я знаю... прелесть!

— Ме-едъ, это точно... не поскучаю на Бога, тебѣ-жь я липоваго привезъ самой слезы!..

— Ну, ну, хорошо, спасибо!.. Попробуемъ, я твои меда люблю: противъ твоихъ едва-ли и въ уѣздѣ найдешь, а?.! съ ироніей спросилъ онъ, задѣвая самую чувствительную струну его самолюбія.

— По-о-ищешь!.. не безъ гордости отвѣтилъ Данила Иракліевичъ.—Лонись я исправнику бадеечку далъ... такъ онъ, а-ахъ будь ты грѣхъ!..

— Что-жъ?.. — и Клементій Ивановичъ остановился противъ него въ вопросительной позѣ.

— Припрыгъ ажъ!..

— Съ радости?..

*) Рябчики.

— Неужь съ горя! Да зацѣпилъ это меду-то на пальцы, да съ пальцевъ-то такъ и лижетъ, такъ лизмя и лижетъ, ну, и смѣ-ѣхъ же!

Клементій Ивановичъ улыбнулся и молча посмотрѣлъ на него.

— А что, какъ твои дѣла идутъ? спросилъ онъ послѣ минутной паузы.

— Дѣла-то?.. Да какія-бы дѣла-то у меня, рази вотъ подрядъ-то?..

— Ну, подрядъ-то?..

— Орудую, слава тѣ, Господи!

— Много надѣешься барыша зашибить, а?

— Барыша-то?.. Да вѣдь какъ оно Господь дастъ, неузнано! Торговое-то дѣло, Клеменъ Иванычъ, потьма: гдѣ набредешь, а гдѣ и мимо пройдешь, все въ Божьей волѣ, да надоть-бы, по моему-то счету, тыщъ-бы десять взять!

— Одного барыша?..

— За труды-бы будто!

— Куда ты, Еракычъ, и съ деньгами-то это, а?.. снова съ той-же ироническої улыбкой спросилъ онъ.

— Съ деньгами-то?.. съ улыбкой самодовольствія на лицѣ переспросилъ и Данило Ираклiевичъ.

— Не лопни, смотри, съ надсады...

— О-о... я-то будто...

— Тебя и то ужь горой дуетъ! съ насмѣшкой прервалъ его Клементій Ивановичъ;—смотри, вѣдь сюртукъ-то годъ тому назадъ шилъ, а ужь онъ не сходится!.. произнесъ онъ, указывая на разстегнутый сюртукъ его, изъ-подъ

котораго виднѣлась бархатная, съ крупными алыми и синими цвѣтами жилетка.—Тебѣ-бы ходить больше нужно, продолжалъ онъ,—а ты все лежишь!

— Подъ меня и подъ лежачаго плыветъ! самодовольно отвѣтилъ онъ и, покачавъ головой, засмѣялся.—Ну и шутникъ-же ты, пра-аво шутникъ, куды говоришь, съ деньгами, а?.. хе!.. Деньгамъ-то на бѣломъ свѣтѣ мѣсто найдется, скучать это нечего, а вотъ безъ денегъ-то, а-а-хъ... худо!.. заключилъ онъ, покачавъ головой.

— Худо, Еракычъ, правда, вотъ какъ мое теперь дѣло!

— Неужь-ты безъ денегъ сидишь, а?.. Коль надоть, возьми-и, сочтемся когда ни на есть, свои люди-то!

— Я пошутилъ!.. Только тебя пощупать хотѣлъ, каковъ ты, добрый-ли?..

— Я добрый!.. ужь и щупать-то меня нечего... щупаный, што добрая курица за все съ яйцомъ!..

— Кѣмъ-же, а?..

— Всѣмя понемножку! Тоже вѣкъ-то не даромъ прожилъ! А коли и взаболь тебѣ, Клеменъ Иванычъ, деньги надоть, такъ ты чего робѣшь, слава тѣ Господи, я тѣ за твою хлѣбъ-соль и за всю милость...

— Отдай-ко вотъ гнѣдка-то мнѣ, а?.. неожиданно прервалъ хозяинъ его монологъ.

— Гнѣдка-а... какого это гнѣдка?..

— Помнишь, что ты казалъ мнѣ съ бѣлой-то пятинкой на лбу!..

— Э-э-э... ка-акой ты... съ удивленіемъ протянулъ

онъ,—ай-яй, куды мѣтнулъ хе-е... вѣдь энтотъ конь-то у меня тыща рублевъ.

— Ужь и тысяча!..

— Святъ Богъ!.. Безъ отмѣну говорю: тыща! Этотъ конь-то кра-а-аса!

— Красивъ-то красивъ, правда! Только вѣдь и ты ужь хватилъ, братъ, тысячу рублей, легко сказать... и триста-то за глаза, я триста и далъ-бы!.. произнесъ онъ, пытливо посмотрѣвъ на него...

— О-охъ-хо-хо-о... Ну, Клеменъ Иванычъ, и легка-жь, братъ, у тебя рука коней покупать... съ усмѣшкой отвѣтилъ онъ.

— А что?..

— Ничаво... я къ слову говорю...

— Что-жъ... мало, что-ли... иль много по твоему, а?..

— Ужь такъ надоть сказать, што ты совсѣмъ это зря говоришь, необдумамши, обидчиво произнесъ онъ.—Триста рублевъ, эка штука: за экого коня да триста рублевъ, а?.. Да я тѣ за триста рублевъ, што ись, и пѣгаго не отдамъ, а пѣгой, сказать тебѣ, супротивъ гнѣдка, што ворона супротивъ сокола, и ей-Богу, экой конь, да триста рублевъ, а?..

— Что-жъ онъ у тебя, особенность какая, что-ли?.. насмѣшливо подстрекнулъ его Клементій Ивановичъ.

— Особенность!

— Какая-же?..

— А такъ, въ масть! Да касательно чего не возьми, во всемъ особенность, хоша-бы вотъ плевое дѣло хвостъ, и то, ей-Богу, што пухъ! То-ись у этого коня чего ты не

возьми... а-а-ахъ ты, братецъ, да и говорить-то... вѣдь энтотъ конь...

— Ну, что-жъ, конь какъ конь! насмѣшливо прервалъ Клементій Ивановичъ.

— О-обчелся!.. Энтотъ конь... а-а-ахъ, да не вводи ты меня...

И, вставъ со стула, онъ вышелъ въ переднюю и, высморкавшись при помощи пальцевъ, досталъ изъ кармана клѣтчатый платокъ и вытеръ имъ носъ и пальцы.—Право, грѣховодникъ, шутливо-заискивающимъ тономъ произнесъ онъ, возвращаясь въ залу.—За экого коня триста рублевъ, а?.. Ужъ лучше даромъ отдамъ его, чѣмъ триста рублевъ возьму, пра-аво!

— И триста рублей деньги!

— Не видывалъ я денегъ, што-ли... да мнѣ и тыщато, то-ись, тьфу-у... не токмо триста! А ужъ триста рублевъ за экаго коня за одинъ конфузъ не возьму, ей-Богу: владай ужъ лучше даромъ.

— Я не хочу даромъ!

— О-о! Штожъ такъ, отъ меня-то можно-бы!

— А что-же ты такое, что отъ другихъ нельзя, а отъ тебя можно, а?.. Развѣ тоже особенность какая?

— Ну, Клеменъ Иванычъ, скажу я тебѣ на эфто такое слово, што другаго такаго Данилу Ераныча, ты свѣтъ изойди, не сыщешь! самоувѣренно произнесъ онъ.

— Это правда! насмѣшливо отвѣтилъ тотъ.

— И-и-и, вѣрно говорю, не сыщешь! Потому, я скажу, человѣкъ, братецъ ты мой!

— Съ головы до пятъ вижу!

— Вѣрно!

— И слава Богу!

— И это ты въ точности Его Многомилосливаго долженъ, за все молить! Его окомъ превознесенъ, и ей-Богу!.. Ну, а ужъ будто што поспорили, расквилилъ вотъ ты меня, владай гнѣдкомъ!—И, взявъ полу сюртука въ руку, онъ подалъ ее ему.

— Ты что-жъ это и въ самомъ дѣлѣ даришь!.. съ удивленіемъ, въ свою очередь, спросилъ его Клементій Ивановичъ.

— Дарствую!

— Полно... полно, вѣдь я пошутилъ!

— Бери, коль даютъ!

— Ты, Еракычъ, сдурѣлъ никакъ?

— И дурь да моя! А коли даютъ, бери, а то осержусь.

— Посердись... ну, ну... погляжу я, каковъ ты въ сердцѣ-то?

— Бѣ-ѣдовый! Крутой я, Клеменъ Ивановичъ, человѣкъ, такъ тебѣ скажу! Вотъ ты хоша и посредственникъ, начальство, а уважилъ ты меня лаской и я тебѣ... то исъ вотъ... въ лучшемъ видѣ все предоставлю! Денегъ-ли, коня-ли, по моему богатству не постою то исъ... тьфу... вотъ какъ, ей-Богу!.. только уважь ты меня, хоша я вотъ и мужикъ, а уважь, потому мнѣ уваженье дорого... и я за все за это...

— Какъ-же тебя уважить-то, Еракычъ, если я гнѣдка возьму, а?..

— Сдѣлай только по-моему!

— Что-жъ тебѣ сдѣлать-то: на божничку тебя посадить, а?..

— Нѣтъ, ты меня въ экое мѣсто не сади.

— Боишься упасть, а?..

— Энтимъ, братъ, мѣстомъ грѣхъ глумить, Клеменъ Иванычъ, грѣ-ѣхъ; а ты вотъ только не сади намъ въ старшины Бычкова Егора.

— То-олько!.. Ну, а если посажу, тогда ты и гнѣдка отберешь, а?

— Гнѣдка-то!.. Вотъ ты мнѣ задачу-то задалъ, а?.. шутливо произнесъ онъ, почесавъ въ затылкѣ.

— Што-жь: говори, отберешь или нѣтъ?..

— По-одумаю... постой!..

— Ну... ну, утѣшься... не ломай напрасно головы, пригодится еще... насмѣшливо началъ онъ; такъ и быть, уважу тебя... не бойси, не сядетъ онъ въ старшины, будь покоенъ: или ужъ меня не будетъ, или Бычкова, понялъ?.. спросилъ онъ, остановившись противъ него.

— Это-то я вотъ понялъ! За эфто спа-асибо, а то съѣстъ онъ насъ!

— Развѣ вы боитесь его, а?..

— Властный онъ мужикъ-то, Клеменъ Иванычъ, и небогатый-бы, а гляди-жъ, какую силу имѣетъ, въ пору што съ тыщами человѣкъ, любятъ его мужики-то!

— Гм... ну, а что-жъ-бы онъ могъ тебѣ, напримѣръ, сдѣлать, если-бъ старшиной былъ: вѣдь ты его не боишься, а?..

— Не боюсь... я... я... не боюсь!..

— Такъ чѣмъ-же онъ съѣлъ-бы тебя, а?

— А съѣлъ-бы!.. Онъ, Клеменъ Иванычъ, всякую-бы торговлю нашу съѣлъ! Вѣдь онъ, послушай-ко, чего разводитъ: я, говоритъ, этихъ хлѣбныхъ скупщиковъ-то, што міръ зорятъ, не пушшу въ народъ-то наживаться на его слезы...

— А-а... такъ онъ ужъ и порядки новые думаетъ заводить?.. съ нервной дрожью въ голосѣ спросилъ Клементій Ивановичъ.

— Заводитъ! А заводы-то его, Клеменъ Иванычъ, не скоро расхлебашь... не такой онъ! Ослобони ужъ ты насъ отъ него, сдѣлай милость; а тутъ такія дѣла пойдутъ, што и не оберешься! Уважь ты насъ ужъ, хочу я тѣ въ ноги поклониться, посади ты въ старшины-то намъ Трофима Шебалина, ду-ушевный мужикъ-то и тебѣ-то служить-то съ нимъ по-овадно-бы было!

— Шебалинъ... это... это што у тебя-то?

— Его самаго!..

— Гм!.. И Клементій Ивановичъ учащенно зашагалъ по залѣ, навивая на пальцы свою бородку,—обыкновенный жестъ, доказывавшій его раздумье.—Я знаю его! заговорилъ наконецъ онъ,—онъ кажется, толковый мужикъ-то, а съ народомъ-то каково онъ, живетъ, а?..

— О-обходительный мужикъ, скажу тебѣ!

— Ума много надо старшиной-то служить, Ераклычъ!

— И энтого ему не занимать!.. Таперя посмотри, какую онъ торговлю ведетъ, хоша-бы и у меня дѣлами орудуетъ, безъ ума не наорудуешь?

— Правда!

— У него ума, безъ лихвы скажу, Клеменъ Иванычъ, па-алата! И изъ твоей-то воли онъ не выйдетъ: ужъ я, говоритъ, за Клемена Иваныча душу положу; ужъ изъ-за него ты за все-бы за волость-то спокойнымъ духомъ былъ, ей-Богу; ужъ я тебѣ худа не пожелаю, вѣрь!

Клементій Ивановичъ продолжалъ ходить все въ томъ-же раздумьи.

— Уважъ ты меня, сле-езница это моя предъ тобой!.. А мужиковъ-то мы подладимъ, Егора-то сшибемъ съ ихъ совѣсти и тебѣ-то покойно будетъ; а то съ Егоромъ-то, Клеменъ Иванычъ, мно-о-ого тебѣ возни будетъ—мужикъ съ норовомъ; а энтотъ Трофимъ-то совсѣмъ особь статья, энтотъ изъ твоей воли и за тыщи не выйдетъ, ей-Богу, и намъ-то рука-а-бы...

— А знаешь ты, что я и самъ на него мѣтилъ, а?..

— О-о-о!.. съ радостнымъ удивленіемъ протянулъ онъ,— вотъ это ужъ ты уважилъ меня!..

— И другаго гнѣдка не пожалѣешь, а?..

— Ну... оно того... пока и одного будетъ, Клеменъ Иванычъ! пугливо отвѣтилъ онъ.

— А ты-же сказалъ, что за уваженье все отдашь а?..

— На-а-акладно ужъ все-то! Вѣдь энтотъ конь-то сказать тебѣ, и-и-и одинъ чего стоитъ!

— Это ужъ я слышалъ!

— То-то конь: и въ губерніи, братъ, рты-бы разинули... и въ упряжи-то идетъ, а-а-ахъ ты, мать моя... кра-аса!

— Спасибо, спасибо!.. Теперь ужъ я твой должникъ!

— Со-о-очтемся!.. А конь, другъ, ну-у... только тебѣ одному и пожертвовалъ, а другому-бы, то-исъ, и рукъ полой марать не сталъ, ей-Богу! Такъ ужъ это што-жъ, Клеменъ Иванычъ, выходитъ: о Трофимѣ-то порѣшенное дѣло, а?..

— Подготовьте народъ!.. Подлецы вѣдь!

— Унастуе-емъ!.. Противъ меня мужики-то! Отецъ вѣдь я имъ!..

— Скажи имъ, что, если они будутъ за Бычкова стоять, то... ну, да объ этомъ послѣ... да пошли ко мнѣ писаря, какъ поѣдешь!..

Данила Ираклiевичъ всталъ и пошарилъ около себя на стулѣ, ища шапку.

— Ты куда... сиди, чаю съ твоимъ медомъ отвѣдаемъ, посмотримъ, какого ты привезъ, можетъ быть, говоришь только липоваго, а онъ и дрянь!

— Энто мой-то медъ-бы, а?.. ну, нѣ-ѣтъ: это ты, Клеменъ Иванычъ, только зря языкъ чешешь, ей-Богу, шу-утникъ ты! Ужъ посижу- вотъ, хоша-бы ѣхать и надо, а погляжу, какъ ты у-ухлебывать начнешь его, дрянной-то медъ!..

Поздно вечеромъ изъ воротъ дома Клементiя Ивановича выѣхала таже телѣжка, сопровождаемая всей дворней его, которой подгулявшiй нѣсколько Данила Ираклiевичъ пожертвовалъ отъ щедротъ своихъ три рубля.

Обратный путь Данилы Ираклiевича продолжался нѣсколько дней, благодаря внимательному и радушному пріему его въ лежащихъ по дорогѣ деревняхъ. Онъ останавливался только у зажиточныхъ крестьянъ, съ перваго-же слова давая

замѣтить каждому изъ нихъ о чести, оказанной имъ своей остановкой. „Ждалъ-ли ты экаго-то гостя?“ обыкновенно спрашивалъ онъ, слѣзая съ телѣги, и на увѣренія хозяевъ о радости видѣть его у себя, самодовольно улыбался, поглаживая бороду. Едва вѣсть о пріѣздѣ его облетала деревню, къ нему собирались крестьяне, знавшіе отъ Трофима Кириловича о взятомъ имъ подрядѣ,—собирались съ цѣлью вывѣдать, будетъ-ли онъ закупать хлѣбъ, по какимъ цѣнамъ, къ какому сроку нужна будетъ поставка его и будетъ-ли онъ задавать впередъ деньги или нѣтъ. Въ разговорахъ съ ними объ этомъ предметѣ Данила Иракліевичъ какъ-бы вскользь намекалъ имъ, „что онъ нонѣ порѣшилъ съ мировымъ посредникомъ кой-кого потревожить и деньги подъ хлѣбъ задастъ только тѣмъ мужикамъ, которые не выйдутъ изъ его воли“! Сначала крестьяне недоумѣвали, слушая его, но скоро, впрочемъ, смекнули, кого мировой посредникъ порѣшилъ съ Данилой Иракліевичемъ потревожить, благодаря неосторожно-выраженному имъ неудовольствію на глупость народа, поддавшагося вліянію такого человѣка, какъ Егоръ Бычковъ. Нигдѣ такъ быстро не разносятся новости, какъ въ деревняхъ, и всегда почти съ различными варіаціями и предположеніями, на какія весьма податливы крестьяне; такъ и слова Данилы Иракліевича быстро разнеслись по у...ой волости и, какъ водится въ этихъ случаяхъ, возбудивъ много говора, еще рельефнѣе выставили въ мнѣніи народа личность Бычкова и сильнѣе укрѣпили крестьянъ въ мысли держаться его, въ немъ одномъ видѣть свою опору. О кандидатурѣ Трофима Кириловича они и не догадывались. Данила Иракліевичъ

умалчивалъ объ ней. Какъ онъ ни былъ простъ, но все-таки понималъ, что въ виду предстоящей борьбы противъ Бычкова выставить имя кандидата взамѣнъ желаемаго народомъ значило заранѣе вооружать общественное мнѣніе противъ себя, посредника и Трофима Кириловича, заставить его предполагать какія-нибудь недобросовѣстныя цѣли; а что народъ вездѣ и во всемъ, что касается его, видитъ однѣ недобросовѣстныя цѣли, то это мнѣніе въ немъ упрочиваетъ постоянный опытъ жизни.

По пріѣздѣ домой, Данила Ираклiевичъ засталъ у себя неожиданныхъ гостей: Макара Васильевича Вешнякова, Анфиногена Борисовича Пруткова и Амвросія Николаевича Иволгина, тѣхъ самыхъ хлѣботорговцевъ, участіе которыхъ въ подрядѣ Трофимъ Кириловичъ находилъ необходимымъ. Теперь не лишнимъ будетъ выяснить цѣль, какой руководился Трофимъ Кириловичъ, приглашая ихъ къ участію въ подрядѣ. Они нисколько не могли вредить скупанію хлѣба поднятіемъ цѣнъ на него, какъ объяснялъ онъ Данилѣ Ираклiевичу, и послѣдній справедливо замѣтилъ ему, что народъ не промѣняетъ его на другихъ, не потому, чтобы народъ любилъ его, а по той простой причинѣ, что онъ былъ богаче остальныхъ торгующихъ крестьянъ и, сравнительно съ ними, далеко сговорчивѣе и уступчивѣе въ цѣнахъ. Кулаковъ-крестьянъ можно раздѣлить на двѣ категоріи: на сытыхъ и голодныхъ, или на нажившихся и наживающихся. Для первыхъ не представляется уже особенной надобности выжимать послѣднюю копѣйку у мѣстнаго населенія. Достигши своего, нажившись, они если не изъ чувства добра, то изъ

тщеславіи способны разыгрывать изъ себя благодѣтелей для окружающихъ, и нерѣдко дѣйствительно помогаютъ бѣднымъ; бываютъ случаи, что подобные люди прощаютъ крестьянамъ ихъ мелкіе долги, выкупаютъ особенно несчастныхъ изъ какихъ-нибудь обязательствъ и часто для того, чтобы получить высочайшую благодарность, вносятъ иногда крупныя суммы въ пополненіе недоимки, накопившейся на той волости, къ которой принадлежатъ они. Подобный кулакъ гонится болѣе за почетомъ, и весьма основательно, что бѣдный людъ всегда крѣпче держится ихъ, нежели кулаковъ другой категоріи, т. е. голодныхъ, которые еще разживаются, и самыхъ худшихъ изъ людей этого разряда; для нихъ нѣтъ ничего святого и всякое человѣческое чувство порабощено одной страстью къ деньгамъ. Къ этому разряду людей и принадлежали приглашенные Трофимомъ Кириловичемъ компаньоны. При другихъ обстоятельствахъ онъ не только не нуждался-бы въ участіи ихъ, но если и была-бы въ этомъ необходимость, то постарался-бы отклонить ее, но цѣль его заключалась въ привлеченіи ихъ къ своимъ интересамъ: всѣ они въ своемъ кругу были люди весьма вліятельные и отъ голоса ихъ зависѣло многое въ порабощаемомъ ими народѣ. Онъ зналъ всѣ опасенія, какія волновали ихъ при извѣстіи о выборѣ въ старшины Бычкова, и понималъ, что, пообѣщавъ имъ кой-какія выгоды отъ участія въ подрядѣ, пріобрѣтетъ себѣ не только вѣрныхъ сотрудниковъ къ достиженію своей цѣли на выборахъ, но и такихъ людей, которые могутъ пригодиться ему и на будущее время.

Попасть въ волостные старшины было давно задуманнымъ желаніемъ Трофима Кириловича. Онъ изучилъ среду, въ которой жилъ, въ совершенствѣ постигъ систему веденія дѣлъ мѣстной администраціи, уловилъ характеръ ея отношеній къ народу и народа къ ней, и въ этомъ омутѣ ему, какъ человѣку предпріимчивому и оборотливому, представлялось широкое поле дѣятельности. Онъ зналъ, что какъ ни хитеръ Клементій Ивановичъ, но, благодаря его непониманію народной жизни и даже боязни народа, его легко можно будетъ вводить въ ошибки и заблужденія, отвлекать его вниманіе отъ темныхъ сторонъ своей дѣятельности и, ловко раздражая и ту, и другую сторону, являться посредникомъ между ними, склоняясь къ интересамъ той изъ нихъ, которая дастъ болѣе выгодъ. Трофимъ-же Кириловичъ только и жилъ для выгодъ, и мысль пріобрѣсти прочное состояніе и выбраться когда-нибудь изъ деревни въ городъ и приписаться въ купцы,—была его завѣтная мысль.

Приглашая рекомендованныхъ имъ компаньоновъ отъ имени Данилы Иракліевича для свиданія съ нимъ, онъ умолчалъ о главной своей цѣли,—содѣйствіи ихъ къ своему выбору въ старшины, предоставляя выразить ее Данилѣ Иракліевичу и тѣмъ отклонить отъ себя всякое подозрѣніе въ какихъ-либо честолюбивыхъ намѣреніяхъ; но онъ много говорилъ о выгодахъ, какія ожидаютъ ихъ отъ этого участія въ ихъ подрядѣ, и говорилъ такъ хорошо, такъ основательно высчиталъ всѣ дивиденды, что у одного изъ компаньоновъ, Макара Васильевича Вешнякова, потекли даже слезы. Это былъ весьма оригинальный человѣкъ не только по натурѣ,

но и по наружности: худой, низенькій, съ жидкой бородкой и воспаленными вѣками у узенькихъ глазъ, онъ, не смотря на завидный капиталъ, ходилъ всегда оборванцемъ и жилъ до того скупо, что въ особо-чтимые праздничные дни отказывалъ своей семьѣ въ пшеничной булкѣ, хотя громадные амбары, примыкавшіе къ старому, покосившемуся отъ времени дому его, ломились отъ ржаного и пшеничнаго хлѣба. Торговые обороты его шли весьма хорошо, но онъ постоянно жаловался на убытки, на раззоренье и бѣдность. Человѣкъ онъ былъ не глупый, но въѣвшееся въ натуру его ханжество дѣлало его не только смѣшнымъ, но и отвратительнымъ. Онъ всегда, напримѣръ, оттягивалъ взносъ слѣдующихъ съ него податей хуже самаго горькаго бѣдняка, жаловался на волостныхъ, обличавшихъ его во лжи, и нерѣдко, чтобъ доказать имъ свою бѣдность, при нихъ продавалъ корову или лошадь и вносилъ вырученныя деньги, такъ что у крестьянъ, когда достаточный человѣкъ жаловался на нужду, сложилась особая поговорка: „Макарова бѣдность подъѣла!“ Если крестьянинъ обращался къ нему за деньгами и онъ находилъ, что для извлеченія своихъ выгодъ необходимо дать, то, отдавая деньги, выбиралъ самыя ветхія, истрепанныя ассигнаціи, божился, что отдаетъ послѣднія и не свои, а занятыя, снималъ въ оправданіе своихъ клятвъ икону со стѣны, которая, спеціально для этого и не была приколочена, а висѣла на веревочкѣ для большаго удобства; на узенькихъ-же, воспаленныхъ вѣкахъ всегда сверкали при этомъ слезы. Крестьяне, съ свойственною имъ наблюдательностью быстро подмѣчать въ человѣкѣ

смѣшное и мѣтко опредѣлять его, ветхія ассигнаціи называли не иначе, какъ „Макаровы слезы“. Но горе было бѣдняку, если, забравъ деньги у Макара Васильевича, онъ не отдавалъ ихъ въ срокъ или не поставлялъ условленные продукты; въ подобныхъ случаяхъ онъ настойчиво вытягивалъ у крестьянина послѣднія крохи и вытягивалъ не насиліемъ или жалобами — нѣтъ, у него была особая система взимать долги и едва-ли не самая вѣрная изъ всѣхъ нынѣ дѣйствующихъ. Онъ не давалъ прохода своему должнику, обливаясь горькими слезами, укорялъ въ неблагодарности за свои благодѣянія, кланялся ему въ ноги, слѣдилъ всюду за нимъ, какъ тѣнь, безропотно выносилъ толчки, несмущаясь, вытиралъ полой зипуна плевки съ физіономіи и нылъ до того, что выведенный изъ всякаго терпѣнія должникъ продавалъ послѣднюю скотину, зипунъ, шубу или входилъ въ новый долгъ, чтобъ только отдѣлаться отъ преслѣдованій плачущаго отъ зари и до зари человѣка. Анфиногенъ Борисовичъ Прутковъ и Амвросій Николаевичъ Иволгинъ много уступали ему въ своихъ средствахъ, можетъ быть, отчасти потому, что не обладали его умѣньемъ безвыходно запутывать людей въ свое финансовыя сѣти. Прутковъ только въ послѣднее время начиналъ расторговываться и самолюбію его льстило участіе съ Данилой Ираклиевичемъ въ подрядѣ; это былъ пожилой человѣкъ съ формирующимся брюшкомъ и сознаніемъ, что и онъ есть нѣчто. Обыкновенно подобное сознаніе, являющееся у людей, привыкшихъ до этого только пресмыкаться предъ другими, и отодвигать себя

на задній планъ, кладетъ на нихъ и на всѣ ихъ дѣйствія своеобразный отпечатокъ. Все ихъ стремленіе заключается въ одномъ: дать замѣтить всѣмъ и каждому, что они не то уже, чѣмъ были. Если подобный человѣкъ промѣняетъ зипунъ или чуйку на сюртукъ, то и сюртукъ его не будетъ походить покроемъ своимъ на покрой другихъ сюртуковъ: въ немъ непремѣнно окажется какой-нибудь своеобразный придатокъ. Смѣялся-ли онъ прежде тенороМъ, то съ перемѣной его положенія и самый смѣхъ измѣнится въ басовой, торопливая походка превратится въ солидную и даже въ свою рѣчь онъ постарается онъ впутать отборныя выраженія, порою и самъ не понимая значенія ихъ. Подобные люди всегда тяжелы и непріятны въ общежитіи; привыкши унижаться, они становятся дерзкими и заносчивыми и, оскорбляя людей сами, становятся крайне чувствительными къ малѣйшему невниманію, оказанному особѣ ихъ. Какъ товарищи, они невыносимы, какъ орудія въ рукахъ другихъ, необходимыя при достиженіи какихъ нибудь цѣлей, они вѣрны и надежны, если только съумѣютъ взяться за ихъ чувствительныя мѣста.

Исключеніе изъ всей этой компаніи составлялъ Амвросій Николаевичъ Иволгинъ, человѣкъ простой и крайне-добродушный. По своему увлекающемуся характеру и особенной наклонности къ загулу, онъ едва-ли бы составилъ себѣ состояніе и, вѣрнѣе всего, лишился-бы и наслѣдственнаго, если-бы судьба не послала ему въ бѣдной сиротѣ, дочери бывшаго дьякона мѣстной церкви, умную, съ твердымъ характеромъ и грамотную жену. Она орудовала и домомъ, и

торговыми оборотами, и даже деревней. Писала письма отъ крестьянъ сыновьямъ ихъ, забраннымъ въ солдаты, находила время за плату учить читать и писать дѣтей ихъ, и даже, какъ носилась молва, и въ тяжебныхъ, и слѣдственныхъ дѣлахъ принимала дѣятельное, хотя и косвенное участіе, составляя крестьянамъ черновыя просьбы и научая ихъ изворотливымъ отвѣтамъ на вопросы слѣдователей. Амвросій Николаевичъ скорѣе походилъ на ея прикащика, чѣмъ на самостоятельное лицо. Какъ человѣкъ неглупый, онъ уважалъ ее, понимая, что всѣмъ обязанъ ей, даже почетомъ, какой оказывали ему, какъ супругу Дарьи Семеновны, и въ тоже время боялся ея. Въ веселомъ настроеніи онъ не осмѣливался показаться и на глаза ей, изъ опасенія домашнихъ мѣръ, какими она отрезвляла его. И народъ, нуждавшійся въ деньгахъ Амвросія Николаевича, и купцы, скупавшіе у него хлѣбъ, медъ и шкуры, всегда обращались въ дѣлахъ своихъ къ Дарьѣ Семеновнѣ, а не къ нему. Къ Дарьѣ Семеновнѣ отнесся и Трофимъ Кириловичъ съ предложеніемъ участія въ подрядѣ. Нужно сказать, что смѣтливой и дальновидной Дарьи Семеновны онъ боялся болѣе всѣхъ; привлечь ее на свою сторону значило многое, и бѣлая шерстяная шаль съ каймой изъ цвѣтовъ, привезенная нарочно для нея изъ города, послужила началомъ къ сближенію ихъ и какъ-бы залогомъ того, что Амвросій Николаевичъ былъ отпущенъ лично увѣриться отъ Данилы Иракліевича въ тѣхъ дивидентахъ, какими онъ умѣлъ польстить ея коммерческой натурѣ.

Данила Иракліевичъ остался доволенъ извѣстіемъ, что

его другой день ожидаютъ пріѣхавшіе къ нему гости, остановившіеся у Трофима Кириловича. Ему пріятно было подѣлиться съ ними вывезенными имъ впечатлѣніями, и въ тотъ-же вечеръ, въ знакомой намъ комнатѣ, около того-же стола, накрытаго на этотъ разъ бѣлою скатертью, сидѣлъ Данила Иракліевичъ и Трофимъ Кириловичъ съ своими гостями. На столѣ передъ ними стоялъ графинъ съ водкой и бутылка съ ратафіей, окруженные наложенными на блюдахъ ломтиками пастилы, грецкими орѣхами, пряниками и тарелкой съ солеными груздями. Изъ избы, отдѣленной отъ горницы теплыми сѣнями, поминутно приходила жена племянника Данилы Иракліевича, худощавая женщина, съ лицомъ, усѣяннымъ веснушками, то поднося гостямъ чай, то подбирая опорожненныя ими чашки, чтобы снова наполнить ихъ этимъ любимымъ напиткомъ сибирскихъ крестьянъ, гдѣ ихъ только развѣ у горькаго бѣдняка не найдется самовара и другихъ чайныхъ принадлежностей. Жена Данилы Иракліевича никогда не показывалась гостямъ по причинѣ непомѣрной тучности и одышки, захватывавшей ее на каждомъ шагу; исключеніемъ пользовались только исправникъ и мировой посредникъ, привозившіе ей гостинцы изъ города.

По краснымъ, вспотѣвшимъ лицамъ собесѣдниковъ можно было заключить, что не одна чашка чаю выпита ими и одинаково оказано вниманіе и стоявшему на столѣ графину. Анфиногенъ Борисовичъ, одѣтый въ коричневый сюртукъ и пеструю рубаху-косоворотку, выпущенную подъ нимъ поверхъ плисовыхъ шароваръ, давно проявлялъ желаніе распустить

поясокъ, но видимо стѣснялся, и только заложивъ за него пальцы рукъ, незамѣтно оттягивалъ его отъ живота.

— Не возьму, говоритъ, ни за што! Што-жъ, говорю, ты такъ робѣешь-то? Тебя, говоритъ, робѣю! А-а-а! Да меня-то чего-жь-бы, нѣшто мы не друзья, говорю, а?.. А потому, говоритъ, робѣю, што ты мужикъ-то не другимъ чета... особенный! Ну, ну, говорю, полно, вѣдь я свой человѣкъ, изъ избы сору не вынесу,—такъ насилу, насилу взялъ! разсказывалъ между тѣмъ, Данила Иракліевичъ внимательно слушавшимъ гостямъ сцену подарка гнѣдка Клементію Ивановичу.

— А взялъ-таки? прервалъ его Макаръ Васильевичъ, одѣтый на этотъ разъ въ суконный зипунъ и пившій чуть-ли не двѣнадцатую чашку чаю. Онъ любилъ чай, но пилъ его только въ гостяхъ, дома-же отговаривался, что этой блажью не занимается.

— Взялъ?

— За што ты ему гнѣдка-то всучилъ, Данила Еракычъ? спросилъ его Анфиногенъ Борисычъ.

— Тебѣ этого и знать не слѣдуетъ! строго остановилъ его самолюбивый хозяинъ.

— Все-жь любопытно-бы! Конь, говоришь, тыща рублевъ, а ты такъ ни за што, почитай, на вѣтеръ?

— Э-эхъ, Борисычъ, Борисычъ! съ приниженіемъ въ голосѣ обратился къ нему Макаръ Васильичъ.—Данилы-то Еракыча дѣло — што широкая рѣка, не то, што наше съ тобой, мелкоплесье...

— Вѣрно ты это говоришь, Макаръ, што вамъ ко-

пѣйка, то тыща мнѣ; а ты и учись, ты молодой исшо парень, тебѣ наука надоть! наставительно обратился онъ къ Анфиногену Борисычу.—Ты вотъ только исшо въ люди идешь, и учись, говорю, какъ начальство чтить: ты его почтишь и оно къ тебѣ съ уваженіемъ. Вонъ онъ меня-то не зналъ, куда и посадить, на божничку-бъ, говоритъ, посадилъ, такъ высоко, неравно исшо упадешь, храни Богъ, зашибешься. Вотъ ты и знай это. Я вотъ все могу дѣлать, чего захочу, а ты не можешь, потому у тебя исшо силы-то этой нѣту!

— Я и не говорю.

— И не говори! быстро прервалъ онъ:—говорить-то надоть, когда за каждое слово заплатить можешь, а коли исшо денегъ въ обрѣзъ, и молчи!

Уколотый этимъ намекомъ, Анфиногенъ Борисовичъ замолчалъ и неловко замялся на стулѣ.

— И угощалъ-же это онъ меня—насилу вырвался! снова началъ Данила Ираклiевичъ послѣ минутной паузы.—Ѣхать, говорю, надо, пусти! Си-иди, говоритъ: я, говоритъ, тебя-то ждалъ не дождался, да взялъ этто шапку-то мою, да спряталъ, ско-о-олько было смѣху-то, шу-утникъ вѣдь. Ты, говоритъ, у насъ одинъ только такой-то и есть!

— Пожалуй, што одинъ, тѣмъ-же тономъ подтвердилъ Макаръ Васильевичъ, кончившій чаепитіе и отирая клѣтчатымъ платкомъ свое лицо,—ровняться-то не съ кѣмъ, зато и честь!

— Есть за што и уважить-то, Макаръ Васильичъ;

слава Богу, только Данилой Ераклчемъ и живутъ! обратился къ нему молчавшій все время Трофимъ Кириловичъ.

— Мной, это онъ правду говоритъ!

Сочтите-ко, продолжалъ Трофимъ Кириловичъ,—вѣдь што ни шагъ, то подарокъ... а за што—единственно по добротѣ!

— Это точно! Трофимъ-то ужъ знатъ, какой я добрый, снова подтвердилъ онъ,—начальство-то наше по добротѣ-то моей шибко мнѣ на шеѣ сидитъ!

— Оно радо добру-то, это чего говорить! отозвался Прутковъ.

— Радо! согласился съ нимъ и Данила Иракліевичъ.— Ну, да тутъ-же межъ словами и спрашиватъ:—снова началъ онъ, увлекаемый воспоминаніемъ визита къ Клементію Ивановичу,—сколь, говоритъ, ты лихвы-то отъ подряда возьмешь? Тысячъ десять, говорю, возьму... такъ его индѣ въ потъ кинуло съ энтого-то слова-то, а-ахъ-ха-ха-а!!.

— Вспо-отешь, Данила Ераклчъ, съ экихъ-то денегъ: де-есять тыщъ, ай-я-яй!.. протянулъ, оживившись и Амвросій Николаевичъ,—што ись, и меня отъ этого-то слова ошибло!

— Ошибло-же? съ ироніей спросилъ самодовольно усмѣхнувшись Данило Иракліевичъ, вытягивая и щелкая пальцемъ правой руки.

— Ошибе-етъ! протянулъ и Макаръ Васильевичъ,— Господи, какія деньги!

— Не заплачь, мотри, а-а-ахъ-ха-ха-а!..

— А-ахъ, Данило Ераклчъ, и радъ-бы ину пору смѣяться, да житье-то мое...

— Голодно тебѣ, а?

— Кабы сыто-то было и не хлопоталъ-бы, говорю! Вотъ твое-то сытое-то дѣло: ты и живешь-то не другимъ чета, слава тебѣ Господи... и почетъ отъ всякаго!

— Почетъ-то не за ѣду, Макаръ, а за умъ!

— За умъ, извѣстно... глупому человѣку капитала не сорудовать! А мое-то дѣло: бьешься, бьешься, и все-то у тебя въ нить тянется, все убыль, все-то одна убыль, говорю, куда не кинь... Ахъ, ты Господи!.. Вотъ ты теперь не гнушаешься насъ къ своему дѣлу пристягнуть, а я вотъ сижу, да и думаю: не дастъ онъ, поди, насъ въ обиду-то? заключилъ онъ, искоса посмотрѣвъ на хозяина.

— Спроси Трофима, какъ я обижаю-то!

— Не тебѣ-бы, Макаръ Васильичъ... укоризненно началъ было Трофимъ Кириловичъ.

— Знаю, знаю, болѣзный ты мой? поспѣшно прервалъ его Макаръ Васильевичъ, глаза котораго заслезились и самый голосъ понизился,—знаю, что не захочетъ онъ у нищаго-то...

— Не ты-ли это нищій-то?

— Не вѣрьте, берите грѣхъ на душу!

— Макаръ! остановилъ его Данила Ираклiевичъ

— Я... я Макаръ... што-жь, душевный ты человѣкъ?

— Глянь-ко на божницу!

— На божницу?.. што-жь... зачѣмъ на божницу?

— Погляди, говорю: аль совѣсть зазритъ?

— Што-жъ, погляжу, пошто совѣсти зазрить, Данило Еракычъ... всѣ подъ Богомъ и по Его закону живемъ! то-

ропливо говорилъ онъ, умильно глядя на передній уголъ, блиставшій золотыми и серебряными ризами на иконахъ.

— Покрѣпче, мотри, гляди-то!...

— Гляжу, родной!.. што-жь, во всѣ глаза гляжу: вижу, благословилъ тебя Богъ всѣмъ! говорилъ плакавшій Макаръ Васильевичъ, не зная еще, къ чему клонится рѣчь Данилы Иракліевича.

— Слѣпнешь, а все на Бога поклепъ кладешь! внушительно заговорилъ онъ;—не мы грѣхъ-то на душу беремъ, а ты-ы!.. Нѣшто у тебя мало добра-то, а? Кого ты обманываешь? Ишь какой нищій пашелся... э-э-эхъ, Ма-акаръ, Макаръ! укоризненно покачавъ головой, заключилъ Данила Иракліевичъ. — Теперь ты моего-то чаю напился, всю недѣлю, поди, проплачешь! и, довольный своей остротой, засмѣялся.

Въ лицѣ Макара Васильевича мелькнуло что—то въ родѣ. стыда. Онъ, понуривъ голову, глубоко вздохнулъ.

— Не мѣшай ему, Данила Ераклчъ, пущшай проплачется: можетъ, ему и легче станетъ—привыкъ вѣдь ужъ онъ къ глазной-то насмокѣ! подтрунилъ надъ нимъ и Анфиногенъ Борисовичъ, обведя довольнымъ взглядомъ улыбающагося Амвросія Николаевича и сидѣвшаго рядомъ съ нимъ Трофима Кириловича. Послѣдній не смѣялся, а, понурившись, мялъ пальцами уголъ скатерти. Онъ зналъ, что, не смотря на самоуниженіе, въ Макарѣ Васильевичѣ таилось много самолюбія и злости, затрогивать которыя было-бы неудобно.

— Много у тебя, Макаръ, хлѣба-то запасено? снова

спросилъ у него Данила Ираклiевичъ, не обративъ внимания на остроту Анфиногена Борисовича,—хоша-бы ржи, а?

— Сотень шесть пудовъ наберется, поди!

— А бѣдный, говоришь, голоденъ, а? Э-э-эхъ! снова покачавъ головой, протянулъ онъ: — гнѣвишь ты только Бога, гнѣ-ѣвишь ты Его, Макаръ!

— Въ долгъ, въ долгъ все набрано, Данила Еракычъ, вѣрь, не вѣрь, Богъ порука: вотъ и думаю, какъ на рукахъ-то сядетъ, а-а-ахъ! Торговое-то дѣло безъ капиталу-то и не слезьми—кровью всплачешь: вотъ я и говорилъ Трофиму-то Кирилычу, што съ радостью отдамъ его тебѣ!

— А почемъ съ пуда отдашь на радостяхъ-то, а?

— Напередъ ты бы намъ сказалъ, какое твое награжденье будетъ, Данила Еракычъ? обратился къ нему Прутковъ,—тогды бы ужъ мы обчiй разговоръ повели, обчее-то дѣло вести и тебѣ-то подручнѣй-бы и намъ-то лестно-бъ, а только все-бы допрежъ польстить насъ надоть, а?

— Изъ экого-то барыша—десять тыщъ?.. есть бы чѣмъ и польстить-то насъ! произнесъ, глубоко вздохнувъ, Амвросiй Николаевичъ: — Трофимъ-то Кирилычъ сулилъ намъ, што ты барышъ-то пополамъ съ нами подѣлишь, а? вкрадчиво спросилъ онъ.

— Онъ тебѣ это сулилъ-то?

— Съ-обча всѣмъ... ну, и мнѣ!

— Трофимъ, ты ему объ этомъ говорилъ, а? съ иронiей спросилъ его Данила Ираклiевичъ.

— Оно точно, съ твоихъ словъ я говорилъ имъ, уклон-

чиво отвѣтилъ тотъ,—какъ промежъ насъ, значитъ, было условлено!

— Я спрашиваю, ему ты говорилъ, штоль?

— Разговоръ-то, пожалуй, болѣ съ Дарьей Семеновной былъ! отвѣтилъ онъ, догадавшись, наконецъ, къ чему ведутъ распросы хозяина.

— А-ахъ-ха-ха-а!.. такъ ты што-жь, Абросимъ, говоришь, што онъ съ тобой разговаривалъ, а? Вотъ ты-бы допрежъ изъ подъ бабьей-то понявы выбился, да опосля ужъ того... слово-то о барышѣ велъ! Бары-ы-ши протянулъ онъ, глядя на смущеннаго Амвросія Николаевича. — Ишь какъ вы на барыши-то падки, а? Не поймали, а ужь ощипали! А вы, коли хотите барышъ получить, заслужите его. Польстить я польщу, я не даромъ зову, я и барышъ подѣлю; да вы на-перво скажите-ка, почемъ мнѣ хлѣбъ поставите, а то на-а... съ перваго слова и за барышъ!

— Коли на то ужъ разговоръ, други, пошелъ, вмѣшался Трофимъ Кириловичъ, все время молчавшій, пока дѣло не коснулось этого вопроса,—такъ ужъ и я вамъ, съ своей стороны, одно скажу: неужь вы впервой Данилу-то Ераныча знаете, што въ сумнѣніи о награжденіи-то его, хошабы вотъ ты, Макаръ Василичъ, аль ты, Финогенъ Борисычъ! Неужь таперя экій человѣкъ, съ экимъ почетомъ, съ капиталомъ, какой у него, да на обманъ пойдетъ, а-а-ахъ! заключилъ онъ, качая головой.

— Не въ эфтомъ рѣ-ѣчь, сердешный ты другъ, началъ было Макаръ Васильичъ.

— Вѣдь я таперича съ его-же слова говорилъ, про-

должалъ, не слушая его, Трофимъ Кириловичъ, — не отъ себя выдумывалъ, не мое вѣдь это дѣло-то, а его, а Данило-то Ераковичъ по губерніи извѣстный, не токма въ округѣ... на его-то словѣ можно стѣну класть! Такъ неужь онъ васъ таперича въ обманъ вовлечетъ, а? А-ахъ, и говорить-то душа болитъ—ей-Богу! Говорено вѣдь было: хлѣбъ по своей цѣнѣ ставить, у кого въ какой пренорціи; коли деньги ты будешь задавать, то задавай съобча, штобъ обчему дѣлу не вредить, и гни пятнадцать копѣкъ за пудъ, пятнадцать и ни почемъ болѣ! А выручку нашу съ казны мы, какъ сказано, подѣлимъ обоюдно; ну, чего-жь исшо, о чемъ-же разговоръ-то?

— Объ обманѣ, нѣшто не понямашь! прервалъ его Данила Ераковичъ, — ишь, вотъ Данила Ераковъ ихъ обманывать станетъ, а-ахъ-ха-ха-а... и ума-же...

— Што ты на обманъ-то все сводишь, Данило Ераковичъ; не объ обманѣ и рѣчь-то моя идетъ, и ты вотъ, Трофимъ Кирилычъ... придвигая стулъ ближе къ столу, началъ Макаръ Васильевичъ,— мы эвто слышали, што ты говорилъ-то намъ...

— А слышалъ, такъ чего исшо языкъ-то мозолишь, аль чешется? грубо прервалъ его Данила Ираклиевичъ.

— О своемъ добрѣ у всякаго языкъ зачешется, и тебя-бы коснись...

— Отнимаютъ его у тебя, штоль, добро-то твое? А-ахъ-ха-ха-а, не ты-ль сейчасъ клялся, на божницу глядѣлъ, што тѣ ѣсть нечего, такъ о какомъ это у тебя добрѣ-то зачесалось?

— Ты выслушай...

— Не хочу и слушать! Слушать-то нечего, тошнота беретъ, какъ ты ноешь-то!

— Не ною я, милый ты человѣкъ!

— Ну, коли ныть не будешь, говори; посмотрю я, сколь въ твоей головѣ ума-разума!

— Я говорю... снова началъ Макаръ Васильевичъ.

— Слышу, што не молчишь; а ты съ дѣла начинай, а то я говорю, да я говорю, а разговоръ—што телѣга безъ колесъ, ни съ мѣста!.. ну!

— И крутъ-же, а-ахъ ты напасть, никакъ ты и не угодишь на него... Ну, Данила Ераклычъ, говорить съ тобой надоть воды въ ротъ набрамши!

— Понялъ-ли ты теперь, што я за человѣкъ? а-а?

— По-онялъ! Ни за што обругашь всякаго!

— Уму учу, а не ругаюсь; взялся коли ты говорить, говори основательно, што-бы дѣло твое было прямо, какъ свѣча! А словами энтими не тумань, не закидывай ими! Ну, о чемъ началъ рѣчь, говори,—слушаю.

— Ты сулишь барышъ подѣлить намъ?..

— Барышь-то все мучитъ, а? Ну, да ладно, скажу ужъ тебѣ, коли заслужишь—подѣлю, за заслуги я награждаю! Спроси-ко вотъ Трофима, какое я кладу награжденье за службу! Я вотъ тебѣ исшо съ лихвой подѣлю его, отъ себя прикину, а твое дѣло заслужить!

— Дай тѣ Богъ, што ты на бѣдность нашу, да только... и Макаръ Васильевичъ запнулся, и продолжалъ уже мягкимъ умильно-слезливымъ тономъ, — да только вѣдь это

все, што ты говоришь, Данила Ераклычъ, не во гнѣвъ сказать тебѣ, на словахъ, а ты-бы намъ на всякой случай, потому всѣ мы подъ Богомъ, неравно, храни Богъ, не къ ночи, ко дню сказать, умрешь... лѣта-то преклонныя, и заботъ-то не мало, аль дѣло не потрафитъ, такъ штобъ маленькимъ людямъ раззоренья не было... условьице на бумагѣ-бы... И кончивъ это трудное объясненіе, онъ вынулъ платокъ изъ-за пазухи и отеръ имъ потъ, крупными каплями выступившій на лбу.

— На бумагѣ? переспросилъ Данила Иракліевичъ, глядя въ полъ.

— Ну, ну, што такъ и такъ молъ, за забранный хлѣбъ разсчетъ особый, а потому какъ онъ по своей цѣнѣ поставленъ, то въ награжденье барышъ какой будетъ обоюдно!

— Контрактъ это, штоль? снова съ той-же миной спросилъ онъ.

— Обязательство-бы на бумагѣ... просто условьице, а волость-бы засвидѣтельствовала, единственно только, и говорю, на всякій случай, потому ты самъ, Данила Ераклычъ, торговый человѣкъ—тебя не учить, порядки-то знашь!

— Слышалъ ты это, Трофимъ, а?

— Э-э-эхъ, Макаръ Васильичъ, Макаръ Васильичъ! укоризненно, качая головою, отвѣчалъ Трофимъ Кириловичъ:—не отъ тебя-бы этого ждать, не отъ тебя-я-бы!

— Другъ, мы не изъ сумнѣнья, а всякій себя бережетъ, на всякой случай говорю, торговое-то дѣло ты самъ знашь!

— Обманъ, штоль?

— Бываетъ... случается и это!

— Это ты вотъ самъ-то, темная твоя душа, мужиковъ-то какъ путашь, за-все у тебя на языкѣ имя-то Божье всуе, такъ думашь, штобъ и я съ тобой пачкаться сталъ, а?

— Мужиками што-жь меня корить и всѣ-то не меньше грѣшны! въ наживѣ около ихъ!

— Чего-о?

— Не сами, говорю, денегъ-то наковали, а изъ ихъ-же кармановъ выгребли, а што точно по слабости человѣческой завсегда на Божье имя душу кладу! смиренно отвѣтилъ Макаръ Васильевичъ.

— Што ты это разговариваешь-то, што ты это, я тебя спрашиваю, разговорился, а? Ты гдѣ, у кого ты сидишь,— опомнись, ровня-ли я тебѣ? весь вспыхнувъ и съ несвойственнымъ оживленіемъ взбросивъ голову, крикнулъ на него Данила Иракліевичъ.

— Гдѣ-ѣ ужъ ровняться, Данила Еракычъ: наше дѣло, аль твое; наше-то дай-бы Господи сытымъ быть, а ты вонъ и тыщи кидашь!

— И кидаю! А у тебя што, слюни на нихъ текутъ? О-обманывать это вотъ я ихъ сталъ, а? Ха-ха-ха-а! Да чѣмъ вы всѣ тутъ и глядите, такъ мнѣ не попахнетъ! Это вотъ смотрите-ко, добрые люди, Данила Ераковъ созвалъ таперича экихъ богачей, штобъ обманывать, а-а-ахъ-ха-ха-а!.. Своего, вишь, капиталу не стало, обнищалъ, ѣсть нечего, такъ на обманы пошелъ, ха-ха-ха-а! Трофимъ, напиши имъ условье клиномъ на берестѣ, слышь?

— Пошто-же такъ-то клиномъ-то на берестѣ?

— Слышь, Трофимъ, клиномъ на берестѣ, говорю тебѣ, напиши, на берестѣ клиномъ: другого имъ и не будетъ условья отъ меня, и мараться не хочу!

— Эхъ, Макаръ Васильичъ, совсѣмъ это неосновательное дѣло затѣялъ! со вздохомъ произнесъ Трофимъ Кириловичъ.

— И не разговаривай съ нимъ, слышь, молчи!

— За штожъ ты осерчалъ-то, Данила Ераклычъ, ахъ, ахъ-а-ахъ, ка-акой ты тугой! ну-у, качая головой, произнесъ затѣявшій неосновательное дѣло Макаръ Васильевичъ, изподлобья переглянувшись и съ другими компаньонами.

— Мо-олчи, говорю, слышь! Ты въ моемъ домѣ, меня и слушай, а не хошь, поди за порогъ, тамъ и разговаривай, вонъ съ Анфимкой работникомъ-разговаривай, а я тебя не хочу слушать.

— Ну, идти велишь и пойду!

— Поди, съ глазъ моихъ поди! Экому честному человѣку, какъ ты, съ такимъ таперя обманщикомъ, какъ Данила Ераковъ, да я бы за одно вниманье не взялъ въ избѣ-то сидѣть... Пилъ ты чай?

— Благодарю покорно... угошшался!

— До сыта?

— Доволенъ! што-жь исшо, чего надоть...

— И поди, ступай со Христомъ!

Макаръ Васильевичъ всталъ и, переминаясь съ ноги на ногу, запахнулъ зипунъ на груди. Настало продолжительное и самое тяжелое молчаніе. Склонившись руками на колѣни, Анфиногенъ Борисовичъ сидѣлъ насупившись; Ан-

вросій Николаевичъ нерѣшительно и боязливо поглядывалъ на расходившагося Данилу Иракліевича, который то отиралъ потъ со лба, то натягивалъ на колѣно постоянно спадавшую съ него полу халата, открывая зрителямъ полосатые, тиковые штаны. Трофимъ Кириловичъ сидѣлъ, тоже видимо смущенный, и, понурившись, мялъ концы скатерти.

— Условье, контрахтъ, связался-бы это я, снова началъ Данила Иракліевичъ, все еще не отдѣлавшись отъ мучившей его мысли, разбивавшей заранѣе составленные имъ планы.—Што, обѣднялъ? я обнищалъ, штоль? Хлѣба мнѣ не закупить безъ васъ иль ума, прости Господи, не хватитъ этимъ дѣломъ сорудовать!.. Гляди-ко какіе компаньоны нашлись, а? Ха-ха-ха-а... исшо дѣла и на грошъ не сдѣлали, а ты имъ ужъ условье пиши, што барышъ пополамъ, а? Да нѣшто у меня своихъ кармановъ не хватитъ, куда экой-то барышъ скласть, а? Ну, нѣ-ѣ-ѣтъ, этакъ дѣла дѣлать—я себѣ не ворогъ; я и самъ все обдѣлаю: мнѣ этихъ-то компаньоновъ и на дворъ ненадоть! Пиши условье, ха-ха-ха-а,—и Данила Иракліевичъ закачалъ головой,—я-же по добротѣ хотѣлъ людямъ хлѣбъ насущный дать, потому ужъ ста-а-аръ, хошь и въ три горла хватай, такъ всего, чѣмъ Господь взыскалъ по щедротамъ своимъ, не перехватаешь, класть ужь некуда! Коли-бъ дѣти были, и дѣтямъ-то не прожить-бы и внукамъ-то што ись: дай, думаю, другихъ усчастливлю, поминъ по душѣ оставлю! А они условье, ха-ха-ха-а-а, у-условье! Экого барышника, прости Господи, нашли, а? Не надоть-же, никого мнѣ не надоть, въ гробъ съ собой все велю сложить, а никому ни копѣйки.

— Што-жь, Данила Еракычъ, серчать-то, не убилъ вѣдь я тебя эвтимъ словомъ-то! снова слезливымъ голосомъ спросилъ его Макаръ Васильевичъ. И въ этихъ словахъ, помимо его воли, сказалось и раскаяніе, и уничиженіе, и эгоистически-жадная натура его, не знающая, какой путь вѣрнѣе избрать, чтобъ не упустить своей цѣли.

— Убилъ! дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ Данила Ираклiевичъ,—это штобъ я, при моихъ теперь лѣтахъ, въ обманъ, а-а?

— А-а-ахъ, ты Господи, вотъ напраслина-то! Да нѣшто я сказалъ это, други? вопросительно обведя всѣхъ, оправдывался онъ.

— Насквозь вижу всю твою душу, Макаръ!

— Ну, не хошь условія, и не надоть: по чести дѣло поведемъ!

— Есть-ли исшо она у тебя, честь-то, спросилъ-бы ты, а?.. Нѣшто это честь, што ты за добро за мое, за мое расположенье, што я вотъ не забылъ васъ, самъ Трофима послалъ,— са-амъ: поѣзжай, говорю, зови, дадимъ и имъ хлѣбъ, не все-же однимъ ѣсть; а ты мнѣ экіе выводы сталъ дѣлать, а?! Да кто я-то?..

— Ну, обмолвился... не по душѣ тебѣ — и прости... смиренно произнесъ Макаръ Васильевичъ, присаживаясь на стулъ.

— О-обмолвился—ха, ха, ха! Несмышленочекъ, обмолвился онъ! Скажи лучше по душѣ: самъ хотѣлъ, по своей привычкѣ, обмануть?

— Ужъ это совсѣмъ ты напраслину, Данила Еракычъ,

и-ей-Богу! По моему худому уму; однако, исшо и не родился такой человѣкъ, што тебя обманетъ.

— Не родился, вотъ это ты вѣрно сказалъ, — што вѣрно, то вѣрно, не потаю.

— Отъ Данилы Ераклича не скроешься, Макаръ Васильичъ, это точно: на-а-асквозь онъ видитъ всякую фальшь! уставивъ глаза въ потолокъ и поглаживая бородку, вмѣшался Трофимъ Кириловичъ.—А што размолвился онъ съ тобой, продолжалъ онъ, — такъ и я скажу, хоша-бы и до кого доведись, обидно недовѣріе-то ваше, особливо въ теперешнее время, што настало,—тя-я-желое время: всѣмъ-бы надоть вкупѣ быть, сообча, подружнѣй, а вы все врозь да врозь, а-а-а...

— Время, што сказать, трудное! грустно отозвался и Макаръ Васильевичъ:—народъ все своеобышнѣе становится, все мѣтитъ, какъ-бы нагрубить и обмануть... говорю, волю-то вотъ дали ему совсѣмъ не ко времю...

— Не ко времю; пожалуй-што отъ мужика ужъ нонѣ не жди добра, подтвердилъ слова его Анфиногенъ Борисовичъ, увѣсисто выпрямившись на стулѣ,—не-е жди-и!

— Ты слыхалъ-ли, кто нами нонѣ править-то будетъ, законы-то уставлять? спросилъ его Данила Ираклiевичъ.

— Окромя начальства кому-жъ-бы? съ недоумѣніемъ посмотрѣвъ на него, спросилъ Макаръ Васильевичъ въ свою очередь,—кому-же болѣ-то?

— Начальство!.. да кто начальствомъ-то этимъ будетъ надъ нами—старшиной-то нашимъ, къ кому вотъ ты долженъ будешь съ поклономъ-то идти?

— Въ народѣ-то поговариваютъ про Бычкова Егора...

— Ну, любъ онъ тебѣ?

— Не знаю я, Давила Еракычъ, какъ тебѣ потрафить-то, а сказалъ-бы, што съ экимъ старшиной окромя бѣды ничего міръ не наживетъ.

— Што-жъ онъ не по тебѣ пришолся, а?

— Не мнѣ одному онъ солонъ-то! со вздохомъ отвѣтилъ онъ.

— Ха-ха-а! што-жь такъ?—мужикъ-бы всѣмъ взялъ, сказываютъ, што и медвѣдей пугаетъ... а-ахъ-ха-ха-а! Ты, Макаръ, поди, боишься?

— Бояться его мнѣ нечего, Данила Еракычъ, я вѣдь не медвѣдь. а только скажу, что при прежнемъ горномъ начальствѣ энтому-бы не бывать. А што-жъ ты не скажешь намъ, вкрадчиво спросилъ онъ, впившись въ него своими подслѣповатыми глазами,—тебѣ-то онъ любъ-ли?

— Я-то?—я люблю его.

— О-о? Вѣдь, вишь, вотъ ты какой: съ тобой не знашь, какъ и говорить: тебѣ скажешь одно, а ты въ сердце войдешь да на другое своротишь. Можетъ, ты и любишь его, Данила Еракычъ, кто тебя знаетъ! говорилъ онъ, все также пытливо глядя на него, — а я на одномъ постою: сѣетъ онъ въ народѣ смуту, совсѣмъ неподходящую. Нашъ алтайскій мужикъ и то ужъ совсѣмъ отъ рукъ отбился: начальству шапки не гнетъ, не токма простому человѣку; отъ грубостей-то проходу нѣту, да ишшо старшину-то себѣ экаго подберетъ, такъ и изъ волости вонъ бѣги,—вѣрное слово тебѣ говорю, побѣжишь! Какой тебѣ ждать управы

отъ старшины, што самъ на ножъ лѣзетъ? Ты погляди-ко, чего у нихъ въ Бурановой-то дѣется: староста-то для одного названья сидитъ, а всѣмъ Бычковъ заправляетъ. Прошлой весной, скажу тебѣ, чего это онъ съ горнымъ чиновникомъ сдѣлалъ, такъ вѣдь вчужѣ смѣхъ, и-ей-Богу! Пріѣхалъ тотъ скликать народъ на опалку *); староста и наряди, и народъ собрался, а на ту пору изъ тайги и вынеси нелегкая этого самаго Егора; видитъ, мужики ѣдутъ. „Куда?“ спрашиваетъ. — „Да на опалку“. — „Што вы, молодцы, какая теперь, говоритъ, опалка, когда свѣжая трава, почесть, по лодыжку поросла, аль рубли въ карманѣ зудятъ?“ Ну, мужики-то и говорятъ ему: „требуютъ, самъ чиновникъ вонъ сзади насъ ѣдетъ“. — „А вотъ, говоритъ,

*) Алтайскіе лѣса составляютъ собственность кабинета Его Имп. Вел. и, для предохраненія ихъ отъ пожаровъ, особенно часто свирѣпствующихъ въ Сибири, ежегодно весною по деревнямъ разъѣзжаютъ особо отряжаемые отъ горнаго вѣдомства чиновники или урядники, на обязанности которыхъ лежитъ «опаливаніе лѣсовъ», т. е. выжиганіе на извѣстномъ пространствѣ осенней травы на поляхъ, примыкающихъ къ лѣсамъ. Такъ какъ у сибирскихъ крестьянъ существуетъ обыкновеніе, для лучшаго урожая травъ весною пускать на сѣнокосныя поля «палъ» для выжиганія прошлогодней травы, если около лѣса не было произведено предварительной опалки, огонь отъ опаловъ, доходя до лѣса, воспламеняетъ и его,—по крайней мѣрѣ, большинство лѣсныхъ пожаровъ приписывается этой случайности. Но выяснимъ фактъ, какъ производятся эти опалки. Отряжаемые для этой цѣли чиновники или урядники, пользуясь своимъ правомъ, требуютъ по деревнямъ для этой операціи гораздо болѣе народа, чѣмъ его нужно въ дѣйствительности, и въ дорогое для крестьянъ время «запашки полей», когда дорога каждая рабочая сила въ семьѣ, держутъ ихъ на этой операціи какъ можно дольше съ цѣлью взять съ нихъ откупное, смотря по уговору. И часто сами крестьяне, чтобы избавиться наконецъ, отъ этой ежегодной дани, зажигаютъ прилегающіе къ ихъ деревнѣ лѣса. Другое средство избавленія для нихъ не всегда доступно.

къ посреднику предоставить его аль въ горное-правленье, такъ вѣрнѣй дѣло-то будетъ; пусшай, коли опаливать надоть, такъ ѣдетъ во-время, а не теперь, когда и палить нечего". А мужики-то вѣдь горой за него, — и послушай его, вернись; чего-жъ? — вѣдь и чиновникъ-то ничего съ нимъ не подѣлалъ: кричалъ, кричалъ, грозилъ ему, грозилъ, а онъ одно, сказываютъ,—стоитъ да смѣется; такъ ни съ чѣмъ и уѣхалъ, и съ рукъ сошло—вотъ вѣдь диво-то! Ужъ коли онъ вотъ съ чиновникомъ экой порядокъ завелъ, такъ чего-жъ съ мужикомъ-то будетъ, а? Совсѣмъ это, говорю, напрасно Клеменъ Иванычъ даетъ рости ему: выростетъ онъ ему на шею; помяни мое слово, Данила Ераныч, што и въ волость не пуститъ его, даромъ-што онъ посредникъ!

— Станется: мужикъ самостоятельный! прервалъ его Анфиногенъ Борисовичъ:—съ нимъ не скоро сговоришь, и-и умный-же!

— Ума его, Финогенъ Борисычъ, никто не шевелитъ, какой-только умъ-то это? Другое дѣло, если у человѣка есть умъ да въ тихости онъ живетъ—сторонится отъ всего, а не мутитъ,—это у-у-умъ! А што и въ умѣ томъ, если онъ только норовитъ, какъ-бы вредъ тебѣ сдѣлать да смуту? По правдѣ, говорятъ, живетъ; да его-ли дѣло правду-то заводить? Правдой-то должно начальство вѣдать, а не мужикъ: мужичье дѣло—покорись, а не строптивься!

— Мужику, Макаръ, должно быть завсегда въ покорствѣ... правда! Надоть-бы спѣсь-то эту съ Егора-то сбить, надоть-бы!

— Не намѣ сбивать ее, Данила Ераклычъ! Погляди, какъ онъ объѣхалъ мужиковъ-то: гдѣ-бы чего по волости не стряслось, все къ нему бѣгутъ, все къ Егору Семенычу за совѣтомъ! Силе-енъ, какъ-же ты собьешь-то его, а? Его шесть тысячъ душъ слушаютъ, а ты-то оди-инъ?

— Съ де-еньгами все можно!

— Деньги, што сказать, и камень точатъ, а все скажу: о-ой... не въ этакомъ дѣлѣ, а можетъ, ты и лучше знаешь, поучи!

— Для того вотъ я тебя и позвалъ, вотъ я и барышъ съ тобой дѣлю, што-бы всѣмъ вмѣстѣ быть съ-обча! Ты знашь-ли, што онъ замышлятъ, Егоръ-то этотъ: всѣхъ хлѣбныхъ скупщиковъ прекратить; ты вотъ съ меня условье запросилъ, а? съ волненіемъ въ голосѣ продолжалъ онъ,—а я вотъ коня посреднику подарилъ, а за што-о?.. За васъ, за вашу наживу, а-а?.. Ты слышалъ-ли это?

Какъ ни привыкли присутствующіе ко всѣмъ выходкамъ Данилы Иракліевича, но все-таки послѣднее извѣстіе его было до того неожиданно, что даже узкіе глаза Макара Васильевича расширились и точно съ непривычки, точно свѣтъ отъ оплывшихъ сальныхъ свѣчъ, рѣзалъ ихъ: они замерцали, но все-таки усиливались хотя на нѣкоторое время сохранить это новое для нихъ положеніе.

— Што глядишь-то?... Коня отдалъ, коня што тыщу рублевъ мнѣ стоитъ, штобъ только Егора вашего сократить, и не будетъ его, помяни меня не будетъ!

— За это Данила Ераклычъ... точно... можно сказать... дай тебѣ Богъ! произнесъ, наконецъ, Макаръ Васильевичъ,

—и не я скажу, а всякой кто потолковѣй, смута-то эта не по душѣ всякому, а чего-жь Клеменъ-то Иванычъ говоритъ, а-а? тихо спросилъ онъ.

— Сказалъ, што не будетъ!

— Радѣетъ онъ о мірѣ-то, душу-то его спаси Господи!

— Аль меня, говоритъ, не будетъ, аль Бычкова... его слово...

— Экой неосновательный мужикъ, какъ подумаю, а?.. и навяжется-же этакой! качая головой, съ раздумьемъ началъ Анфиногенъ Борисычъ.—Тревоги-то сколько и начальству, и міру ну-у... о двухъ головахъ, о-одной давнобы не сносить! Не выдадутъ только мужики-то его, Данила Еракычъ?

— Лѣса-то исшо не всѣ выгорѣли, ха-ха-ха-а... на науку-то хватитъ.

— Ха-ха-а... такъ-то, пожалуй!

— Трофимъ будетъ старшиной, это вотъ слышали-ли, а-а? обведя ихъ самодовольнымъ взглядомъ, спросилъ онъ.

— О-о!.. Ну Данила Еракычъ, у тебя што ни часъ, то новинка. Го-о-осподи, да энто ты съ чего? изумленно взглянувъ на него, испуганнымъ голосомъ произнесъ Трофимъ Кирилычъ:—да неужто это изъ шести-то тысячъ народу-то въ волости и лучше-то не найдется? Слышали, други! обратился онъ къ остальнымъ собесѣдникамъ, также изумленно поглядывавшимъ на Данилу Ираклiевича, сидѣвшаго улыбаясь и пощелкивая пальцами.

— Испугался, ха-ха-а...

— Дро-огнешь, ай-яй, и шу-утникъ-же только ты... погляжу я!

— А почему-бы и не быть тебѣ, Трофимъ Кирилычъ, старшиной, началъ съ раздумьемъ Макаръ Васильевичъ.— Чего-жь-бы пугаться-то: по крайности, ужъ человѣкъ вашей масти, пра-аво!

— Легко сказать это, Макаръ Васильевичъ, старшиной, да я...

— Служатъ-же другіе, вступился и Анфиногенъ Борисычъ, — неужто ты хуже того-же Егора. Ужъ тутъ, по крайности знать будешь, што точно надъ тобой старшина сидитъ, какое дѣло, не дастъ тебя въ обиду, не засвиститъ изъ чужихъ губъ.

— Не засвиститъ, правда, Финогенъ, подтвердилъ Данила Ираклiевичъ.— А чего-жь ты-то испугался? обратился онъ къ Трофиму Кириловичу.

— А-ахъ, Данила Еракычъ, и умный ты человѣкъ, а какъ ты это судишь, плаксиво отозвался онъ.—Дѣло мое маленькое, самъ ты знаешь, какiе мои капиталы, черезъ пень тычинка! Хорошо, што ты хлѣбъ даешь, пошли тебѣ Богъ: тобой и я и семья сыты! А старшиной-то быть вѣдь надо послѣдняго лишишься, чего и есть, гдѣ-бы у тебя въ ину пору спѣшное дѣло по домашности, а тебя оторвутъ, то туда поѣзжай, то въ другое мѣсто —раззоренье одно! И што-жь нѣтъ у насъ людей, што-ли? Можно сказать, въ тыщу кратъ достойнѣй, Макаръ Василичъ.

— Не тѣ года, Трофимъ Кирилычъ, и не суй меня въ эту кашу!

— Ну ты не хошь,—Финогенъ Борисычъ... тоже слава Богу... есть-бы изъ чего.

— Спа-асибо... это штобъ... нѣ-ѣтъ, Трофимъ Кирилычъ, не мое это дѣло!.. качая головой, отвѣтилъ тотъ.

— А-а-а, видите, всѣмъ вотъ нелюбо, всѣ себя стерегутъ, а што-жь-бы Амвросу Николаичу, слава Богу— не послѣдній человѣкъ: можно сказать, изъ первыхъ.

Амвросій Николаевичъ только, засмѣявшись, махнулъ рукой и отвернулся.

— И домомъ-то баба управляетъ, а то исшо волостью, а-а-ахъ ха-ха...—и Данила Ираклiевичъ захохоталъ.

Остальные, кромѣ Трофима Кириловича, тоже засмѣялись.

— Слабъ, слабъ и-и самъ знаю, што слабъ, тряся головой и махая руками отозвался незлобивый Амвросій Николаевичъ.

— Всѣ вотъ вы въ сторону пятитесь, а за што-же это меня-то въ эту петлу суете, аль што побѣднѣй, изъ чужихъ рукъ гляжу! обидчиво началъ Трофимъ Кирилычъ.

— Коли тебя самъ начальникъ садитъ, такъ ты молчи! крикнулъ на него Данила Ираклiевичъ.—Клеменъ Иванычъ самъ мнѣ сказалъ: я, говоритъ, буду за все покоенъ!

— И правда! въ одно почти слово отозвались и Макаръ Васильевичъ, и Анфиногенъ Борисовичъ.

— Правда... я его знаю!.. А ты молчи, сытъ будешь; не выходи только изъ моей воли, плакаться на нужу нечего, служи-и, а мы вотъ къ тебѣ съ поклономъ будемъ за

все ходить, потому ты старшиной нашимъ будешь, судить насъ будешь, а-а-ахъ, ха-ха-а-а...

— Служи, Трофимъ Кирилычъ, служи-и, доброе это дѣло, человѣкъ ты тверезый, ума не занимать, Богъ тебѣ далъ на твою долю, за все ты будешь въ порядкѣ и-и-и любое дѣло, и намъ-то изъ за тебя сподручнѣй! наставительно ласкающимъ тономъ говорилъ ему Макаръ Васильевичъ,—право, лю-юбое дѣло!

— Своей масти человѣкъ, чего-жь исшо лучше-то! правду ты давѣ сказалъ, Макаръ Василичъ.

— Служи-и съ Богомъ, поддержимъ гдѣ надоть, не выдадимъ! и насъ кое-кто послушать, порадѣемъ за тебя!

— Вотъ энто и я говорю, началъ Данила Ираклiевичъ,—што надоть энтаго Егорку сбить съ мужичьей совѣсти, и Клеменъ Иванычъ это наказалъ! Таперя мы въ обчемъ дѣлѣ порѣшено, такъ съ обча и дѣлать будемъ! Условье энто ты выбрось изъ головы, обратился онъ къ Макару Васильичу, — я тѣ и безъ условья съ лихвой награжу, мнѣ и своего хватать некуда, а то я-бы исшо твое сталъ хватать, а?.. и ты, Финогенъ, и ты вотъ, Амвросъ, скажи это мое слово своей Дарьѣ, она и баба, да у ней ума-то болѣ другого мужика, она дѣло-то понимаетъ, человѣка-то, говорю! Вотъ я и сказываю, будете вы деньги задавать, то давай только тому мужику, што съ понятiемъ, што тебя будетъ слушать, копѣйку ему надбавь, другую, въ убыткѣ не будешь... награжу, а заставь себя слушать, штобъ онъ изъ твоей воли не выходилъ! А энтаго Егора штобы и въ поминѣ не было; чего ты не сдѣлашь — я сдѣ-

лаю, не сдѣламъ мы, посредникъ сдѣлатъ, а ужь не бывать Егору моимъ старшиной, не бывать! Анфимкѣ, въ ноги поклонюсь, а не ему, не его гордынѣ! Чего тамъ будетъ, доложь мнѣ, а ужь посредникъ нашъ за меня, говорю, што посадить-то вотъ меня куда не знамъ... особенный, говоритъ, мужикъ-то ты, а?.. Мотри-жь, говорю, штобъ это слово мое крѣпко было! А опосля, можетъ быть, я тѣ и условье дамъ... Слышали вы это: дамъ условье, штобъ души-то ваши не бились, какъ рыба въ сѣти, што Данила Ераковъ вашего добра хочетъ... только не выходи никто изъ моей воли, не серди меня!..

И долго еще говорилъ на эту тему Данила Ираклiевичъ съ своими компаньонами. При первыхъ пѣтухахъ только скрыпнула калитка въ воротахъ дома его, запираемая заспавшимся Анфимомъ за ушедшими гостями. Въ весеннемъ, но еще морозномъ воздухѣ звучно раздавались и шаги ихъ и говоръ. „А-а-ахъ, какъ вы это говорите, служи-и-и... не знамши чужого-то дѣла, да неужь лучше-то человѣка нѣтъ, а?“ слышался пѣвуче-жалобный голосъ Трофима Кириловича. — „Богъ милостивъ, сте-ер-пи, авось опосля и слюбится?“ утѣшалъ его Макаръ Васильевичъ.

Насколько искренно довѣряли компаньоны Даниле Ираклiевичу трудно было рѣшить, по крайней мѣрѣ относительно Вешнякова, настолько знавшаго людей, чтобъ не полагаться въ денежныхъ дѣлахъ на одни слова, неподкрѣпленныя формальными обязательствами, и опытомъ жизни убѣжденнаго

въ истинѣ, что обстоятельства, чаще всего складывающіяся помимо воли людей, иногда, при всемъ искреннемъ намѣреніи послѣднихъ исполнить свое желаніе, лишаютъ ихъ этой возможности. Но какъ-бы то ни было, они все-таки разстались съ своимъ благодѣтелемъ въ наилучшихъ отношеніяхъ. особенно съ Трофимомъ Кириловичемъ, печальное настроеніе котораго, вызванное извѣстіемъ о возлагаемыхъ на него обязанностяхъ старшины, было такъ натурально, что и наблюдательные, хотя и подслѣповатые, глазки Макара Васильевича не открыли въ немъ ни одной черты, выдававшей дѣйствительность. Благодаря его ходатайству, Данила Ираклiевичъ, тоже, въ свою очередь, безъ всякихъ росписокъ собственноручно выдалъ имъ по 200 руб. на задатки крестьянамъ и, въ знакъ особеннаго благоволенія къ супругѣ Амвросія Николаевича, благоволенія, вызваннаго также ходатайствомъ Трофима Кириловича, послалъ ей 50 руб., поручивъ „орудовать“, какъ выразился онъ, заготовкой кулей для поставки хлѣба. Нечего и говорить, что Дарья Семеновна осталась весьма довольна подобнымъ порученіемъ: ей представилась возможность, во-первыхъ, сбыть старые залежавшіеся холсты, во вторыхъ, въ видахъ того, что кули ей сошьютъ даромъ дѣвочки, обучавшіяся у ней грамотѣ и рукодѣльямъ, она пріобрѣтетъ безъ всякой затраты двѣ, три сотни рублей, поставивъ на счетъ за шитье каждаго куля по три копѣйки.

Мартъ мѣсяцъ близился къ концу; стоявшая все время ясная, теплая погода быстро сгоняла снѣгъ съ полей и горъ. Наступленіе весны всегда вызываетъ по деревнямъ

оживленіе, призывая населеніе ихъ не къ отдыху, а къ труду, обезпечивающему годовое существованіе. Весна въ то-же время и самая тяжелая пора для крестьянина. Она отражается въ быту его недостаткомъ хлѣба, истомленіемъ скота, высунувшіяся ребра и понуренныя головы котораго краснорѣчиво говорятъ объ упадкѣ силъ вслѣдствіе дурного и недостаточнаго корма. Приходитъ время запашки полей, а у иного изъ крестьянъ и орудія испорчены, и требуютъ, если не ремонта, то полнаго обновленія: и зубья у бороны вывалились, и насошникъ у сохи треснулъ и искривился. „Терпитъ время-то, авось къ веснѣ Богъ дастъ и поправлюсь!“ думалъ онъ всю зиму, заглядывая подъ сарайчикъ, гдѣ хранились орудія; но приходитъ весна, не принося ожидаемой поправки въ хозяйствѣ, и, повѣся голову, осматриваетъ мужичокъ испортившійся насошникъ и пустыя ячейки отъ зубьевъ въ боронѣ. А не приведи Богъ, если еще падетъ скотина, вчера такъ печально глядѣвшая на него своими тусклыми, слезящимися глазами и тихо-тихо шедшая къ проруби на водопой. Скотина-же чаще всего и падаетъ весной отъ безкормицы и истощенія. И если падетъ она, то вся семья въ голосъ оплачетъ ее, а болѣе всѣхъ бѣдный, потерявшій голову хозяинъ, на плечахъ котораго лежатъ всѣ заботы.

Вдоволь похлопаетъ онъ себя, разводя руками по бедрамъ... „А-а-ахъ, ну-у! вздыхаетъ онъ не день, не два, изъ глазъ же катится горькая слеза, неутираемая и жесткимъ кулакомъ, онъ и нечувствуетъ ее. А гдѣ-же было взять хорошаго сѣна или другаго корма, чтобъ спасти пѣганку или

карьку привычнаго его сотрудника отъ преждевременной смерти, когда и семья-то его доѣдаетъ послѣдній хлѣбъ, смѣшанный съ отрубями, съ ячменемъ и со всякой шелухой, да еще и этотъ-то хлѣбъ взятъ въ долгъ подъ проценты полпуда на пудъ изъ свѣжаго умолота или купленъ на деньги, вырученныя отъ продажи чего-нибудь необходимаго въ его хозяйствѣ. „Надоть купить скотину“, поминутно гогорить онъ, „на одной-то и сохѣ до поля не довезешъ ишъ обезсилѣлъ скотъ-то!“ А на что купить? звучитъ въ тоже время въ умѣ его, и самой худой лошади не найдешь дешевле двѣнадцати рублей, и гдѣ-же взять такую громадную для него сумму? „А-а-ахъ! ну, и жи-исть!“ говоритъ онъ, только всхлопывая рукам и победрамъ. Умретъ въ тоже время грудной ребенокъ, сосавшій у матери, истощенный скудною пищею вмѣсто молока сыворотку, какой не вынесъ его нѣжный желудочекъ вмѣстѣ съ грубой кашей и отваромъ изъ мѣшаннаго хлѣба, даваемаго ему изъ вонючаго коровьяго сосца, и надъ нимъ никто уже не плачетъ, развѣ позеленѣвшая отъ истощенія мать проронитъ слезинку, да тутъ-же и скажетъ: „Слава Богу, што и прибралъ Господь, мало-бы тоже радости-то видѣлъ на вѣку!“ Да почешетъ затылокъ отецъ, почешетъ съ горя, что волей-неволей подай тридцать копѣекъ—за отпѣванье, а гдѣ ихъ взять?.. и мѣдная-то копѣйка давно уже небывалая въ домѣ гостья, и кожаный-то кошель съ ремнями и кольцами на немъ, куда-то пропалъ изъ глазъ, затерянный дѣтьми игравшими имъ.

Въ эту-же тяжелую для него пору того и гляди за-

глянетъ въ избу староста съ сельскимъ писаремъ. Развернетъ послѣдній передъ вздыхающимъ мужичкомъ „сборную податную книгу“ и неторопливо высчитаетъ передъ нимъ цифру слѣдующую съ него къ взносу за текущее время и много говорящую цифру старой недоимки. Молча выслушаетъ онъ его... и не разбирая вѣрно или не вѣрно высчитаны слѣдующія съ него суммы: въ подушный окладъ, въ оброчный и въ различные капиталы, молча позалится старостѣ въ ноги, прося отсрочки. И хорошо, если староста благоволитъ къ нему, тогда обойдется дѣло однимъ куражемъ надъ нимъ, да нотаціей: „что лѣность есть мать всѣхъ пороковъ!“ хотя и самъ староста хорошо знаетъ, что утренняя заря выгоняла, а вечерняя загоняла его въ домъ отъ безпрерывной работы. Но безъ нотаціи нельзя обойтись; на то онъ и начальство, „чтобъ вразумлять подчиненныхъ и порядокъ блюсти“. Но горе мужичку, если онъ чѣмъ-нибудь пообидѣлъ старосту или не уважилъ его— горе!.. Тогда одни только горькія слезы всей семьи, униженно валяющейся въ ногахъ его, могутъ вымолить отсрочку на недѣлю, а что-же будетъ черезъ недѣлю, если не внесетъ онъ,—мы отчасти уже знаемъ...

И вотъ, одѣвшись почище, т. е. въ сѣрый заплатанный кругомъ зипунъ и въ баранью шапку, также обильно украшенную ими, сотворивъ земной поклонъ передъ почернѣвшей отъ времени и изъѣденной тараканами иконой, висящей въ переднемъ углу душной избы его, онъ идетъ къ какому-нибудь „благодѣтелю“ съ своей слезной просьбой о помощи, провожаемый напутственными благословеніями

домочадцевъ. „Выручи, отe-e-ецъ, выручи: Вотъ какая нужа-а-ахъ... штобъ ее и жисть эту, мертвому позавидуешь и-ей Богу!“ со слезами говоритъ онъ и говоритъ горькую истину. Не одинъ изъ нихъ, узнавъ о смерти какого-нибудь Памфила Карпыча и придя проститься съ нимъ, долго стоялъ, глядя на спокойное лицо умершаго, лежащаго на лавкѣ подъ образами, съ подложеннымъ въ голову полѣномъ и накрытаго вмѣсто покрова холстомъ, глядѣлъ на руки его, лежавшія на груди съ растопыренными пальцами, не сложившимися въ крестъ, какъ ни старались родные согнуть ихъ, ихъ не согнула и смерть, и она была не въ силахъ размягчить обратившіяся въ кость мозоли, отнявшія подвижность въ сочлененіяхъ. Глядѣлъ, глядѣлъ, да и не вытерпѣлъ: съ тяжелымъ вздохомъ прямо изъ души вырвались слова: „э-эхъ, Памфилъ Карпычъ, тебѣ-то исшо-бы можно пожить, а вотъ мнѣ-бы умереть-то, такъ лучше-бы было!“

Не объясняется-ли подобными побужденіями то грустное апатичное равнодушіе къ жизни, какимъ отличается русскій простолюдинъ, не въ нихъ-ли искать объясненія и того давно подмѣченнаго факта: „что онъ не любитъ умирать своей смертью!“ То срубитъ онъ въ лѣсу дерево и, видя, что оно прямо падаетъ на него, не догадывается отскочить въ сторону, и пришибетъ его деревомъ. Другой съ высокаго стога сѣна покатится... прямо на вилы—стоящія около его... и навылетъ пропоретъ ими животъ. И нужно посмотрѣть потомъ, какъ умираетъ онъ. Вы не услышите ни одного стона, ни одной жалобы или

сожалѣнія о преждевременной угасающей жизни; только предъ священникомъ, привезеннымъ для напутствованія его, и предъ собравшимися міянами онъ тихо проговоритъ: „чтобъ никого не обвиняли въ его смерти.“ Подобныхъ случаевъ, гдѣ человѣкъ какъ будто бы наречно напрашивается на смерть, ищетъ только удобнаго повода къ ней, слишкомъ много... и что болѣе всего бросается въ глаза людей, близко знакомыхъ съ бытомъ народа—это то, что всѣ они повторяются чаще всего весной, въ самое тяжелое въ быту его время *.)

И много, много подобныхъ бѣдняковъ, застигнутыхъ разными невзгодами, шло и ѣхало изъ деревень и селъ и къ компаньонамъ Данилы Иракліевича, и къ самому Данилѣ Иракліевичу. Много горя давило и умъ, и душу каждаго изъ нихъ, и, говоря не утаивая истины, всему этому люду въ эти минуты было не до того, чтобъ разбирать — кто будетъ надъ ними старшиной—Бычковъ или Шебалинъ. „Выручи только, о-о-отецъ... выручи! Вотъ какая нужда, а-а-ахъ!“

— Нонѣ не прежняя пора: я денегъ зря не задаю! говорилъ обыкновенно Данила Иракліевичъ, когда къ нему собирались подобные просители, предварительно побывавшіе у Трофима Кириловича съ просьбой о ходатайствѣ его. Но и съ Трофимомъ Кириловичемъ про-

*) Превосходную характеристику такихъ будто-бы случайныхъ смертей могутъ дать дѣла и производимыя дознанія о каждой изъ нихъ. Въ нихъ слишкомъ ясно очерчивается порою вся безвыходность положенія умершаго отъ несчастной случайности.

изошла непонятная для всѣхъ перемѣна. „Я нонѣ этихъ дѣловъ не касаюсь; идите, просите сами, а я втунѣ“, отвѣчалъ онъ на всѣ поклоны ихъ. И вотъ шли они къ самому Данилѣ Иракліевичу, съ понурыми головами, спрятавъ рукавицы и шапки за пазуху, шли и въ одиночку, шли и гурьбой, человѣкъ по шести, по десяти, какъ приводилось. И гурьбой шли чаще, чѣмъ въ одиночку: „все легче, а-то одному-то и не сговорить“. И съ первыхъ-же словъ его у каждаго изъ нихъ холодѣло сердце.

— Что-жь ты это нонѣ завсюю-то милость къ намъ на гнѣвъ смѣнилъ? спрашивалъ его иной, болѣе другихъ находчивый на слово, проситель.

— Порядки не тѣ, какъ гляжу! сумрачно отвѣчалъ онъ, гладя бороду или вытягивая пальцы и прищелкивая ими.

— Нѣшто мы угнѣвили чѣмъ? печально допытывалъ проситель. — Кажись-бы, брали чего, такъ не стояло за нами — завсе то-ись первому несли, и молитва-то-бы наша только за тебя и была...

— И безъ вашихъ молитвъ мнѣ не холодно: живу, терпитъ исшо Богъ!

— Съ молитвы, што и говорить, извѣстно, не грѣетъ! все-жь предъ Богомъ-то...

— Слышалъ вотъ я нонѣ, прерывалъ онъ,—ума у васъ много стало.

— А-а-а! Да отколь-же-бы его? удивленно спрашивали они:—какой былъ, ровно тѣмъ и живемъ.

— Прибавилось, слухъ есть.

— Отколь-же-бы надбавкѣ-то быть? съ недоумѣніемъ

спрашивали просители, не зная, чему приписать подобныя выраженія.

— Учитель, вишь, сказываютъ, выискался: учитъ васъ новымъ порядкамъ! Съ вами-бы вотъ теперь и разговаривать-то къ примѣру, надоть-бы не сидѣвши, а стоя. Лихо, что въ избѣ, а то-бы и шапку снялъ! насмѣшливо продолжалъ онъ.

— Часъ отъ часу не легше, ей-Богу! произносили просители, переминаясь съ ноги на ногу и съ недоумѣніемъ посматривая другъ на друга. — Да ты намъ назови хошь его, учителя-то этого, все-жь-бы знать стали, а то экъ исшо на улицѣ его встрѣтишь и не поклонишься.

— И Егора Семеныча Бычкова знать перестали, а-а?

— Вона на кого мѣтитъ! Да што-жъ намъ Бычковъ, чему онъ насъ научилъ?

— На-аучитъ исшо, старшиной-то посадите.

— За добрую-то науку да слово мы и всякому, Данила Еракычъ, поклонъ отдадимъ. А Бычковъ Егоръ, сказать къ примѣру такъ-бы надоть, худу не научитъ, и самъ знашь. Мужикъ онъ обстоятельный, завсе въ порядкѣ, худого про него и по волости не слыхивано. А только сказать, не тая правду, ничему исшо онъ не училъ насъ, напрасно ты это.

— На-а-учитъ, сказываю тебѣ, старшиной-то будетъ когда!

— Давай Богъ! отъ доброй науки никто въ отпоръ не пойдетъ.

— И поди къ нему, у него и учись, какъ жить. Мо-

жеть, онъ тѣ съ наукой-то вмѣстѣ и денегъ дастъ, а у меня нѣту, сурово уже отвѣчалъ Данила Иракліевичъ.

Недоумѣніе просителей возрастало прогрессивно съ каждымъ его словомъ. Каждый изъ нихъ терялся, доискиваясь въ умѣ, чего-же, наконецъ, хочетъ онъ? Какъ вести себя передъ нимъ? Какъ приноравливать свое слово въ угоду своеобычнаго хозяина, чтобы не потерять въ немъ своей послѣдней опоры? И, тоскливо посматривая другъ на друга, они чесали затылки и, вздыхая, переминались съ ноги на ногу.

— У меня капиталъ наживной, снова начиналъ Данила Иракліевичъ, прерывая тяжелое молчаніе, — мнѣ зря кидать его не приходится. Стало быть, по пустякамъ и разговаривать нечего. Дашь этакъ вамъ на нужу-то вашу, да опосля при вашемъ-то новомъ старшинѣ — при Егорѣ-то, говорю — и наплачешься съ вами не хуже Макара.

— Разѣ онъ старшиной исшо?

— Будетъ; сказываю тебѣ, что будетъ: такъ чего-жъ ты допытываешь-то, аль нужой-то уши заложило, не слышишь!

— Чѣмъ-же-бы онъ-то помѣха въ эвтомъ дѣлѣ, Данила ты Еракычъ? Разсуди, нѣшто онъ...

— Помѣха, круто прерывалъ просителя Данила Иракліевичъ.

— Господи твоя воля! Часъ отъ часу не легше!

— Помѣха, слышалъ ты это? Я-бы тѣ сейчасъ безъ сумнѣнья сто рублевъ далъ, кабы зналъ, что ты вотъ не учинься у него его-то порядкамъ, потому зналъ-бы, што ты

моего слова сталъ-бы слушать, а ты его слушашь: ну къ нему и за деньгами иди.

— Господи твоя воля! снова въ голосъ произносили просители, разводя руками и хлопая ими по бедрамъ. — Вездѣ-то напасть, куда ни сунься! Да нѣшто ты видѣлъ, што мы ходили къ нему за наукой какой, а?

— Я все знаю: и не гляжу, да вижу.

— Господи Боже мой! Ну-у, други, и время-же нонѣ стало!

— То и говорю, прерывалъ онъ,—што не прежня пора не тѣ порядки вы завели, а про новые-то про ваши у меня денегъ нѣтъ. Я себѣ не ворогъ! Это я и задавай-бы вамъ деньги, а они себѣ въ старшины Бычкова посадятъ, Егора Семеныча,—а давно-ль онъ исшо Семенычемъ-то сталъ? Кто его взвеличалъ исшо Семенычемъ-то? постепенно входя въ экстазъ и возвышая голосъ, говорилъ онъ.—Мужику только и клички было, Егорка да Егорка а тутъ, на-а-а, и въ Семеныча выросъ! Какже, мужикъ горой за васъ стоитъ,—какъ, говорю, и не взвеличать! Я, говоритъ, и Данилу Ераков и всѣхъ экихъ-то съ земли сотру, не дамъ міра въ обиду, чтобы на его слезы наживались. А кто-жъ-бы и наживался на ваши-то слезы, а? Нѣшто вотъ я къ вамъ пришела денегъ-то просить, а? Нѣ-ѣ-ѣтъ, вы-же сами пришли — нужа, вишь, заѣла! Я вотъ виноватъ, што ихъ нужа заѣла! такъ зазывалъ вотъ, вишь, стоя на перекресткѣ: идите, молъ, ко мнѣ, я на ваши слезы хоша копейку наживу, а-ахъ-ха-ха-а! Порядки! И задавай я это деньги тому, кто слушать его, да потакать ему, да норовить набольшимъ сдѣлать, стар-

шиной, ха-ха-а! Нѣтъ, други, подите-ка со Христомъ, мотайте свою-то нужу Егору Семенову на уши, онъ-же васъ и въ обиду-то не хочетъ давать, чтобъ на ваши-то слезы наживались. Ну-у, можетъ самъ у всѣхъ и утретъ ихъ, а я свои деньги только тѣмъ даю, кто меня слушаетъ, изъ моей воли не выходитъ.

— Нѣшто мы причинны въ этомъ, Данило Еракычъ? Егоръ говоритъ, а мы повинны, а? Да мнѣ первому што его слушать—не напоитъ, не накормитъ; міръ его старшиной садитъ, такъ мы-то при чемъ-же? И-и диво-же, братцы, и-ей-Богу, диво! Ну, научи ты насъ, чего намъ дѣлать, мы и не выйдемъ изъ твоей воли.

— Не выйдете? болѣе уже смягченнымъ голосомъ спрашивалъ онъ.

— Говоримъ, што опричъ твоего слова и слушать не будемъ, какого-же исшо тебѣ покорства?

— Ты поешь-то на энтотъ голосъ, пока вотъ тѣ деньги надоть, а отхлынетъ отъ спины нужа-то и зачнете опять умъ показывать.

— Што нашъ умъ, коли ѣсть нечего. Данило Еракычъ! Нужа-то заставитъ забыть, какъ и зовутъ-то тебя.

— Спознались-таки, а? И будь-бы вы это богаты, чего-бы это и было съ вами, поглядѣть-бы! Энто-бы никакъ и набольшихъ-то не было надъ вами, а? съ ироніей говорилъ онъ.—Го-о-ордыни-то-бы это одной не обобрался, ха-ха-а-а! Нужа-то вотъ только смиряетъ, то вамъ Господь-то и подравы не даетъ, што бодливой коровѣ роговъ, ха-ха-а! Вотъ я и говорю, ужь коли вы и взаболь смирились,

хотите моего добраго слова слушать, такъ кого тебѣ начальство садитъ въ старшины, того и держись, а не токма, штобъ на свой голосъ пѣть, вотъ и порядокъ будетъ.

— Што-жъ намъ? — кого не сади, все единственно: Егоръ-ли Семеновъ, другой-ли кто, порядокъ-то все одинъ будетъ — не напоятъ, не накормятъ, вольготы при нужѣ не дадутъ. Такъ чего-жъ ты на насъ-то серчаешь, причемъ мы тутъ, скажи намъ?

— Слышали-ли вы, што Шебалина Трофима міръ-то выбираетъ, а?

— Што-жъ, давай Богъ, — мужикъ тоже, худа не скажешь.

— И стой за него, а не за Егора, коли хошь моихъ денегъ.

— Постою-то нашего не спрашиваютъ, Данило Ераклчъ. Постой-то заказывай богатымъ, а мы што-о: кто насъ слушатъ-то, да глядитъ-то на насъ? Намъ все единственно, кто ни будь надъ нами, — вѣдь легче не будетъ! — а ужъ выручи ты насъ, выручи: вотъ какъ намъ, а-ахъ, другъ ты сердешный, будь отецъ!

И подолгу длились подобныя сцены съ различными увѣщаніями и наставленіями Данилы Ираклiевича, пока не достигали пріятнаго для просителей результата полученія денегъ отъ него. Но не всегда они и кончались такъ: находились люди, несмотря на крайнюю нужду, выказывавшіе самостоятельность. Особенно памятны остались для Данилы Ираклiевича двое просителей, крестьяне деревни Г...ой, Ефимъ Крючковъ и Матвѣй Тарасовъ. Первый былъ когда-

то мастеровымъ упраздненнаго Т...го завода, теперь-же занимался хлѣбопашествомъ; второй и самъ былъ зажиточнымъ человѣкомъ, но потеря въ бытность сельскимъ старостой денегъ трехъ съ половиной тысячъ рублей, собранной съ крестьянъ подати, раззорила его и довела въ послѣднее время до крайней нищеты.

Данила Ираклiевичъ принялъ ихъ весьма любезно, не ожидая просьбы, предложилъ денегъ Матвѣю Степановичу Тарасову, къ которому онъ благоволилъ, помня его хлѣбъ-соль и хорошее житье въ двухэтажномъ обшитомъ тесомъ домѣ, проданномъ, какъ весь скотъ и хозяйство, съ аукціона на пополненіе потерянной имъ суммы. Случай этотъ, разбившій благосостояніе Матвѣя Степановича, надломилъ и характеръ его. Въ былое время всегда веселый, немного даже безпечный человѣкъ, но ведшій трезвую, степенную жизнь, онъ сдѣлался угрюмымъ, раздражительнымъ и въ послѣднее время сильно придерживался чарочки, хотя отъ него нельзя было отнять ни силы воли, ни ума и ума далеко недюжиннаго, Данила Ираклiевичъ не зналъ одного обстоятельство изъ жизни его: Матвѣй Степановичъ былъ много обязанъ Бычкову, не матеріяльной, но въ нравственной поддержкѣ. Когда сдѣлалась извѣстной потеря денегъ и наряжено было слѣдствіе, въ средѣ крестьянъ родилось сомнѣніе, перешедшее въ общій говоръ, что онъ скрылъ ихъ. Одинъ Бычковъ заступился за него, пристыдивъ односельчанъ его въ несправедливыхъ нападкахъ на человѣка и безъ того убитаго несчастіемъ и, благодаря его справедливому голосу при повальномъ обыскѣ, о поведеніи Тара-

сова слышались одни одобрительные отзывы объ немъ, вслѣдствіе чего и самое дѣло о потерѣ имъ денегъ прекратилось съ пополненіемъ суммы, безъ всякихъ другихъ послѣдствій.

Зная слабость Матвѣя Степановича, Данила Иракліевичъ угостилъ его водкой и за чаемъ, также нарочно приготовленнымъ для него, незамѣтно отклонился отъ разговора о домашности, къ интересовавшему его дѣлу предстоящаго выбора старшины.

— Не тѣ ужь нонѣ порядки, Матвѣй, какіе, говорю, допрежъ были! дружески жаловался онъ.—Нонѣ ужь всякъ наровитъ своимъ умомъ жить, незнать набольшихъ!

— На то и умъ данъ отъ Бога каждому, штобъ жить имъ! Чего-жъ скучать-то это, и худой умъ, да все свой, чѣмъ и добрый, да чужой!

— Отъ ума-то непорядки одни, непорядки, говорю! Есть вотъ тутъ учитель такой, выискался народъ мутитъ!

— Кто-жъ бы?

— Неужъ не слыхалъ про Бычкова?

— Егора-то Семеныча, штоль? спросилъ Матвѣй Степановичъ, прищурившись, и пристально глядя на Данилу Иракліевича.

— Ну, ну Семеныча-то этого, што прежде все Егоркой кликали, а нонѣ и въ Семенычи произвели!

— Знаю его, какъ не знать! А чему-жь онъ учитъ-то? вкрадчиво спросилъ Матвѣй Степанычъ, съ какою-то двоедушною улыбкою въ лицѣ.

— Бо-ольшія науки-то его, разсказывать-то всѣ и языкъ свихнешь!

— Не слыхивалъ!.. Объ чемъ-же это онъ, любопытно-бъ?

— Насъ сократить хочетъ—торгующихъ!..

— О-о!.. За што-жъ такъ взъѣлся?

— Міръ, говоритъ, зоримъ, ха-ха-а... Вишь на мірскія слезы палаты наживаемъ, а мужикъ робитъ на насъ, што на баръ!

— Гля-яди-жъ!.. И-и не слыхивалъ, а чемъ-же это онъ сократить-то хэчетъ?

— Старшиной, вѣдь, сядетъ, такъ какъ-же иначе-то, у старшины власти много, ну, и хочетъ всѣ хлѣбные мангазеи пополнить, недоимку собрать, а скупщикамъ, раззорителямъ-то, и ходу въ міръ не давать! И посредника-то говоритъ сокращу съ писаремъ, недокуда имъ народомъ-то помыкать, што не путной овцой, всякую правду установитъ, а-а-ахъ-ха-а.

— И установитъ, отъ него станется! прервалъ его Матвѣй Степановичъ.

— Онъ-то?.. Да ты думашь, такъ онъ и сядетъ въ старшины-то, а? Нѣтъ, Матвѣй, дай Богъ здоровья Клемену Иванычу—истинно начальникъ!.. Не пуститъ онъ экаго блуда въ міръ... или меня, говоритъ, не будетъ, аль Бычкова со-о-отру! А старшиной-то мой Трофимъ будетъ!

— О-о!.. Ну это худо! внезапно измѣнившимся тономъ отвѣтилъ Матвѣй Степанычъ.

— Чего худо? съ изумленіемъ глядя на него, спросилъ онъ.

— Этакого-то человѣка, какъ Егоръ Семенычъ да стереть, продолжалъ Матвѣй Степановичъ укоризненно качая головой—ху-удо, это худо, Даніла Ераныч, што нашелся че

человѣкъ по волости съ умомъ, да съ чистой совѣстью, такъ его и стереть, а? Э-эхъ, не мнѣ-бы слушать, а не тебѣ-бы говорить это! заключилъ онъ.

Данила Иракліевичъ съ минуту смотрѣлъ на него, среди наступившаго молчанія, съ глубокимъ недоумѣніемъ. Крючковъ, торопливо допивавшій чай, спѣшно накрылъ чашкой блюдце, положивъ оставшійся сахаръ на донышко ея и, лукаво покрякивая, смотрѣлъ на безмолвную, происходящую предъ нимъ, сцену.

— Чего-то я слушаю, да и не вѣрю, ушамъ-то своимъ, говорю, не вѣрю! произнесъ Данила Иракліевичъ,— никакъ и ты съ его голоса запѣлъ, а?..

— Неужто правду-то поютъ только съ чужого голоса, а?.. спросилъ его въ свою очередь Матвѣй Степанычъ.

— Пра-авда! да гдѣ она, правда-то эта?.. Чѣмъ онъ человѣкъ-то, по твоимъ словамъ, съ умомъ, да съ совѣстью— нут-ко?..

— Э-эхъ, Данило Ераклычъ!.. Этотъ человѣкъ, если сказать тебѣ, то всѣ-то мы, сколько и ни есть насъ, пяти его не стоимъ?

— А-а!.. Эвона ка-а-акъ!.. И я-бы это...

А штожъ-бы ты такое, какая особица-то?..

— Никакъ ты, Матвѣй, погляжу я, опъянѣлъ, аль такъ ужь съ нищеты-то забылся! изумленно расширивъ глаза, произнесъ Данила Иракліевичъ.

— Передъ кѣмъ-бы это мнѣ забыться-то, а? Што ты нищетой-то меня коришь? весь вспыхнувъ и дрожащимъ отъ волненія голосомъ, заговорилъ Матвѣй Степановичъ.—

Божья воля была дать мнѣ—въ Его волѣ и отнять! О-опьянѣлъ!.. Аль правду-то, думашь, только пьяные говорятъ, а-а? И ты теперь грѣха не знашь, на экаго человѣка, какъ Бычковъ, поклепъ нести, а, Што онъ тебѣ сдѣлалъ худого? Учитъ онъ міръ добру, а не худу и слава тѣ Господи, што слушаютъ его. Мно-ого Богъ далъ ему и ума, и совѣсти!

— А-а-ахъ, Матвѣй, Матвѣй, съ улыбкой сожалѣнія, качая головой, прервалъ его Данила Иракліевичъ,—связался я съ тобой, какъ съ путнымъ по душѣ... было...

— А я, вишь, и не путный, а-а, што не потрафляю твоимъ-то словамъ! Есть у тебя кому потрафлять-то имъ и безъ меня, правды-то только тебѣ никто не скажетъ!

— А-а... такъ не ты-ль это меня учить-то пріѣхалъ? съ ироніей спросилъ онъ.

— По Божьи, слѣпому завсегды дорогу укажу!

— Это я слѣпой-то?

— Ты!

— Ну, нечего дѣлать, надоть экому зрячему человѣку, што на путь направляетъ, пониже поклониться, и, вставъ съ сундука, Данила Иракліевичъ съ глубокой насмѣшкой поклонился ему.—До-о-оволенъ-ли, а? спросилъ онъ, садясь,—я все думалъ, въ простотѣ-то, што дальше всѣхъ гляжу, а на дѣлѣ-то и слѣпой оказался, а-а-ахъ хаха-а... И дуракъ-же ты, дуракъ! качая головой, началъ онъ,—да тебѣ-ли съ твоимъ умомъ учить-то меня, а-а?..

— Ты свою-то болѣзь, Ераклычъ, на чужу голову не

складывай! ужь коли пошло на правду, такъ знай, што дуракъ-то не я, а ты-ы, да еще непочатый дуракъ? то...

— Да... да... да... ты што это, въ самомъ дѣлѣ, совсѣмъ ужь забылся...

— Скажи ты на милость, што ты за человѣкъ за такой, што съ тобой и не разговаривай, што ты за особь, што всѣхъ ругашъ, а тебя и не тронь... такой-же мужикъ какъ и я, какъ и всѣ мы, што деньгами начиненъ, какъ постный пирогъ кашей, про-ости меня Господи! такъ вѣдь деньги-то ума не даютъ, а погляжу на тебя, такъ и послѣдній-то какой былъ отнимаютъ! Ужь больно ты не въ мѣру зазнался! Вбилъ тебѣ Трофимка твой въ голову, што ты уменъ, штобы крѣпче тебя дурачить, да обокрасть, а ума въ тебѣ и совсѣмъ нѣтъ... дурь одна... замѣсто его! Неужъ, кабы у тебя умъ-то былъ, такъ сталъ-бы ты мѣнять такого человѣка, какъ Егоръ Семенычъ, на своего Трофимку! Твой-то Трофимка все-свѣтный мошенникъ, подхалимъ, только дурачитъ всѣхъ!.. Неужъ, ты думаешь, мы и не знаимъ, што ты посреднику коня свелъ, штобъ его въ старшины посадить, а?.. Штобъ легче вамъ всѣмъ народъ-то грабить...

— Я... я... и Данила Ираклiевичъ побагровѣлъ и, захлебнувшись отъ душившаго его волненія, закашлялся и, качая головой, схватывался отъ удушья за грудь.

— Што-о не-ершитъ?.. По-о-годи, не такая исшо нерхоть тебя отъ Трофимки-то возьметъ! Наплюетъ онъ тебѣ въ карманы-то! При-идетъ пора-а-а вспо-омнишь, Ераничъ, и Матвѣя Тарасова, вспомнишь его слова! Богъ меня подъ

старость нищетой убилъ, съ дрожью въ голосѣ говорилъ онъ, колотя себя въ грудь,—да не отнялъ ни ума, ни совѣсти, а съ ними можно и нищимъ жить.

— Ефимъ!.. крикнулъ, наконецъ, Данила Ираклiевичъ сквозь кашель, обращаясь къ Крючкову: — выгони его!

— Не пойду исшо!.. Я вотъ тѣ прежде образумлю отъ твоей-то дури, што ты затѣялъ съ посредникомъ-то своимъ! Неужъ будетъ путь, коли твой Трофимка въ старшины сядетъ! И безъ того мужику ни у кого пристанища нѣтъ, да исшо и старшину-то ему на шею садите, што за грошъ душу продастъ, а?

— Поди изъ моего дома вонъ, и не знай его, иди... иди! оправившись, наконецъ, отъ кашля крикнулъ Данила Ираклiевичъ, вскочивъ съ сундука. Лицо его было багрово, глаза слезились отъ недавняго напряженiя и рука, захватывавшая полу халата, дрожала. — Иди... Иди! кричалъ онъ, намѣреваясь схватить за руку Матвѣя Степановича, но послѣдній всталъ, не ожидая этой любезности!

— У-уйду! произнесъ онъ, направляясь къ двери, вмѣстѣ съ Крючковымъ, на лошади котораго и пріѣхалъ въ Ш...ъ.—Погоди исшо, Данило, вспо-о-мнишь ты меня! говорилъ онъ, спускаясь съ крыльца.—Трофимъ-то тебѣ протретъ глаза, што и правду увидишь тогда и поумнѣшъ а мнѣ плевать на тебя и съ твоими деньгами.

Но Данила Ираклiевичъ уже не слушалъ его. Захлопнувъ дверь, онъ напустился на племянницу, прибиравшую со стола чайную посуду, за то, что взякую свинью поятъ чаемъ, забывъ, что въ домѣ все дѣлалось по его приказа-

нію; за подобное расточительство не ею нажитаго добра онъ грозилъ ее выгнать вмѣстѣ съ мужемъ и дѣтьми вонъ изъ дома. И весь тотъ день бушевалъ, Данила Иракліевичъ, находя поминутно предлоги ругать то безотвѣтнаго племянника, то работника Анфима, дюжаго и угрюмаго человѣка имѣвшаго странную привычку сморкаться въ рукава рубахи, то страдавшую одышкой и сидѣвшую неподвижно на полатяхъ супругу. И даже, чего никогда не случалось съ нимъ, выгналъ вонъ Трофима Кириловича, пришедшаго было къ нему за какимъ-то совѣтомъ.

Въ то время, какъ дѣйствующія лица описанныхъ сценъ отвлекали крестьянъ отъ лучшаго изъ нихъ и уважаемаго ими человѣка, избравъ своимъ орудіемъ деньги, противъ него давно шла агитація, направленная совершенно съ другой стороны. Послѣ свиданія волостнаго писаря съ Клементіемъ Ивановичемъ, по волости неожиданно разнеслись слухи, Богъ вѣсть, гдѣ взявшіе свое начало, волнуя и тревожа умы крестьянъ. Такъ говорили, что во время проѣзда черезъ К. уѣздъ одной весьма важной особы, Бычковъ подговаривалъ крестьянъ представить мирового посредника и чиновъ земской полиціи проѣзжавшей особѣ, какъ людей, угнетающихъ разными прижимками народъ и всѣмъ обществомъ на колѣнахъ просить у особы защиты отъ нихъ и наказанія ихъ за угнетенія... Говорили также, что когда, въ ожиданіи проѣзда особы, по волости шла экстренная и дѣятельная поправка дороги, то Бычковъ уговаривалъ кресть-

янъ бросить работу, увѣряя ихъ, что поѣздка особы есть ложно выдуманный слухъ посредникомъ и земскими властями, съ цѣлью, оторвавъ народъ, въ дорогое для него время полевыхъ работъ, собрать съ него крупную взятку за увольненіе отъ исправленія дороги, и многіе крестьяне потому только своевольно бросали поправку дороги и уѣзжали въ деревни, что слушали Бычкова. Когда-же слухъ о проѣздѣ особы подтвердился, то Бычковъ, въ оправданіе себя предъ народомъ, говорилъ, что дороги приказано править за деньги, для чего и отпущено изъ казны 30,000 руб., но деньги эти посредникъ и земскія власти скрыли, подѣливъ между собой, народъ-же заставляютъ править дороги безплатно. И, благодаря подобнымъ завѣреніямъ его, крестьяне противились свозить лѣсъ, необходимый для мостовъ и перилъ къ нимъ, и для перилъ къ оврагамъ и спускамъ съ крутыхъ и обрывистыхъ горъ. Что тотъ-же Бычковъ, вмѣстѣ съ крестьяниномъ А—ъ, передъ проѣздомъ особы, разъѣзжали по деревнямъ, уговаривая народъ къ подачѣ прошеній на посредника, и А—ъ, какъ грамотный, самъ сочинялъ ихъ отъ имени крестьянъ, выдумывая на послѣдняго различныя, небывалыя преступленія по должности.

Передавать все то, что говорилось въ это знаменательное время по У... волости, гдѣ дѣйствующимъ лицемъ вездѣ являлся Бычковъ, было-бы лишнимъ... Достаточно сказать, что всѣ слухи заканчивались зловѣщею угрозой, что Бычкова привлекутъ къ слѣдствію и посадятъ въ острогъ. Какъ дѣйствовали всѣ эти новости на крестьянъ, особенно съ придаткомъ въ заключеніе ихъ слѣдствія и

острога, я также не считаю нужнымъ разъяснять. Люди, сколько-нибудь знакомые съ жизнью нашего народа и со всѣми формальностями стараго судопроизводства, поймутъ это и безъ посторонникъ разъясненій. Скажу только одно, что въ понятіи народа вкоренено тяжелыми, вѣковыми испытаніями убѣжденіе, что всякое слѣдствіе равносильно само по себѣ полному раззоренію и гибели человѣка, острогъ-же—только достойный начала финалъ.

Конечно, большинство крестьянъ, выслушавъ все это отъ какого-нибудь словоохотливаго, заѣзжаго мужика, скептически покачивая головами, прибавляло: „да не подвохъ-ли исшо это подъ Егора-то? Мужикъ-то онъ основательный, тоже, братъ, зря-то въ омутъ не кинется!“ и тѣмъ чаще мысль эта появлялась у нихъ, что по волости давно не составляло секрета, какъ Безсомыкинъ, Вешняковъ и другіе задаютъ деньги только тѣмъ изъ крестьянъ, которые обѣщаютъ держать сторону Трофима Кириловича. „Но, какъ знать, тутъ-же съ раздумьемъ и добавляли они:—чужая душа потемки! А что Бычковъ съ начальствомъ мужикъ зазористый, не потаишь грѣха!“ Находились и такіе, болѣе любопытные люди, что, имѣя какое-нибудь дѣло въ волости между разговоромъ закидывали писарю вопросъ: „правдилувсе это въ народѣ про Бычкова-то говорятъ?“ и получали отъ него лаконическій отвѣтъ, отъ котораго не одного любознателя кинуло въ дрожь, „при слѣдствіи-де все раскроется!“ „Ой-ой!“ тихо толковали крестьяне, выслушивая любознателей и чувствуя такое-же впечатлѣніе на себѣ, какое охватывало и ихъ отъ фразы писаря,—„творится

чего-то не на шутку, братцы... Ой, таперя надоть языкъ-то покрѣпче за зубами держать, да почашше оглядываться!“ Въ возможности-же подобнаго слѣдствія нельзя было сомнѣваться; всему уѣзду было извѣстно, что въ одной изъ волостей болѣе мѣсяца жилъ особо присланный чиновникъ, производя изслѣдованіе по дѣлу въ родѣ такого-же.

Въ болѣе развитой средѣ всегда-бы родилась при этомъ мысль: „да кому-же все это говорилъ Бычковъ, кто видѣлъ, что онъ мутилъ крестьянъ противъ посредника? Какихъ деревень крестьяне, послушавъ единственно его, съѣзжали самовольно съ дорогъ, бросая поправку ихъ и т. д.“ Но это возможно было-бы тамъ, гдѣ существуетъ общественное мнѣніе, гдѣ дорожатъ имъ, какъ лучшей гарантіей общежитія, гдѣ каждый человѣкъ находитъ въ немъ нравственную опору. А возможно-ли оно въ средѣ полутемнаго міра?

Долетали эти слухи и до Бурановой и не могли не доходить до Егора Семеновича. Не смотря ни на какую обстановку, различіе условій и положеній, человѣкъ всегда и вездѣ обладаетъ одинаковыми недостатками. Кто откажетъ себѣ въ удовольствіи не передать подъ формою доброжелательства своему ближнему всего, что говорятъ про него дурнаго?.. И, несмотря иногда на всю мѣру уваженія, къ подобному человѣку, у кого не появляется какое-то злорадное желаніе: „а ну-ко-де, посмотрю я, какъ это передернетъ тебя?“ И тѣ-же самые люди, если не утаятъ, то передадутъ вамъ съ крайнею неохотою все хорошее, касающееся васъ, нерѣдко у самыхъ добродушныхъ и даже нравственно раз-

витыхъ людей, является при этомъ что-то въ родѣ зависти. Такъ и среди односельчанъ Егора Семеновича находились такіе доброжелатели, передававшіе ему, нерѣдко съ добавленіями своего собственнаго измышленія, все, говорившееся про него. Какъ и слѣдовало ожидать отъ человѣка съ твердымъ характеромъ, Егоръ Семеновичъ относился къ слухамъ про него болѣе чѣмъ равнодушно. Онъ смѣялся, узнавши о гоненіи, воздвигнутомъ на него Данилой Иракліевичемъ съ компаніонами и уговаривалъ болѣе бѣдныхъ крестьянъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ для поправленія стѣсненныхъ обстоятельствъ. „Теперь они и по двадцати копѣекъ на пудъ надбросятъ, такъ чего-жъ зѣвать-то: съ паршивой овцы и шерсти клокъ—прибыль!“ И тѣмъ съ большимъ равнодушіемъ онъ относился къ происканъ ихъ, что не только не добивался званія старшины, хорошо сознавая тяжелое положеніе, въ какое будетъ поставленъ, и для него, какъ для человѣка небогатаго, всякая общественная служба должна была повлечь, если не полный, то значительный упадокъ хозяйства; но когда ему передавали общее желаніе волости имѣть его старшиной, то онъ говорилъ: „не пойду!“ и говорилъ это такъ же искренно, какъ искренно желалъ добра каждому... Смѣялся Егоръ Семеновичъ надъ слухами и предостереженіями односельчанъ „почашше поглядывать около себя!“ до тѣхъ поръ, пока не сталъ замѣчать, что за нимъ дѣйствительно наблюдаютъ, слѣдятъ каждое его слово, каждый шагъ. Все чаще и чаще въ удаленную Буранову стали навѣдываться то волостные чины, то мужички, пользующіеся репутаціей

„пріятеля писаря“. И мало того: вся родня его, всѣ его свояки и братья подвергались такимъ-же наблюденіямъ и даже притѣсненіямъ. Такъ родной братъ его, человѣкъ совершенно съ другимъ складомъ характера, скромный и безотвѣтный, выселившійся при жизни отца изъ Бурановой въ село Т—ъ, пріѣхалъ однажды къ нему, со слезами, жалуясь на незаслуженныя гоненія. Писарь настаивалъ, чтобъ онъ разобралъ избушку, выстроенную будто бы на чужой землѣ и снесъ самый домъ, выдававшійся изъ линіи улицы. Избушка была поставлена уже нѣсколько лѣтъ и никто не изъявлялъ претензіи на землю подъ ней, какъ и на то, чтобъ выдававшійся домъ его портилъ линію улицы или планъ села. Этого факта было достаточно, чтобъ Егоръ Семеновичъ перемѣнилъ взглядъ на дѣло, сначала казавшееся шуточнымъ. онъ понималъ, что можно относиться равнодушно ко всему, касающемуся личныхъ интересовъ его, но не тогда, когда страдательными лицами являются люди ни въ чемъ неповинные. Онъ понялъ и то, что для него настала минута борьбы, и борьбы не шуточной, въ которой каждая ставка этой темной игры должна повлечь за собой раззореніе не одного его, но и другихъ лицъ, причастныхъ къ нему или узами родства или дружбы. И изчезла улыбка съ лица его, все сумрачнѣе и сумрачнѣе становился онъ, при каждомъ долетавшемъ до него слухѣ, хотя какъ ни сильно было сознаніе своей собственной правоты въ его возмущенной душѣ. Многое онъ понималъ слишкомъ ясно, для простаго, развитаго только опытомъ ума, но не понималъ одного, что подобное сознаніе—весьма слабая гарантія

въ борьбѣ человѣка, какъ-бы онъ ни былъ нравственно высокъ, какой-бы не обладалъ энергіей, противъ интриги. на сторонѣ которой были люди, болѣе сильные, чѣмъ онъ, И кто-же онъ, въ сравненіи съ ними? Простой и даже небогатый крестьянинъ, самая жизнь котораго всегда можетъ дать случай смять, уничтожить его безъ всякихъ усилій. И гдѣ-же искать защиты? У кого? Какое начальство возьметъ сторону крестьянина въ борьбѣ съ посредникомъ и съ своимъ-же братомъ, богатымъ мужикомъ?

На другой-же день, послѣ пріѣзда брата, Егоръ Семеновичъ поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ село Т—ъ, гдѣ находилось волостное правленіе, считая нравственною обязанностію заступиться за него. Притѣсненія брата были открытый вызовъ, брошенный ему писаремъ. Онъ зналъ, что писарь есть источникъ всѣхъ слуховъ, распространяемыхъ про него и нерѣдко намекалъ крестьянамъ при разговорѣ: „что щепки-то отъ купленныхъ лѣсинокъ далеко летятъ!“ Догадывались и крестьяне, на что намекалъ онъ. День былъ праздничный, когда, пріѣхавши въ Т—ъ, онъ пошелъ въ волость къ писарю. Въ праздничные дни въ волостныхъ правленіяхъ всегда бываетъ болѣе дѣла и народа, особенно весной, лѣтомъ и осенью, когда будни посвящаются полевымъ работамъ. Въ праздничные дни сельскіе старосты спѣшатъ сдавать деньги, собранные въ подать, въ эти-же дни наѣзжаютъ вызываемые по разнымъ дѣламъ и справкамъ крестьяне, и нерѣдко для экзекуцій, по рѣшеніямъ окружного суда по малозначительнымъ дѣламъ, о покражѣ бадейки меду, двухъ, трехъ копенъ сѣна и т. п., но дѣ-

лamъ, тянувшимся лѣтъ по шести, по семи, о которыхъ и преступники, всегда круглые бѣдняки, забыли давно. Въ праздничные дни въ волости тѣснятся и мѣстные крестьяне, заходя посмотрѣть, что дѣлается въ ней, послушать что говорятъ для нихъ волость, и почерпаемыя въ ней свѣденія замѣняютъ журналы и газеты.

Писарь и помощники его занимались подготовленіемъ вѣдомостей о количествѣ выданнаго въ ссуду хлѣба изъ сельскихъ запасныхъ магазиновъ для засѣва полей. Одни богатые крестьяне засѣваютъ поля своимъ зерномъ. Большинство-же беретъ для этого въ ссуду изъ магазиновъ, и нерѣдко въ весеннее время ими разбирается весь хлѣбъ, пополняемый потомъ осенью изъ свѣжаго умолота и тѣми полунудками, какой обязанъ вносить ежегодно каждый крестьянинъ, для составленія основного хлѣбнаго капитала *). Появленіе Егора Семеновича въ волости, благодаря всеобщему говору про него, придало къ нему еще болѣе вниманія, чѣмъ прежде. Въ тѣснящейся кучкѣ крестьянъ все стихло и инстинктивно разступилось, очистивъ ему путь къ писарскому столу и затѣмъ плотною стѣною окружило ихъ.

---

*) Въ средѣ алтайскихъ инородцевъ, вносящихъ подать ясакомъ, не существуетъ этого благодѣтельнаго учрежденія, хотя большинство ихъ давно ведетъ осѣдлую жизнь и занимается хотя и небольшимъ хлѣбопашествомъ, насколько дозволяютъ имъ условія гористой мѣстности, и большинство ихъ «аиловъ» или «улусовъ» не уступаетъ въ обстройкѣ деревнямъ. Благодаря недостатку этого учрежденія, они постоянно входятъ во время голодовъ съ ходатайствомъ о ссудѣ ихъ хлѣбомъ изъ крестьянскихъ запасныхъ магазиновъ, что соединяется съ большою проволочкою времени и часто вызываетъ печальные случаи смертностей, буквально, съ голода.

Десятки глазъ впились въ высокую, сановитую фигуру его, одѣтую въ нанковый халатъ, опоясанный кумачнымъ кушакомъ, въ выразительное лице, полное самообладанія при взглядѣ на писаря, съ изумленіемъ поднявшаго при видѣ его голову. Моментъ былъ достойный наблюденія, и стоявшіе въ заднихъ рядахъ крестьяне поднимались на носки, наваливались на плечи переднихъ и жадно глядѣли и слушали, хотя ничего еще не было слышно, въ воцарившейся кругомъ тишинѣ. Они подмѣтили только, какъ писарь незамѣтно отодвинулся подалѣе отъ стола и на худощавомъ, постоянно блѣдномъ лицѣ его выступилъ румянецъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ двадцати трехъ, высокаго роста, съ флегматической походкой и жестами, вызываемыми скорѣе болѣзненностью, чѣмъ привычками, въ которыхъ-бы отражался сформировавшійся характеръ. Житье Петра Степановича, было очень завидное по своей комфортабельности и приволью. Въ непродолжительное время служенія онъ выстроилъ домъ изящной, игрушечной архитектуры, напоминавшей флигеля, примыкавшіе къ капитальнымъ постройкамъ въ усадьбахъ богатыхъ помѣщиковъ. Обстановка внутри дома также напоминала скорѣе помѣщичье житье, чѣмъ житье волостнаго писаря съ тремя стами рублей содержанія. Съ крестьянами онъ велъ себя недоступно, удостоивая пожатіемъ руки одного волостнаго старшину, съ чинами земской полиціи гордо и самонадѣянно, относясь къ нимъ скорѣе, какъ равный, чѣмъ подчиненный. Эта-же самонадѣянность и гордость проглядывала и въ отношеніяхъ его къ Шлепфельду и, повидимому, нисколько не смущала послѣд-

няго, хотя въ другихъ случаяхъ онъ относился весьма чувствительно ко всему, что затрогивало его самолюбіе. Проѣзжали-ли когда по участку значительныя лица, Клементій Ивановичъ всегда приказывалъ приготовлять квартиру и обѣдъ для лицъ у Петра Степаныча, причемъ и представлялъ его лицамъ, какъ достойнаго по своимъ качествамъ писаря. Достоинства эти и отражались во всѣхъ служебныхъ дѣйствіяхъ Петра Степаныча въ формѣ „превышенія власти“ и впослѣдствіи разбили его карьеру.

Не скоро овладѣлъ собою Петръ Степанычъ; съ лихорадочною торопливостью перебирая книги и вѣдомости, къ какой безсознательно прибѣгаютъ люди, замаскировывая непріятное впечатлѣніе, вызванное чьимъ-нибудь посѣщеніемъ и желая собрать въ это время во что-нибудь опредѣленное парализованныя мысли. Торопливость эта еще болѣе возбуждалась у него инстиктивнымъ чувствомъ на себѣ спокойнаго и наблюдательнаго взгляда противника и обращенныхъ на него взглядовъ посторонними зрителями. Ему въ то-же время было и досадно, что онъ выдалъ себя этимъ непрошеннымъ смущеніемъ предъ человѣкомъ, котораго ненавидѣлъ, но хорошо сознавалъ, что не можетъ первенствовать надъ нимъ.

— Ты долго, Петръ Степанычъ, будешь разбираться съ бумагами-то? съ характерной улыбкой спросилъ его Егоръ Семенычъ, заткнувъ пальцы рукъ за кушакъ.

— Отчетъ обязанъ я тебѣ отдавать, што-ли, долго-ли чего буду дѣлать? дрожащимъ и задорливымъ съ досады голосомъ отвѣтилъ онъ, не глядя на него.

— Отчета мнѣ въ эвтомъ отъ тебя и не надоть, а я-бы въ другомъ кое-чемъ хотѣлъ поспрошать его!

— Начальникъ ты мой, што-ль? спросилъ онъ, весь вспыхнувъ и гордо взглянувъ на него, — ты зачѣмъ сюда пришелъ-то, что тебѣ нужно?

— Что мнѣ надоть не утаю, на то и спрашиваю: дѣламъ-то твоимъ не мѣшаю-ли, а то я и обожду, коли тебѣ къ спѣху, мнѣ-то время терпитъ!

— Если тебѣ што... нужно... дѣло какое, говори!

— Што мнѣ надо-то? Мнѣ много, Петръ Степанычъ, надо! Я вотъ терпѣлъ, терпѣлъ, да и счеты свесть пріѣхалъ, недоимка-то на тебѣ ужъ большая накопилась. Пора ее и съ косточекъ скинуть! неторопливо, но полнымъ аргументаціи голосомъ, отвѣтилъ онъ.

Петръ Степанычъ поблѣднѣлъ. Фигура говорившаго была такъ внушительна, что, въ дополненіе къ слышанному, въ умѣ его внезапно промелькнула мысль: „медвѣжье пугало“!

— Наперво, скажи-ко ты мнѣ, тихо продолжалъ онъ, не ожидая отвѣта,—изъ какихъ порядковъ ты моему брату велишь избушку-то снести и домъ-то сломать, а?

— Ты что-жь это допрашивать пріѣхалъ меня? снова вспыхнувъ, дрожащимъ голосомъ спросилъ писарь.

— Аль ужъ ты такой недотрога, што тебя и не спроси, а? Ты въ сердце-то не входи, Петръ Степанычъ, а разговаривай-то потише, да толкомъ! Я вѣдь не пужливый, штобъ предъ тобой-то сробѣть, а на сердце-то и у меня сердце найдется, да только ловко-ли оно будетъ тебѣ, коли я-то его показывать стану? Такъ ты, говорю, потише будь,

ты вѣдь не начальство какое, а писарь! Нонѣ и начальство-то съ нашимъ братомъ разговариваетъ, такъ ужь тебѣ-то заѣдаться совсѣмъ не къ лицу! Я вотъ затѣмъ и пріѣхалъ, штобъ спросить тебя, а ты и отвѣть мнѣ тихимъ манеромъ, коли на этакой порядокъ есть законъ, я и замолчу, а коли нѣтъ, такъ ты мнѣ резонъ укажи, а не серчай!

— Это по приказанію посредника дѣлается! отвѣтилъ Петръ Степановичъ, покраснѣвъ и потупившись.

— Бумагу онъ тѣ далъ на это какую, што-ли?

— Словесно!..

— Што-жь это онъ такъ тебѣ-то приказалъ это, а? Вѣдь, на то старшина есть волостью-то править. Ну, старшины нѣтъ теперь, такъ кандидатъ по немъ до время правитъ! А коли онъ тебѣ приказалъ, такъ тебѣ-бы, по моему, въ этакое дѣло, што тебя не касающее и не лѣзть-бы, а передать-бы старшинѣ его приказъ! А то вишь и старшина, и староста всѣ молчатъ, а ты одинъ грозишь своей рукой разметать по бревнамъ! А посреднику-бы она чѣмъ помѣшала, коли никому другому не мѣшаетъ? Изба и домъ почесть двадцать лѣтъ стоятъ на мѣстѣ, никому не мѣшали, а нонѣ посреднику, што за полтораста верстъ отъ насъ въ городѣ живетъ помѣшали, и-и диво, ей-Богу, диво!..

Въ толпѣ прокатился смѣхъ. Обвернувшись, Егоръ Семеновичъ съ ироніей посмотрѣлъ на нее, и смѣхъ усилился и превратился въ дружный хохотъ, кой-гдѣ и съ отрывочными фразами: „ва-а-жно... лло-овко парень! и т. д. Писарь тоже оглянулся и прищурившись, долго пристально смотрѣлъ на толпу, какъ-бы желая запомнить физіономіи,

мелькавшія въ ней. И точно понявъ его намѣреніе, задніе внезапно съ пустились съ носковъ и скрылись за рядами переднихъ, передніе-же замолкли, неловко переминаясь.

— Такъ ужъ ты, Петръ Степанычъ, снова началъ Егоръ Семенычъ, до-время-то не струни моего брата, мы и сами посредника-то спросимъ, въ чемъ ему помѣхой изба его, по какимъ порядкамъ ломать крестьянскія избы, да дома, што по двадцати лѣтъ на мѣстѣ стоятъ, никому не мѣшаютъ! А таперя, вторительнымъ дѣломъ, скажи ты мнѣ: што тебѣ тоже посредникъ наказалъ, што-ли, экіе-то страхи про меня разсказывать, а? и онъ пристально взглянулъ на него.

Какъ ни оправился Петръ Степанычъ, но вопросъ Егора Семеновича, касавшійся весьма щекотливаго дѣла, кольнулъ его, и вызвалъ въ лицѣ багровыя пятна.

— Какіе страхи? съ плохо замаскированнымъ изумленіемъ спросилъ онъ.

— Ты лучше знашъ, такъ чего-жъ спрашиваешь какіе? Неужъ ты думашь, Петръ Степанычъ, што мы ужъ такіе дураки, што и, въ самомъ дѣлѣ, не знаемъ, отколь какой вѣтеръ дуетъ, а? Ну-ко, скажи ты мнѣ теперь, какое слѣдствіе надо мной-то будетъ, по какимъ-такимъ причинамъ?..

— Я съ тобой, Бычковъ, не намѣренъ разговаривать, слышишь! отвѣтилъ писарь, все болѣе и болѣе краснѣя.

— Што-жь такъ, аль ты только выдумывать, да разсказывать умѣшь, а отвѣтъ держать не твое дѣло?

— Скажи ты мнѣ, Бычковъ, что тебѣ нужно отъ меня, что ты привязываешься ко мнѣ? снова тѣмъ-же задорливымъ тономъ спросилъ Петръ Степанычъ.—Про него тамъ гово-

рятъ, а онъ ко мнѣ лѣзетъ, да ты съ чего это взялъ-то, что я выдумываю про тебя?

— Не серчай, ой, не серчай и сердце свое спрячъ, прервалъ его Егоръ Семеновичъ.—Знаю я тебя давно, ты свиснешь, а я ужь смыслю! Молодъ ты исшо въ эти-то игры играть, не обожгись, мотри! Ишь вотъ ты какой покосникъ, не хуже кошки, только заячьей-то трухи въ тебѣ не по норову много! Ты разсказывалъ и встрѣчному, и поперечному, што надо мной слѣдствіе будетъ, всякія угрозы на меня наводилъ, а до дѣла дошло и отъ своихъ словъ отперся... Бе-езтыжіе твои глаза! И неужь ты думалъ напугать меня слѣдствіемъ-то, да каторгой. Видалъ ужь я, Петръ Семенычъ, слѣдствій-то, не напужаешь меня ими, къ чистому-то грязь не шибко льнетъ! Въ каторгу-то тоже, братъ, зря не отправятъ, много надоть дѣловъ-то надѣлать, штобъ до каторги-то дойти, да не изъ тѣхъ я, што экія-то дѣла дѣлаютъ! А вотъ ты исшо мо-о-олодъ, ты-бы допрежъ, чѣмъ на другого экой-то ремешокъ надѣвать, по своимъ-бы плечамъ его примѣрилъ — не придется-ли исшо тебѣ въ пору! Што-жь ты молчишь, языкъ-то прикусилъ, а? Вотъ, братцы, обратившись къ стоявшимъ сзади ихъ крестьянамъ, произнесъ онъ,—людская-то совѣсть, а? Всѣ вы, почесть, знаете, чего только про меня не говорятъ? И слѣдствіемъ-то всякимъ и каторгой-то упраживали, а дошло до дѣла... пришелъ прямо свидъ на лицо и первый выдумщикъ языкъ прикусилъ. Гдѣ-жь она, правда-то, опосля этого, а?..

— Бычковъ, объ одномъ прошу тебя: уйди лучше отсюда! произнесъ, весь поблѣднѣвъ, Слатвинскій.

— И не любъ сталъ, какъ правду-то заговорилъ, а?..

— Въ твоей правдѣ не нуждаются, никто ея не спрашиваетъ отъ тебя, слышишь, а время придетъ—все докажется! произнесъ писарь съ многозначительнымъ удареніемъ на послѣднемъ словѣ.

— Што-жь докажется-то?

— Говорю, такъ знаю что!

— Это ты правду сказалъ, Петръ Степанычъ, што правда, то правда! Придетъ это время, што все докажется! Докажется, какъ ты и медъ силой сбиралъ, и всякіе твои денежные поборы съ волости! Докажется, Петръ Степанычъ, какъ вы и воровъ, да убійцъ за деньги прикрываете! Ты погляди-ко: ни одного слѣдствія по воровству большому, да убійству не пройдетъ, штобъ вы его на-перво не спутали, да не прикрыли, а? Чижовки-то у васъ въ волости только отъ честнаго люду ломятся, одни воры, да мошенники безъ страха по свѣту гуляютъ! Къ вамъ въ волость-то безъ денегъ мужикъ и не заглядывай, хоть ходи не ходи, толку не добьется, только рубли вамъ ротъ-то отворяютъ, да руки шевелятъ! Ты посмотри-ко, сколько на міру-то однихъ фальшивыхъ бумажекъ расплодилось, а отколь все идутъ — отъ волостныхъ, гдѣ-бы выводить экихъ мошенниковъ, а вы прикрываете, коли земскіе съ обыскомъ ѣдутъ къ экому плуту, а вы стороной даете знать ему: „припрячься-де, обыскивать ѣдутъ!“ А какой ни на есть безталанный мужикъ, по простотѣ, ничего не вѣдамши, попадается съ ней, такъ ку-уда тѣ, сичасъ оберете, а коли взять нечего, такъ въ полицію предоставите, купайся-де тамъ!

— Ребята, слышите, что онъ говоритъ—будьте свидѣтелями! обратился писарь къ молчавшей толпѣ.

— Слышутъ, какъ имъ не слыхать, съ ироніей прервалъ его Егоръ Семеновичъ, — на то и говорю, штобъ все слышали, да въ свидѣтели шли!

— Ну, Бычковъ, отвѣтишь ты за все это!

— Отвѣчу! снова прервалъ онъ.—Я не въ тебя, прятаться не стану; чего я, Петръ Степанычъ, говорю такъ знаю! Я вотъ на то и говорю, штобъ отвѣтить! Позаочь человѣка неповиннаго я не стану марать, да выслѣживать всякую прихвосню, хоша и мужи-икъ я не грамотный, да у меня совѣсть есть. Я Бога помню. А коли знаю, чего сказать, такъ скажу въ глаза при всѣхъ, потому правду говорю! Ты зачѣмъ вотъ со старшиной-то Клестериным лонскаго года деньги собиралъ съ мужиковъ, штобъ имъ ихній-же хлѣбъ на посѣвъ изъ магазеевъ выдать, а? Кто вамъ денегъ давалъ, такъ вы тому первому и выдавали, а кому нечего было дать, такъ того и волочили до самаго знику-дѣ, иной исшо такъ и уѣзжалъ, обливаясь вмѣсто хлѣбнаго-то зерна слезами, а? Ну, што и это не правда, што-жь ты не спрашиваешь мужиковъ-то, слышали-ли они, да не ставишь ихъ въ свидѣтели, а?

— Бычковъ...

— Я Бычковъ, ну што-жь?

— Чего ты хочешь, на что ты напрашиваешься?

— На правду!

— Кто ты такой, что такъ много-то берешь на себя? Куда ты пришелъ-то, опомнись...

— Въ волость! А што много беру, такъ и сдюжу! По росту, да дородству человѣкъ и ношу на плечи беретъ, на міру-то говорятъ, а вотъ ужь ты на себя забралъ, Петръ Степанычъ, такъ совсѣмъ не по фигурѣ!

— Я тебѣ одно говорю, Бычковъ: опомнись, гдѣ ты! сдержанно-дрожащимъ голосомъ, но въ которомъ слышались слезы, прервалъ его Слатвинскій.

— Помню, въ волости!

— А знаешь ли ты, что такое волость, какое-же ты имѣешь право говорить дерзости въ присутственномъ мѣстѣ! Ты вотъ понимаешь-ли, что это стоитъ? И писарь указалъ на зерцало.

— А-а-а, во-онъ оно што-о! Ты вотъ меня и зерцаломъ угрозилъ, што при немъ и говорить ничего нельзя, такъ стало быть и худого-бы дѣлать при немъ ничего не надоть, а пошто-же ты взятки-то здѣсь при немъ берешь, а-а? Аль это ничего, такъ и въ законѣ прописано, што только за правую рѣчь при зерцалѣ отвѣчаютъ, а не за пакость, а? Только правды говорить не велѣно, а дѣлай чего хочешь, а?

Въ толпѣ снова прокатился задавленный смѣхъ.

— Совсѣмъ ты малъ молодецъ, Петръ Степанычъ, какъ погляжу я, иронически качая головой, продолжалъ онъ,— только вотъ пакосникъ-то не по лѣтамъ, рано ужь ты больно за это-то рукомесло взялся, не порѣжься! Ишь вотъ ты теперь и стоишь и хлопаешь глазами, то рдѣешь, какъ кумачъ, то бѣлешь, што холстъ, и не знашь куда кинуться. Чего-бъ тебѣ сказать, чѣмъ-бы угрозить, зажать-

бы ротъ, штоба правды-то про тебя не говорили. Совѣсть это въ тебѣ стучитъ, Петръ Степанычъ... и пакосникъ хоша ты, а все человѣкъ, и въ тебѣ есть энтотъ молотокъ-то, только не за все ты ему ковать-то по своей душѣ даешь... А лучче-бы было, кабы ты по почашше слушалъ, чего онъ тебѣ наколачиватъ-то!.. Э-э-эхъ, поумнѣй-то, да почеснѣй-то человѣкъ не пригоденъ-бы, вишь, ты былъ на твоимъ-то мѣстѣ, вотъ и сажаютъ на наши-то головы такихъ, какъ ты! А лежалъ-бы ты, Петръ Степанычъ, на полатяхъ, разводилъ-бы съ бабами горохъ; вотъ это-бы твое дѣло было самонастоящее, а то влѣзъ ты въ чужу кашу, да не знашь исшо, какъ ее расхлебывать! Ты вотъ одумался-ли чего затѣялъ, аль одуматься-то некогда... съ чужого голоса пѣлъ свои-то рѣчи, а? Вѣдь теперь ужь ты не утаишь, вся волость знаетъ, чего ты плелъ на меня-то: и посредника-то я хотѣлъ извести, и народъ-то смутилъ на дорогахъ; съ моего, вишь, голоса онъ съ работъ съѣзжалъ, а вы на Тройцынъ день со старшиной его за деньги распустили, такъ объ этомъ вотъ ты мо-олчишь! Я-то и про тыщи народу наговаривалъ, да я вотъ, вишь, и съ А—ъ ѣздилъ, училъ міръ прошенья на посредника подавать. Да нѣшто самъ-то міръ не знаетъ, чего вы дѣлаете, своихъ-то глазъ, да ушей нѣтъ у него, а? А все ему чужая наука надоть! Молчитъ вѣдь онъ, Петръ Степанычъ, молчитъ, да вѣдь молчитъ-то до время! Придетъ пора и заговори-и-тъ! Придетъ эта пора, сами вы заставите міръ-то заговорить своимъ голосомъ, только любы-ли вамъ будутъ тогда рѣчи-то его? А то я вотъ всему, вишь, всѣхъ учу, а?.. Да если-бъ и училъ,

да коли вы по правдѣ... по закону-то живете и дѣлаете, такъ чего-жъ-бы вамъ чужихъ-то наукъ бояться, а? Вѣдь правда-то, што масло, въ водѣ ты его не утопишь—выплыветъ! Плелъ ты, Петръ Степанычъ, плелъ, страшшалъ ты, страшшалъ и слѣдствіемъ, и каторгой, а слѣдствія все нѣтъ, да нѣтъ! Такъ что-жъ пужать-то меня, Э-эхъ, Петръ Степанычъ, Петръ ты Степанычъ, да вѣдь коли-бъ слѣдствіе-то было, такъ вѣдь ты-бы первой его испужался! Неужъ ты думашь, если-бы пріѣхалъ къ намъ путный-то чиновникъ, аль начальство какое, што правду-то захотѣло-бы видѣть, да знать чего, въ самомъ дѣлѣ, въ мужичьемъ-то житьѣ-бытьѣ дѣлается, такъ народъ-то-бы таить сталъ а? Такъ ужь ты и не пужай меня, и народъ-то занапрасно, за тѣмъ вотъ я и пріѣхалъ къ тебѣ, да и брата-то не шевель моего! А теперь прости Христа ради, не серчай, што поговорили! Коль умнѣй ты будешь, Петръ Степанычъ, на уши намоташь и языкъ прикусишь, на предки хоша съ наукой будешь, а не поумнѣшь коли, такъ и другу дорогу найдешь на умъ-то направить!..

И, необративъ болѣе вниманія на Петра Степановича и на окружающихъ, онъ вышелъ изъ волости, также среди почтительно разступившихся предъ нимъ крестьянъ.

Сильно было впечатлѣніе, произведенное на окружающихъ этой встрѣчей. „Ну, и мужи-и-икъ, а-ахъ ты, братъ!“ „Экого не запужаешь!“ говорили крестьяне, выходя изъ волости, и, покачивая головами, повторяли, какъ-бы въ отвѣтъ на затаенныя мысли: „нѣ-ѣ-ѣтъ, не запужаешь!“ Много говору понеслось по селамъ и деревнямъ, вполнѣ

возстановившаго въ самыхъ легковѣрныхъ правоту Бычкова: „Кабы зналъ за собой грѣхъ, не заговорилъ-бы этакъ-то, не приструнилъ-бы такъ писаря-то!“ толковали они тѣмъ болѣе, что все, что ни сказалъ онъ, повторялось почти отъ слова до слова въ каждой избѣ, въ каждомъ селеніи и деревнѣ. Встрѣча эта произвела не менѣе сильное впечатлѣніе и на Петра Степаныча; онъ дня два не выходилъ изъ дома, избѣгая встрѣчи съ крестьянами, когда-же встрѣчался съ кѣмъ, то невольно краснѣлъ и вращалъ глазами по сторонамъ. Урокъ былъ силенъ для его самолюбія и гордости, и болѣе чувствителенъ еще отъ сознанія, что онъ растерялся, и растерялся такъ мелочно и глупо. Сначала съ горяча онъ написалъ посреднику рапортъ и хотѣлъ составить актъ, скрѣпивъ его подписью всѣхъ бывшихъ въ волости крестьянъ „о безчинствахъ и возмутительныхъ противъ правительства рѣчахъ насильно ворвавшагося въ волость Бычкова“. Но послѣ нѣкотораго раздумья отложилъ и рапортъ, и вчернѣ составленный актъ въ сторону и отправился въ городъ для личнаго свиданія и переговоровъ съ Клементіемъ Ивановичемъ.

Выборъ старшинъ и прочихъ волостныхъ начальниковъ производится не балотировкой, а открытой подачей голосовъ. По закону, наличное число избирающихъ должно составлять не менѣе двухъ третей всего населенія волости, имѣющихъ право на подачу голоса, т. е. совершеннолѣтнихъ и самостоятельныхъ домохозяевъ. Подобные сходы всегда бываютъ шумны, благодаря партіямъ, предъявляющимъ своихъ

кандидатовъ на то или другое званіе. Каждая партія считаетъ себя въ правѣ разбирать при этомъ удобномъ случаѣ достоинства и недостатки кандидата и, конечно, за каждымъ изъ нихъ послѣднихъ качествъ всегда оказывается болѣе, чѣмъ первыхъ. Здѣсь считается умѣстнымъ высказать все, что знаютъ про человѣка, и высказать какъ можно болѣе рѣзко и сильно. Сами кандидаты рѣдко посѣщаютъ эти сходы,—кому-же пріятно выслушивать про себя горькія и всегда почти правдивыя мнѣнія!

Не ранѣе конца апрѣля, по приказанію Клементія Ивановича, съѣхались въ Т...ъ крестьяне У... волости для выбора старшины. Слатвинскій и не приступалъ къ своей обязанности провѣрить наличное число собравшихся. Напротивъ, его удивило единодушіе, охватившее на этотъ разъ крестьянъ, несмотря на то, что наступило рабочее время, въ которое они дорожатъ не только днемъ, но и часомъ. Въ средѣ ихъ не слышалось оживленныхъ толковъ и предположеній, какіе бываютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда еще неизвѣстно, за чьимъ именемъ останется перевѣсъ. Все было тихо, спокойно; болѣе говорили о своихъ домашнихъ дѣлахъ, чѣмъ о животрепещущемъ вопросѣ, для рѣшенія котораго собрались они, точно вопросъ этотъ давно уже былъ рѣшенъ всѣми и оставалось только оформить его. Конечно, и за Трофима Кириловича слышалось много голосовъ, принадлежавшихъ не однимъ крестьянамъ, подготовленнымъ антагонистами Бычкова: большинство зажиточныхъ людей, интересы которыхъ вынуждали имѣть въ главѣ своей человѣка своей среды, также стояли за него. Упоминалась отрывками и фа-

милія кандидата по старшинѣ, правившаго въ настоящее время волостью, и еще двѣ-три фамиліи, но все это были какіе-то неясные, лишенные опредѣленной цѣли, звуки, или безслѣдно замиравшіе, не находя себѣ отголосковъ въ большинствѣ, или вызывавшіе общій смѣхъ, конфузившій говорившихъ. Чего никогда не бывало, на сходъ пріѣхалъ и Данило Иракліевичъ, остановившійся у писаря, около котораго группировались и компаньоны его, кромѣ Трофима Кириловича, уѣхавшаго по дѣламъ подряда въ Т... Егоръ Семеновичъ не пріѣхалъ, но ко дню пріѣзда посредника, желавшаго присутствовать на сходѣ, за нимъ посланъ былъ нарочный съ приказаніемъ явиться въ волость. Шлепфельдъ остался доволенъ, что Слатвинскій не донесъ офиціальнымъ рапортомъ о поступкѣ Бычкова. Начать слѣдственное дѣло было-бы неумѣстно: тогда-бы дѣйствительно раскрылись многія темныя стороны дѣйствій волостныхъ чиновъ, и дѣло, начавшееся со снѣжинки, по мѣрѣ своего развитія, превратилось-бы въ лавину, смявъ и уничтоживъ своимъ стремительнымъ потокомъ все попадающееся на пути. Кончить дѣло домашнимъ, келейнымъ образомъ онъ находилъ и выгоднѣе, и безопаснѣе. Вечеромъ наканунѣ дня, назначеннаго для схода, Клементій Ивановичъ пріѣхалъ въ Т... въ щегольской бричкѣ, или, правильнѣе, полуколяскѣ. Завидѣвъ издали экипажъ его съ опущеннымъ фордекомъ, красный околышъ на фуражкѣ и сіяющую на груди цѣпь, народъ, тѣснившійся кучками по улицамъ, снимая шапки, низко кланялся ему, не получая на свою почтительную вѣжливость никакого отвѣта. Остановившись на этотъ разъ на земской

квартирѣ, Клементій Ивановичъ послалъ за писаремъ и, узнавъ, что пріѣзда Бычкова можно ожидать не ранѣе слѣдующаго дня, остался недоволенъ его медленными распоряженіями.

На другой день, съ восходомъ солнца, волость постепенно наполнялась собиравшимся въ нее народомъ. Стеченіе его вызвало оживленіе въ селѣ, напоминавшее что-то праздничное. День былъ тихій, теплый, одинъ изъ тѣхъ, какими часто даритъ жителей сѣвера рано начавшаяся весна. Прилегающіе къ селу луга и поля зеленѣли сочными побѣгами свѣжей травы. Холмы напоминали видомъ шахматную доску: правильными квадратами чернѣли по склонамъ ихъ полосы, вспаханныя подъ яровые хлѣба, перемежаясь то ярко-желтой, прошлогодней, полосой пашни, оставленной на отдыхъ, то зеленѣющими озимами. На озерахъ, оставшихся отъ разлива рѣки, и на самой рѣкѣ, вошедшей въ русло, кишѣли стаи домашнихъ утокъ и гусей, оглашая воздухъ своими радостными криками. Пестрѣющія толпы народа, одѣтаго нарядне́е, чѣмъ въ обычные дни, дополняли эту картину. Онѣ осаждали и длинное одноэтажное зданіе волостнаго правленія, и крылечко, и рѣшетку, обносившую примыкавшіе къ нему садъ и домъ священника, стоявшіе рядомъ съ волостью, и зеленѣющую лужайку около каменной церкви, стоявшей наискось волости. Примыкавшіе къ этой мѣстности три кабака еще наканунѣ, съ утра, были закрыты, какъ требуется это закономъ, на время волостныхъ и сельскихъ сходовъ. Въ самой волости была невыносимая духота и давка, несмотря на раскрытыя настежь двери и окна. Красныя лица

тѣснившихся, съ крупными каплями пота на лбу и носу, лучше всего говорили о непріятномъ положеніи ихъ, изъ котораго нельзя было и выйдти, чтобъ протолкаться въ толпѣ, тѣмъ болѣе, что густыя массы народа тѣснились и у входа къ двери, и снаружи у оконъ. Въ народѣ мелькали и знакомыя намъ лица: подслѣповатые глазки Макара Васильевича Вешнякова слезились болѣе, чѣмъ когда-либо,— жаръ растравлялъ и безъ того слабые глазные нервы его. Какъ носимый волною, колыхался сжатый въ толпѣ Анфиногенъ Борисовичъ Прутковъ. Широкое лице его приняло сине-багровый цвѣтъ и было усѣяно потомъ, какъ передъ утромъ листья лопушника росой, толстыя-же губы вздулись и были полуоткрыты. Изъ дальняго угла тоскливо выглядывалъ прижатый къ стѣнѣ Амвросій Николаевичъ Иволгинъ. По странному-ли стеченію обстоятельствъ или съ предположенной заранѣе цѣлью, передніе ряды толпы, примыкавшіе къ дверямъ, ведущимъ въ волостную присутственную комнату, исключительно состояли изъ бывшихъ мастеровыхъ упраздненнаго Т... завода—самаго безпокойнаго элемента населенія, выработаннаго печальными условіями жизни. Всѣ они съ дѣтства выросли подъ игомъ обязательныхъ работъ и суроваго дисциплинарнаго обращенія, закалившаго ихъ до полной безчувственности къ физическимъ страданіямъ. Тяготѣвшій надъ ними въ былые дни гнетъ не забилъ ихъ, какъ-бы слѣдовало ожидать, но развилъ въ каждомъ изъ нихъ стойкую самостоятельность, готовность оппозировать не тупо, а во имя убѣжденія, выработаннаго осмысленнымъ пониманіемъ дѣла. Этотъ, за немногими исклю-

ченіями, грамотный народъ, озлобленный экономическими условіями, въ какія онъ былъ поставленъ, былъ не безопасенъ. Народъ этотъ говорокъ и говорокъ, какихъ мало; ни къ кому такъ не подойдетъ пословица: „за словомъ въ карманъ не полѣзетъ“, какъ къ нему. Отъ большинства его отступились и мировые посредники, и земская полиція, и названіе „заводскій“ умаляетъ въ каждомъ изъ начальствующихъ пылъ строптивости и побуждаетъ обходить ихъ, какъ людей „отпѣтыхъ“.

Комната, въ которой происходило свиданіе Егора Семеновича съ писаремъ, на этотъ разъ была чисто вымыта и убрана, на столы было постлано красное сукно и самый оралъ на зерцалѣ стоялъ прямо, прикрѣпленный воскомъ. Въ ней, кромѣ писаря съ помощниками, собрались и волостные чины въ суконныхъ зипунахъ и тиковыхъ халатахъ, съ привѣшенными на груди мѣдными знаками ихъ достоинства. Въ кругу ихъ стоялъ и Данило Иракліевичъ—въ силу почета, придаваемаго ему капиталомъ. Часу въ десятомъ пришелъ и Клементій Ивановичъ, чрезъ особенную дверь, прямо въ присутствіе. Выраженіе лица его было насмѣшливо, какъ и всегда, но въ глазахъ, сверкавшихъ изъ-подъ густой складки нависшихъ надъ ними бровей, выражалось слегка возбужденное состояніе. Съ появленіемъ его все стихло, и толпа глухо отозвалась на его привѣтствіе. Болѣе четверти часа прошло среди невозмутимой тишины. Народъ молчалъ, ожидая его слова; молчалъ и Клементій Ивановичъ, приготовляясь къ этому слову. Отъ вниманія его не ускользнула случайность, замѣченная и нами, что въ переднихъ рядахъ

стояли одни „заводскіе“, которыхъ онъ ненавидѣлъ болѣе, чѣмъ кто-либо. Но нужно сказать, что чувство это было взаимно и выражалось послѣдними въ каждой мелочи къ нему, даже въ такой мелочи, что когда проѣзжалъ онъ, то ему нарочно подпрягали худыхъ, изнуренныхъ лошадей, останавливавшихся на отдыхъ на каждой верстѣ, что было мучительно, при длинной и гористой дорогѣ, и—всегда приводило его въ бѣшенство.

— Ну, молодцы, кого-жъ вы надумали въ старшины себѣ? подходя къ дверямъ, у которыхъ стѣснился народъ, спросилъ онъ мягкимъ, насмѣшливо-заигрывающимъ голосомъ.

Въ толпѣ пронесся сначала гулъ, напоминавшій глухіе, сдавленные раскаты грома, какіе всегда предшествуютъ сильнымъ бурямъ, и вслѣдъ за нимъ зашумѣли и раскатились крики: „Бы-ычкова“! — „Шебалина-а“! послышался точно оторванный, но не менѣе сильный ударъ расходившейся грозы.—„Ащеулова“! внезапно крикнулъ гдѣ-то дискантъ, заглушенный общимъ хохотомъ массы и новыми криками: Бы-ычкова-а“!

— Къ лѣшему огуменника Шебалина, Еракову подпорку!...

— Медвѣдей пужать, што-ль, Бычкова-то садите? выразилось нѣсколько сильныхъ голосовъ.

— Плутовъ, што не плошъ медвѣдя зорятъ! Бы-ычкова-а! загудѣло и въ волости, и на улицѣ, подъ окнами вокругъ дома.—Шебалина-а! застонало не менѣе сильно въ ней, снова покрываемое неистовымъ ревомъ и съ улицы, и внутри.—Бы-ычкова-а! Бычкова-а-а!

Въ этой бушующей сценѣ было много и комическаго. Потныя, раскраснѣвшіяся отъ духоты и волненія лица дѣйствовали не однимъ горломъ. Колыхаясь въ тѣснотѣ и напирая то взадъ, то впередъ, сотни рукъ, поднимаясь вверхъ, упираясь и въ плечи, и въ головы впереди стоящихъ; каждый выкрикивалъ своего кандидата. Среди общаго рева нельзя уже было слышать, но можно было только догадываться по страдающему выраженію нѣкоторыхъ лицъ объ отдѣльныхъ воплях: „о-ой сдавили!“, „а-а-ахъ, штобъ тѣ! ногу отнялъ... то-о-шнехонько“! Едва-ли найдется сила, которая-бы заставила смолкнуть говоръ и ревъ взволнованнаго народа. Какъ ни горячился, какъ ни топалъ ногами выходившій изъ себя Клементій Ивановичъ, все было напрасно: толпа и не замѣчала его, она и забыла о немъ, увлеченная своимъ дѣломъ, и голосъ его безслѣдно терялся въ этомъ хаосѣ, какъ теряется отдѣльная нота въ волнахъ звуковъ, несущихся изъ оркестра. Крики „Бычкова“! все болѣе и болѣе подавляли своимъ сильнымъ большинствомъ кандидатуру Шебалина и незамѣтно почти сливались въ одинъ общій голосъ.

Много прошло времени прежде, чѣмъ утихло вызванное волненіе.

— Отъ вашего реву не поймешь, кого вы больше хотите! заговорилъ Клементій Ивановичъ, когда впереди все утихло и только въ заднихъ рядахъ, да на улицѣ несся еще говоръ.—Ну, ты кого хочешь? спросилъ онъ стоявшаго впереди крестьянина, угрюмо, въ упоръ смотрѣвшаго на него.

— Бычкова! рѣзко отвѣтилъ тотъ.

— А ты? обратился онъ къ стоявшему рядомъ съ нимъ.

— Бычкова!

— Оно, ваше высокоблагородье, такъ надоть сказать, въ голосъ заговорили вдругъ въ переднихъ рядахъ, а вслѣдъ за ними и въ заднихъ,—што опричь Бычкова намъ никого не надоть.

— Шебалина, вашскоблагородье: о-обходительнѣй дѣло-то! раздалось вслѣдъ за тѣмъ въ толпѣ.

— Ераково прихвосье галдитъ вѣдь это, вашскоблагородье! снова подхватили впереди.

— Мо-о-олчало-бъ заводское мѣсиво, бродило-бъ въ своей пустой корчагѣ!..

— Аль березова-то каша не пріѣлась исшо? а-а-ахъ-ха-а!..

— Почемъ съ души Данилк-то покупалъ васъ, а? закричали въ отвѣтъ передніе.

— Съ пуда онъ ихъ нонѣ купилъ, а не съ души...

— Нонѣ они въ цѣнѣ, парень, были: по копейкѣ со всѣми потрохами и требухой, а-а-ахъ-ха-ха-а!..

— Душу-то продавши и дерете горло за Шебалина: кабы свой голосъ-то былъ, такъ пожалѣли-бъ, а то чужой теперь, такъ чего жалѣть?—вотъ и натруждаете! неслись въ народѣ похвальныя другъ другу рѣчи, безъ какихъ, какъ мы и сказали ранѣе, не обходятся подобные сходы.

— Тсс... мо-олчать! Что это за перебранка? крикнулъ на нихъ, топнувъ ногой, Клементій Ивановичъ, — здѣсь сходъ, а не базаръ... мужичье!

Толпа притихла.

— Кто за Шебалина—поднимай вверхъ правую руку!

Болѣе сотни рукъ поднялось въ серединѣ толпы и заторчало въ воздухѣ. Остальные стояли неподвижно. По этому, принятому въ крестьянской средѣ, обычаю онъ увидѣлъ, что дѣло желаемаго имъ кандидата плохо. Большинство голосовъ оставалось за Бычковымъ.

— Остальные за Бычкова? спросилъ онъ.

— Бычкова! прогудѣло въ отвѣтъ ему.

— Хорошо! Слушайте-же, молодцы. Измѣнять ваше желаніе въ этомъ дѣлѣ никто не имѣетъ права...

— Благодаримъ покорно... дай вамъ Господи!.. пронеслось въ толпѣ.

— Мо-олчать, слушать, что я говорю! крикнулъ онъ.— По смыслу закона, началъ онъ, когда толпа стихла,—волостной сходъ обязанъ постановлять свои рѣшенія и выбирать волостныхъ начальниковъ не иначе, какъ съ согласія и утвержденія мироваго посредника; тѣмъ болѣе требуется это въ выборѣ волостныхъ старшинъ. Въ волостные начальники должны избираться лица съ безупречнымъ поведеніемъ, свободныя отъ всякихъ нарѣканій, и только тогда они утверждаются начальствомъ въ должностяхъ, въ какія избраны, когда посредникъ аттестуетъ ихъ достойными. Иначе кого-бы сходъ ни выбралъ, но если на утвержденіе его нѣтъ требуемаго закономъ согласія посредника, тогда избранный сходомъ человѣкъ отстраняется отъ должности— поняли?

— Поняли! пронеслось въ толпѣ.

— Мировой посредникъ обязанъ слѣдить за всѣми дѣйствіями волостныхъ начальниковъ, съ разстановкою продолжалъ онъ послѣ минутной паузы,—слѣдовательно на него должна падать и отвѣтственность за допущеніе къ этимъ должностямъ людей, которые хотя-бы и не бывали подъ судомъ и слѣдствіемъ, но почему-либо могутъ быть неблагонадежны. Поэтому законъ, давая вамъ полную свободу избирать изъ среды себя волостныхъ начальниковъ, какихъ вы сами желаете, въ то-же время требуетъ и согласія мироваго посредника на утвержденіе ихъ, какъ лица, непосредственно поставленнаго надъ вами, который, въ видахъ охраненія вашей собственной пользы, долженъ допускать въ волостные начальники людей дѣйствительно благонадежныхъ и достойныхъ этого званія, то-есть людей, которыхъ онъ находитъ достойными и благонадежными—поняли? снова спросилъ онъ.

— По-о-оняли! такъ-же отвѣтила толпа.

— Вы и сами знаете, молодцы, снова началъ онъ,— что до сихъ поръ наши выборы были неудачны: выбирали мы людей, кажись-бы, хорошихъ, а все подъ-конецъ они оказывались негодями...

— Это такъ точно, вашвысокоблагородье, пронеслось въ толпѣ,—справедлива рѣчь ваша!..

— Сами вотъ знаете, слѣдовательно и учить васъ нечего. Выбрали мы Клестерина,—мужикъ былъ прекрасный, честный, а теперь достойно и праведно сидитъ въ острогѣ; да и рѣдкій кончалъ благополучно: или, не дослуживъ срока, былъ выгоняемъ, или попадалъ подъ судъ. Такъ теперь ужъ,

молодцы, для вашей-же пользы я не допущу въ старшины человѣка, неблагонадежность котораго напередъ знаю. Мнѣ надоѣли ужь постоянныя ваши жалобы на волостныхъ начальниковъ и жалобы на нихъ полицейскихъ чиновниковъ; мировой съѣздъ заваленъ жалобами, да дѣлами о подсудности ихъ—это кладетъ черное пятно и на васъ, и на меня: на васъ потому, что какъ-будто по волости дѣйствительно нѣтъ хорошихъ людей, а на меня—что я смотрю сквозь пальцы и допускаю выбирать только однихъ негодяевъ. Отнынѣ этого не будетъ! Я Бычкова знаю лучше васъ, знаю, какія онъ заводитъ по волости пакости и кляузы, вооружаетъ васъ противъ властей, прикидывается честнымъ, желающимъ вамъ добра, для того, чтобъ пробраться въ старшины, да нажиться на вашъ-же счетъ. Этотъ человѣкъ извѣстенъ былъ за негодяя еще при горныхъ управителяхъ, и въ мое время успѣлъ уже показать себя. Бычкову не быть вашимъ старшиной, слышите? Мѣсто его не въ старшинахъ, а въ острогѣ, и онъ попадетъ въ него, это я вамъ говорю,—слышите?

— Слышимъ! пронеслось въ толпѣ.

— Ну, такъ я еще повторю вамъ, что онъ не будетъ старшиной: я не допущу этого; вы не пѣняйте на меня—я вамъ-же желаю добра; не хотите если Шебалина, хотя мужикъ этотъ, по моему мнѣнію, хорошій, умный, честный и вполнѣ достоинъ быть старшиной, — но если ужь не хотите его и не хотите ссориться со мной, а хотите послушать моего добраго слова, такъ выбирайте другаго, кого хотите, но только, еще разъ повторяю вамъ, не Бычкова!

Кончивъ свой длинный монологъ, Клементій Ивановичъ

вынулъ изъ кармана платокъ и вытеръ имъ засохшія отъ жара губы. Въ толпѣ царила мертвая тишина, не нарушаемая продолжительное время ни звукомъ, ни шелестомъ. Всѣ стояли неподвижно, или склонивъ головы, или переглядываясь другъ съ другомъ. Доводы Клементія Ивановича были такъ рѣзки, хотя и бездоказательны; но, главное, теперь вполнѣ выяснился передъ народомъ взглядъ его на человѣка, котораго онъ тайно ненавидѣлъ, и ненависть его была извѣстна только какъ слухъ, не подтверждаемый никакими фактическими доказательствами.

— Ну, что-жъ, молодцы, кого-жъ вы надумываете, а? снова спросилъ онъ, подходя къ нимъ.

Изъ переднихъ рядовъ выдвинулся впередъ, къ двери, крестьянинъ среднихъ лѣтъ, съ серьезнымъ и умнымъ выраженіемъ лица, слегка испорченнаго оспой. Остановившись передъ Клементіемъ Ивановичемъ, онъ молча поклонился ему.

— Сказать что-нибудь хочешь, а? ласково спросилъ Клементій Ивановичъ, пристально осмотрѣвъ его рваный зипунъ, запачканный дегтемъ, и неказистые, перетянутые бичевками бродни.

— Съ вашего-бы дозволенія, вашвыскоблагородье, слова-бы два перемолвить! съ поклономъ отвѣтилъ тотъ.

— По своему дѣлу или сходъ тебѣ поручилъ говорить?

— Какія по нашему-то по хрестьянству порученія, вашскаблагородье?—назудитъ на душѣ-то, такъ и безъ разговоровъ знамъ, о чемъ міръ-то думатъ...

— Ну, говори, произнесъ онъ, снова пристально всмот-

рѣвшись въ фигуру мужика,—о чемъ міръ-то думаетъ, послушаемъ! съ ироніей добавилъ онъ.

— Одна у міра-то дума была, когда ты говорилъ-то намъ, што кабы эти слова-то твои, да Богу въ уши, штобы и взаболь завсе у насъ волостные-то были честные, да правдивые люди и начальство-то-бы завсе сажало намъ такихъ. Да нѣтъ, видно мы исшо не замолили у Господа Бога грѣховъ-то нашихъ, вашвыскоблагородье! со вздохомъ заключилъ онъ.

— Молитесь и отпустятся! съ ироніей отвѣтилъ ему Клементій Ивановичъ.

— Молимся, вашвыскоблагородье Клеменъ Иванычъ, и... и... слезно молимся, да все не угодимъ никакъ! Кто вотъ по нашему-то худому уму плутъ, такъ, вишь, тотъ тебѣ нравится, а путные-то изъ насъ тебѣ плутами кажутся, вотъ мы никакъ и не сведемъ концовъ, стало-быть и не терпитъ Господь грѣхи наши!

Клементій Ивановичъ покраснѣлъ и прикусилъ верхнюю губу.

— Объ энтомъ вотъ, вашвыскоблагородье, вся и дума мужичья, снова началъ онъ послѣ короткаго перерыва.— Вотъ мы слушали твои рѣчи про Егора-то Семеныча Бычкова, да по темнотѣ-то нашей никакъ въ толкъ не взяли, пошто онъ мошенникъ-то такой, по-твоему, какіе такіе грѣхи-то за нимъ?..

— Если я говорю, такъ, значитъ, знаю! сердито отвѣтилъ ему Клементій Ивановичъ.

— Оно извѣстно, ты — начальникъ; кому-же и знать

мужичью душу, какъ не начальству? съ смиренной, но худо скрытой ироніей отвѣтилъ крестьянинъ.—Не оставь ужь ты насъ, вашвыскоблагородье, своей милостью! съ низкимъ поклономъ продолжалъ онъ: — желательно-бы вотъ и міру-то знать, какіе такіе грѣхи-то за нимъ водятся? Міръ-то вотъ говоритъ, что и подъ присягу пойдетъ, што окромя путныхъ-то рѣчей ничего отъ него не слыхивалъ.

— Вотъ эти-то путныя, по-вашему, рѣчи его и непутны! тѣмъ-же тономъ прервалъ его Клементій Ивановичъ.

— Статься можетъ; а по нашему, по-мужичьи, такъ онѣ-бы ровно и шибко путны, вашвыскоблагородье! Точно, когда Петръ Степанычъ захотѣлъ-было съ міру по лѣсинкѣ на домъ сколотить, — говорилъ, что будто ты это наказывалъ, — ну, такъ Егоръ Семенычъ и поговорилъ съ нимъ тогды, штобъ онъ энту блажь выкинулъ, што у мужиковъ и лошадей нѣтъ даромъ лѣсъ возить на писарскій домъ. Такъ неужъ эта рѣчь и непутна была, вашвыскоблагородье? съ ироніей посмотрѣвъ на него, заключилъ крестьянинъ.— Оно точно, не потаимъ, снова продолжалъ онъ, съ тою-же ироніею глядя на покраснѣвшаго и кусавшаго губы Клементія Ивановича,— когда и медокъ стали-было на твою милость съ мужиковъ собирать, ну, такъ онъ сказалъ и тогды, што коли-де кто сладко ѣсть хочетъ, такъ пусшай и деньги на то припасаетъ; што пчела коли сладко ѣстъ, такъ она и робитъ досыта, а трутней-то, што даромъ къ меду ея лѣзутъ, убивать! Такъ неужъ и энта рѣчь его непутна была, вашвысокоблагородье?..

Звучный смѣхъ, прокатившійся въ толпѣ, прервалъ его.

— А ужь опричь его, вашвыскоблагородье, мы и не знамъ человѣка-то, снова началъ онъ;—отъ него мы за всегды и охрану-то видѣли... Оно точно, мы слыхали, што писарь да мужики-то, што по-богаче, шибко не долюбливаютъ его... Мно-ого тутъ они про него росказней-то пускали въ народъ, только все это, вашвыскоблагородье, по-нашему фальшъ одинъ, а на міру говорятъ, что на чужой ротокъ не накинешь платокъ... Мы ужъ изъ милости будемъ просить тебя, Клеменъ Иванычъ, не ломай ты нашей воли—дай намъ его! снова съ низкимъ поклономъ заключилъ онъ.

— Ты заводскій? вмѣсто отвѣта спросилъ Клементій Ивановичъ.

— Оно такъ точно: изъ мастеровыхъ.

— Знаю! Для того-то, вѣрно, и хлопочешь о немъ, что когда проворуешься иль набуйствуешь, такъ чтобъ онъ прикрылъ тебя. Знаю, знаю, что вы по себѣ его выбираете, сверкнувъ глазами и съ сильнымъ удареніемъ на послѣднихъ словахъ, произнесъ онъ.—Вамъ честнаго не нужно, а мошенника, который-бы потакалъ вамъ, да прикрывалъ васъ!

— Мошенниковъ-то, ты вашвыскоблагородье около себя пошарь, скорѣе въ нихъ завязнутъ руки-то! „вырвалось вдругъ изъ толпы въ отвѣтъ ему“: тебѣ это честныхъ-то не надо, а не намъ!..

— Что-о-о?.. „протянулъ поблѣднѣвшій клементій Ивановичъ...“ это кто тамъ говоритъ поди сюда!..

— Чей-бы языкъ не сказалъ все равно... была-бы правда!.. пронесся тотъ-же голосъ... среди общаго мертваго молчанья.

— Поди сюда!.. Кто это тамъ, ребята, говоритъ... обратился онъ къ толпѣ... голосъ его дрожалъ... и даже... повсему тѣлу было замѣтно пробѣжавшая отъ сдавленнаго бѣшенства дрожь.

Толпа молчала и не шевелилась.

— Васъ я спрашиваю или нѣтъ, што-жъ вы молчите, мерзавцы!.. не владѣя уже собою, крикнулъ онъ.

— Ты не ругайся, вашвыскоблагородье! за кипѣло вдругъ среди взволновавшагося, народа „здѣсь сходъ", аль по твоему мы не люди, што, окромя брани, съ нами и рѣчи нѣтъ!

— Што ты ругашь-то насъ... снова вырвался изъ толпы тотъ-же одинокій голосъ „всѣ-то у тебя мошенники, да подлецы, только и словъ слышно... за што ты поносишь-то?... Неужъ ты начальствомъ-то на то и приставленъ... штобы только ругать, да лаять...

Клементій Ивановичъ стоялъ, совершенно парализованный предъ волнующейся толпой. Долго-ли-бы продолжалась и чѣмъ-бы кончилась эта сцена—трудно сказать. Въ эту минуту... крайне напряженныхъ съ обѣихъ сторонъ отношеній толпа внезапно смолкла, заколыхалась и налегла на дверь, уступая дорогу... пріѣхавшему въ волость Егору Семеновичу. Съ усиліемъ протѣснившись въ ней онъ сталъ впереди и поклонился Клементію Ивановичу. На немъ былъ тотъ-же халатъ, опоясанный кумачнымъ кушакомъ и тоже неизмѣнно-спокойное, самообладающее выраженіе въ лицѣ. Онъ стоялъ предъ нимъ цѣлою головою высясь надъ толпой, затихшей сзади его.—Клементій Ивановичъ молча обмѣрялъ его взглядомъ,

не предвѣщавшимъ ничего хорошаго, въ немъ промелькнуло со всею силою то выраженіе, какое невольно побуждало каждаго сторониться отъ него, опасаться его.

— Ты зачѣмъ сюда пришолъ... что тебѣ нужно? тихо сдержанно спросилъ онъ, забывъ о своемъ приказаніи.

— Нарочный сказывалъ... што вы требовали меня къ вашей милости!...

— А-а да-да... хорошо!.. Ты што это голубчикъ творишъ тутъ, а?.. тѣмъ-же сдавленно-притихшимъ голосомъ спросилъ онъ... ты по какому праву врываешься въ волость, когда тебя не требуютъ... и дозволяешь себѣ безчинства въ ней, а?..

— Я... въ первой отъ васъ... о безчинствахъ-то и слышу вашевыскоблагородье!.. изумленно глядя на него... отвѣтилъ онъ.

— Ты имѣешь право, а?.. прежде суда и слѣдствія порицать предъ народомъ дѣйствія волостныхъ начальниковъ, писаря и мои?.. не слушая его, снова спросилъ онъ.

— Всякой человѣкъ, кажись, вашевыскоблагородье... волент говорить о томъ чего знаетъ и видитъ!.. Неужъ въ энтомъ и безчинство мое, што я съ писаремъ ономнясь поговорилъ!.. съ иронією спросилъ онъ...

— Не въ томъ, что ты съ писаремъ поговорилъ... говорить съ нимъ никому не воспрещается, а въ томъ, о чемъ ты поговорилъ съ нимъ!..

— Объ однихъ плутняхъ его... только.

— Въ толпѣ прокатился смѣхъ.

— Безчинникомъ я вашевыскоблагородье не былъ...

да можетъ Богъ сохранитъ и не буду имъ!.. продолжалъ между тѣмъ Егоръ Семеновичъ. Вотъ онъ и опять сплутовалъ, што не такъ на жалобился вамъ, какъ бы слѣдовало. Вѣдь тутъ народъ былъ, вашевыскоблагородье, видѣлъ, врывался-ли я носильно въ волость, а о чемъ я говорилъ съ нимъ, такъ я вашвыскоблагородье не отопрусь, а коли вашей милости будетъ угодно и теперѣча при всемъ честномъ народѣ повторю!..

— Ну, я съ тобой объ этомъ не буду разговаривать... съ тобой поговоритъ объ этомъ судъ!..

— Судъ такъ судъ, на все Божья воля... да начальства вашевыскоблагородье... не привыкать ужъ мнѣ къ энтимъ-то угрозамъ... съ горечью въ голосѣ отвѣтилъ онъ.

— А-а!.. Такъ ты думаешь, што я только грожу?..

— Сами вашвыскоблагородье изволили сказать, что я подъ судъ пойду, вотъ я и спрошу вашу милость не во гнѣвъ вамъ, за што-же энто подъ судъ-то меня отдадутъ, какія провины-то мои, што угнетенія-то на меня такія?..

— Ну... мы потомъ поговоримъ, теперь не время...

— Нѣтъ вашвыскоблагородье теперь и самое время... Пусть весь честный народъ слышитъ, въ чемъ мои провины, убилъ-ли я кого, своровалъ-ли што, непокорство-ли какое предъ начальствомъ сдѣлалъ?.. Пусшай всѣ слышутъ за што я изъ мошенниковъ мошенникъ сталъ, неужъ вы думаете вашвыскоблагородье, дрожащимъ уже голосомъ говорилъ онъ, што я мужикъ, такъ у меня и душа не болитъ, какъ порочатъ-то меня, какихъ только каторгъ мнѣ не насулили, да цѣпей...

— И надѣнутъ, будь увѣренъ... свое найдешъ... произнесъ, прервавъ его Клементій Ивановичъ, надѣнутъ!.. стиснувъ уже зубы повторилъ онъ...

— Э-э-эхъ вашвыскоблагородье... суди меня Богъ и великій государь, коли ужъ есть вины за мной, много честнаго народу въ цѣпяхъ-то ходитъ, не я первый буду, не я послѣдній...

— Што-о-о... што... што-о... повтори!... протянулъ Клементій Ивановичъ... остолбенѣвъ... и растерявшись... „взять его“! крикнулъ наконецъ онъ, обратившись къ не-менѣе растерявшимся волостнымъ начальникамъ и писарю, опомнившись отъ перваго впечатлѣнія, произведеннаго на него послѣдними словами Бычкова.

Одинъ изъ волостныхъ засѣдателей, повинуясь приказанію его—подошелъ къ Бычкову и взялъ его за руку...

— Я и самъ пойду, куда велятъ! спокойно отвѣтилъ онъ и сдѣлалъ шага два отъ толпы... но въ толпѣ въ это время точно что-то дрогнуло...

— За што это брать его... куда! раздались голоса въ ней, и толпа внезапно налегла на дверь...

— Чего онъ такое сдѣлалъ, што взять его!.. все громче и громче заговорили впереди ея... напирая къ двери, нѣтъ живаго-то человѣка мы хоронить не дадимъ... ты на перво скажи намъ, за што его взять велишь, аль што міръ захотѣлъ честнаго мужика надъ собой имѣть, охрану въ немъ видѣть правды на рубли не покупать, такъ и брать его и сажать... за то вѣрно онъ и мошенникъ, што писарю воровать не даетъ да надъ бѣдностью... богатымъ глумиться...

што по двугривенному мужичьи души покупали... за энто мы рыть живаго человѣка не дади-имъ. Ты допрежъ цѣни-то да острогъ для писаря припаси съ его богатой прихвосней...

Растерявшись слушалъ эти энергичные... сыпавшіеся градомъ крики... Клементій Ивановичъ... и не дослушалъ ихъ, блѣдный отъ безсильной злобы, надѣлъ фуражку и быстро вышелъ изъ волости, сопровождаемый писаремъ. Съ уходомъ его сходъ зашумѣлъ неудержимымъ потокомъ, и никто не замѣтилъ, что Клементій Ивановичъ, приказавъ писарю и кандидату по старшинѣ не распускать схода впредь до особаго распоряженія, уѣхалъ обратно въ городъ, миновавъ волость, окольной дорогой.

Похожій на бѣгство отъѣздъ его произвелъ на крестьянъ сильное впечатлѣніе, особенно распоряженіе его не распускать схода. „Какъ-же это, братцы? чего-же будетъ съ нами, чего это дѣется на свѣтѣ-то? Ну, и поря-я-дки!“ говорили они, съ изумленіемъ похлопывая руками по бедрамъ. — „Кто-же теперя старшиной-то будетъ? диво-же это!“ спрашивали они другъ друга. Другіе-же, болѣе положительные, присоединяли къ этому и другой вопросъ: „докуда-же намъ жить-то? Ѣхали на день, а живемъ три, а все ишо никакого распорядка нѣтъ! А теперь время такое, что и минута дорога; пропустишь ее, такъ опосля ни за какія деньги не купишь!“ И шолъ у нихъ въ этихъ взаимныхъ вопросахъ, да разсужденіяхъ день за днемъ, а распоряженія относительно схода и утвержденія старшины все еще не выходило. Не послѣдовало никакого распоряженія и о Бычковѣ, и на другой день онъ уѣхалъ домой, но послѣ этого

столкновенія мрачныя предчувствія о своемъ будущемъ не обманывали его.

Прошло шесть дней въ этомъ съ часу на часъ ожиданіи, что вотъ-де скажутъ-же что нибудь, но все напрасно Писарь заперся и не показывался народу. Скучали вмѣстѣ съ народомъ и волостные чины. Погода все время стояла ясная, жаркая—самая благопріятная для работъ. У каждаго оставались вспаханныя, но незасѣянныя поля, а кто засѣялъ, тотъ не успѣлъ заборонить, и зерно, оставаясь наверху, дѣлалось добычею птицы. У каждаго было вдоволь работъ; уѣхать-же самовольно удерживалъ страхъ отвѣтственности; конечно, нашлись такіе смѣльчаки, что уѣхали втихомолку, махнувъ рукой и на мірское дѣло: „что, вѣдь міръ не напоитъ, не накормитъ, поля засѣять не поможетъ, какъ время-то упустишь!“ Но большинство все-таки ждало, становясь въ тягость своякамъ и знакомымъ, у которыхъ нашло пріютъ. „Да—докуда-жъ это будетъ, чего-жъ это дѣютъ-то съ нами, братцы?“ все громче и громче раздавалось среди нихъ, и на седьмой день это неудовольствіе перешло въ открытый ропотъ. Собрался сходъ въ волость и послалъ за писаремъ. Писарь не пошолъ, отозвавшись болѣзнью. Послали въ другой разъ—тотъ-же отвѣтъ. Пошло человѣкъ семь крестьянъ къ нему на домъ.

— Чего-жъ это дѣете съ нами? докедова-жъ это держать-то насъ будете, скажи ты намъ? спросилъ вышедшаго къ нимъ съ обвязанной головой Петра Степановича тотъ самый энергичный говорокъ, слова котораго такъ сильно повліяли на Шлепфельда.

— Я ничего не знаю: вы сами знаете, что вѣдь это не въ моей волѣ, отвѣтилъ онъ.

— Ты не знашъ, другой не знатъ, такъ кто-жъ знать-то будетъ? Чего-жъ вы держите насъ, вѣдь теперь, ты самъ знашь, какое время-то: не токма день, а часъ-то дорогъ, а вѣдь ужь вотъ, слава, тѣ Господи, сегодня семой денекъ ни за што проѣдаемся! А што какъ непогодь ударитъ, какъ ты робить-то будешь тогда? а упустишь ты время, да неурожайно отъ этого будетъ, такъ кто насъ кормить-то опосля станетъ, а?..

— Што-жъ вы ко мнѣ-то пристаете—развѣ это моя вина? оправдывался писарь.

— Ты—писарь?

— Што-жъ, што писарь?

— Какъ, што? Ты заодно съ посредникомъ дѣла-то дѣлашь, ты и должонъ знать, чего онъ насъ держитъ, чего добивается-то отъ насъ.

— Спросите его, а я ничего не знаю!

— Такъ энто исшо къ нему въ городъ ѣхать?

— Конечно, ѣхать въ городъ; выберите кого-нибудь, да и пошлите къ нему, а я ничего не знаю.

— Энто ты исшо пошлешь къ нему, а онъ возметъ, да въ острогъ посадитъ?.. пытливо допрашивали они.

— И этого ничего не знаю, посадитъ или нѣтъ, сами лучше должны знать.

— Ну, и порядки, а-ахъ ты, братецъ, а? Вотъ тѣ и поря-я-ядки! хлопая руками по бедрамъ, говорили депутаты, возвратившись на сходъ. Но дѣло отъ этого все-таки не

подвинулось впередъ. Много и шумно говорили они, шумно до того, что другой и самъ не слыхалъ своихъ словъ, пока порѣшили послать за спросомъ къ Клементію Ивановичу. Налегъ сначала міръ съ своей просьбой ѣхать на кандидата по старшинѣ, но тотъ, какъ человѣкъ весьма тактичный, притворился больнымъ до того, что не могъ слѣзть съ печи; на-силу удалось уговорить имъ одного изъ волостныхъ засѣдателей и двухъ выбранныхъ общимъ голосомъ крестьянъ принять на себя эту миссію.

Прошло еще пять дней въ мучительномъ ожиданіи отвѣта. А сходъ, между тѣмъ, съ каждымъ днемъ замѣтно рѣдѣлъ отъ самовольно отъѣзжавшихъ крестьянъ, махнувшихъ, наконецъ, рукой „на всѣ эти порядки“. Но большинство все еще ждало, тоскливо посиживая съ утра и до ночи у волостнаго крылечка и у церковной ограды и поглядывая на дорогу, узкой лентой вившуюся въ гору. Заходили другіе и къ мѣстному священнику, отцу Ефиму, поговорить о своемъ мірскомъ дѣлѣ и послушать его совѣта. Но отецъ Ефимъ былъ человѣкъ осторожный и не податливый, въ подобныхъ дѣлахъ, на совѣты. Онъ или молчалъ, съ улыбкой посматривая на волнующихся крестьянъ, или отклонялъ разговоръ на посторонніе предметы. И уходили они отъ него, говоря, втихомолку, „што тугой-же на—слово человѣкъ отецъ Ефимъ, ой-оой!“ Ночью на шестые сутки возвратились посланные, и на утро передали съ нетерпѣніемъ собравшемуся сходу немногословное рѣшеніе Клементія Ивановича.

— Когда хотятъ выбрать Шебалина, то пусть выби-

раютъ и разъѣзжаются. Бычкова-же я не допущу и донесу начальству объ ихъ неповиновеніи.

Молча выслушалъ сходъ эти полновѣсныя слова и задумался. Да и было надъ чѣмъ. Не обошлось, конечно, и безъ говора, и говора рѣзкаго, желчнаго, не обошлось и безъ аханья, и безъ любимаго, многовыражающаго у крестьянина жеста—похлопыванья себя руками по бедрамъ. Но все это въ концѣ концовъ привело къ тому, что многіе уѣхали молча, другіе-же подали свой голосъ за Трофима Кириловича, и къ вечеру того-же дня шумное село опустѣло, и всѣ дороги и тропинки усѣялись народомъ, ѣхавшимъ по домамъ и громко толковавшимъ о наставшихъ порядкахъ.

Не прошло и мѣсяца послѣ выбора старшины, какъ по волости распространилась вѣсть объ арестѣ Бычкова, и снова разлились въ народѣ тѣ-же зловѣщіе слухи и предвѣщанія, на этотъ разъ небезосновательные. Онъ, дѣйствительно, былъ посаженъ въ тюрьму при волости, по приказанію Шлепфельда. Къ нему не допускали для свиданія ни жены, ни сына, не говоря уже о другихъ родныхъ и постороннихъ лицахъ, сохранившихъ къ нему привязанность. Арестъ его поразилъ всю семью, заживо оплакивавшую его. и губительно отразился на хозяйствѣ. Произвелъ онъ впечатлѣніе и на народъ. „Ну-у таперя попалъ въ руки, такъ ужъ...“ и не договаривали крестьяне, а только съ сожалѣніемъ покачивали головами. Про себя, втихомолку,

другой и прибавлялъ: „съѣли-де мужика, ни за што съѣли“, но о защитѣ его никто изъ нихъ не смѣлъ и думать. Насколько сильно было въ массѣ участіе къ нему, настолько сильна была и радость враговъ его, особенно Слатвинскаго, гордо поднявшаго голову и возвысившаго голосъ послѣ выборовъ. И чего ему было опасаться теперь, когда старшиной сидѣлъ Трофимъ Кириловичъ, человѣкъ кроткій и податливый на всякіе совѣты, съ которымъ онъ и ранѣе находился въ наилучшихъ дружественныхъ отношеніяхъ? Произволъ Слатвинскаго, вытекавшій изъ мщенія Бычкову, простирался до того, что доставляемыя ему родными его пища и бѣлье не доходили по назначенію; ему не передавали даже и подаяній, какія приносили къ нему крестьяне, помнившіе его хлѣбъ-соль и уважавшіе его. Сама стража къ нему была приставлена, по выбору писаря, изъ людей надежныхъ, которые ни въ чемъ не нарушали предѣловъ данной имъ инструкціи. Егоръ Семеновичъ, какъ и всѣ арестанты, питался на мірской счетъ *) Вообще арестанты, содержащіеся при волостныхъ тюрьмахъ, терпятъ чуть-ли не худшую

*) Продовольствіе арестантовъ, содержащихся при волостныхъ правленіяхъ, производится двоякимъ образомъ. Иногда, при отдачѣ обществомъ съ торговъ земской гоньбы и земской квартиры для остановокъ чиновниковъ, общество обязываетъ этихъ подрядчиковъ за ту-же сумму продовольствовать волостныхъ сотниковъ, состоящихъ при волости для развозки почты, для разсылки нарочными и для составленія стражи при арестованныхъ, а также продовольствовать и самихъ арестованныхъ. Если-же не существуетъ подобнаго уговора съ подрядчиками, то арестованные въ такихъ случаяхъ продовольствуются всею деревнею по-очередно, т. е. сегодня у одного крестьянина, завтра у другого. Нечего и

долю, чѣмъ въ острогахъ, не отъ одного недостатка въ пищѣ, но и отъ помѣщеній,—узкихъ, низкихъ, лишенныхъ свѣта, едва-проходящаго чрезъ маленькое, загороженное рѣшоткою, отверстіе въ двери. Обыкновенно подъ тюрьму отдѣляется обширная комната, раздѣленная перегородкою на-двое; въ перегородкѣ этой и устраиваются двери, ведущія въ казематы, похожіе скорѣе на клѣтки, чѣмъ на комнаты. Арестантъ можетъ только сидѣть въ ней или лежать, потому что отъ наръ, замѣняющихъ ему койку, до двери пространства не болѣе шагу; въ другой половинѣ комнаты помѣщается стража, и часто вся-то эта комната освѣщается однимъ окошкомъ съ двойными рамами, безъ всякихъ признаковъ форточки или другихъ вентиляторовъ, о которыхъ не имѣютъ и понятія сельскіе архитекторы. Вонь, духота отъ махорки, а зимою отъ прѣющей одежды, просушиваемой у печи, и постоянный угаръ,—вотъ что вдыхаютъ въ себя несчастные узники. Мы не говоримъ о паразитахъ, массами развивающихся отъ нечистотъ, въ какія брошены заключонные **); для пойманныхъ бродягъ, содержащихся

говоритъ, что и въ томъ, и въ другомъ случаѣ продовольствіе ихъ бываетъ скудное, состоящее изъ щей съ крупой, да капустой, а иногда и просто изъ кваса съ лукомъ, да молока. Положеніе этихъ арестантовъ было-бы ужасно, если-бъ всегда добрый, всегда сочувствующій несчастію простолюдинъ не облегчалъ его своими подаяніями.

**) Автору нерѣдко приводилось видѣть на тѣлѣ подозрѣваемыхъ, содержащихся при волостныхъ тюрьмахъ, раны, происходящія отъ скопленія паразитовъ; единственная мольба этихъ несчастныхъ съ перваго-же слова заключалась въ дозволеніи сходить въ баню и дать хоть какое-нибудь подобіе рубахи для перемѣны.

иногда мѣсяцъ два прежде, чѣмъ произведется слѣдствіе, волостная тюрьма есть чистилище, предшествующее переходу его въ рай, т. е. въ острогъ. Тамъ по крайней мѣрѣ, онъ не лишенъ свѣта да и представляется возможность ходить; тамъ ему дадутъ рубаху и другое бѣлье, взамѣнъ истлѣвшаго на немъ и потерявшаго всякое подобіе бѣлья. И, что всего ужаснѣе, эти тюрьмы лишены всякаго контроля и вниманія: въ нихъ никто и никогда не заглядываетъ!

Напрасно протестовалъ Егоръ Семеновичъ, требуя къ себѣ писаря, чтобъ узнать, наконецъ, въ чемъ его вина, за что онъ содержится, наконецъ, будетъ-ли какое слѣдствіе и судъ, чтобъ прекратить томительную пытку заключенія въ тѣсной и смрадной тюрьмѣ, — томительную тѣмъ болѣе, что онъ ничего не зналъ о своихъ домашнихъ: живы-ли они, здоровы-ли? Какъ идетъ хозяйство? Для домовитаго крестьянина въ этомъ вопросѣ заключается все его насущное, и тѣмъ болѣе для него, для пчеловода, оторваннаго въ дорогую пору роенія пчелъ. Все было напрасно: писарь не шелъ и окружающіе его оставались глухи на всѣ его просьбы и мольбы. Напрасно прибѣгали съ слезной просьбой къ писарю жена его и сынъ, давали ему деньги, чтобъ допустить для свиданія съ нимъ. Онъ не взялъ и денегъ. Ѣздили они и въ городъ съ тою-же просьбою къ Шлепфельду, но ихъ и не допустили до него. Нерадостныя-бы вѣсти передали они Егору Семеновичу. Хозяйство падало, лишенное такихъ сильныхъ рабочихъ рукъ, какъ его. Много пчелъ сгибло, вслѣдствіе вкравшейся отъ недосмотра неопыт-

наго въ этомъ дѣлѣ сына болѣзни, среди крестьянъ извѣстной подъ названіемъ „гнилецъ“. Рои удались, но большая часть ихъ, также отъ недосмотра, слетѣла въ тайгу. Одному сыну и невозможно было слѣдить въ одно и то-же время и за пасекой, находившейся въ пятнадцати верстахъ отъ деревни, и заниматься лежавшими на немъ полевыми работами; нанять-же въ помощь работниковъ не было средствъ. Подать просьбу?—но кому и о чемъ—они и не знали еще, да и опасались, чтобы не надѣлать чего-нибудь для него худшаго своими жалобами. Про него-же говорилось такъ много, а почемъ-же имъ было знать, правъ онъ или виноватъ? Егоръ Семеновичъ не любилъ дѣлиться съ ними своими тайнами.

Болѣе всѣхъ торжествовалъ Данило Ираклiевичъ. Самолюбiе его было вполнѣ удовлетворено избраніемъ Шебалина. Радовался онъ и аресту Егора Семеновича, котсрый лично для него не сдѣлалъ ничего дурнаго. Но таково ужь свойство человѣческой природы—радоваться несчастію людей, въ которыхъ можно предвидѣть своихъ враговъ, радоваться паденію правды и добра, выступающаго еще ярче отъ сознанія въ самомъ себѣ однѣхъ темныхъ сторонъ.

— А-а-ахъ-ха-ха-а-а! говорилъ онъ каждому, навѣщавшему его,—съ кѣмъ выдумалъ тягаться, съ Клеменомъ Иванычемъ, а?! Да его што-ись и чиновники-то опасаются, потому съ силой онъ человѣкъ, а то мужикъ, а-а-ахъ-ха-ха-а-а! Посиди-ко вотъ теперь, извѣдай, каково оно супротивъ начальства-то строптивиться!

Добившись своей цѣли, Трофимъ Кириловичъ не выра-

жалъ явно своего удовольствія. По возвращеніи изъ города, узнавъ о своемъ выборѣ, онъ поѣхалъ представиться Шлепфельду и удостоился лестнаго и многоназидательнаго пріема. Сознавая, что онъ избранъ противъ воли и желанія народа, Трофимъ Кириловичъ употребилъ всю свою тактичность, чтобъ загладить въ немъ это непріятное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что оно родилось противъ него въ виду происковъ Данилы Иракліевича, изъ антагонизма посреднику и писарю и отъ сопоставленія его съ личностью Бычкова, любимаго и желаемаго народомъ. Собственно противъ него, какъ мы видѣли и ранѣе, большинство крестьянъ не имѣло ничего и даже всегда отзывалось о немъ съ хорошей стороны. Людей, какъ Матвѣй Степановичъ Тарасовъ, глубже глядѣвшихъ и вдумывавшихся въ дѣйствія его и, слѣдовательно, составившихъ о немъ должную оцѣнку, было немного, да и народъ-то этотъ былъ несильный, неміятельный, чтобъ вредить ему своими вѣрными заключеніями. И вотъ Трофимъ Кириловичъ первые шаги своей дѣятельности началъ съ горькихъ жалобъ предъ крестьянами: „что его посадили насильно, что онъ Богъ знаетъ чего-бы не далъ, чтобъ только снять съ себя это иго! Слышалъ народъ эти жалобы при всякомъ удобномъ случаѣ, видѣлъ печаль, какою убивается человѣкъ, да и началъ вѣрить: „что, и въ самомъ дѣлѣ,. чѣмъ-же виноватъ мужикъ-то, коли насильно посадили?.. вишь вѣдь порядки-то наши какіе!“ О томъ-же, какъ Данило Иракліевичъ съ компаньонами задавалъ деньги, чтобъ привлечь крестьянъ на его сторону, Трофимъ Кириловичъ молчалъ, какъ-будто все это дѣлалось безъ его вѣдома, на-

родъ-же толковалъ и вкривь и вкось, никакъ не договариваясь до дѣла. Въ первоначальной дѣятельности его крестьяне также не замѣчали ничего дурнаго; его внимательность къ каждой мелочи, касающейся ихъ, къ каждой ихъ просьбѣ, обѣщала имъ толковаго и правдиваго старшину, и заговорили крестьяне: „мотри-ко, Трофимъ-то, пожалуй-што, и выровняется, мужикъ-то и добрый будетъ!“ Скоро заговорили съ удивленіемъ про него и зажиточные крестьяне, радовавшіеся старшинѣ изъ своихъ: удивленіе ихъ вызывала изумительная дѣятельность его. Онъ вездѣ поспѣвалъ: во-время велъ и свои дѣла, и дѣла Данилы Иракліевича, и въ то-же время его постоянно можно было встрѣтить въ волости. Въ какой-бы дальней деревнѣ какое-бы ни случалось происшествіе, онъ первый пріѣзжалъ туда, едва узнавалъ о немъ. „Вотъ это старшина!“ говорили они; то-же повторяли и земскіе чиновники. Трофимъ Кириловичъ ловко умѣлъ предугадывать ихъ желанія и, не роняя своего достоинства и достоинства мироваго посредника, дѣлалъ все угодное для нихъ. Ихъ лестные отзывы о немъ вызывали на уста Клементія Ивановича самодовольную улыбку. Но болѣе всѣхъ былъ доволенъ новымъ старшиною Данило Иракліевичъ: добившись почетнаго званія, онъ не только не забылся передъ нимъ, но сдѣлался болѣе услужливымъ и почтительнымъ къ нему.

— Ну, Трофимъ, усчастливилъ-ли я тебя теперича, а?.. часто спрашивалъ онъ его въ порывѣ самодовольства.

— А-ахъ, Данило Ераклычъ, то-ись ты мнѣ такое те-

перича дѣло сдѣлалъ, што и-и слова-то такого не подберешь какъ и чевствовать тебя!

— И чевствуй! а ты исшо не хотѣлъ служить, а?.. Ужь ты должонъ-бы знать, што коли я чего дѣлаю, такъ стало-быть хорошо!

— Энто ину пору, Данило Ераклычъ, пораздумаешься, да вспомнишь все-то, всю-то твою милость, снисхожденье-то ко мнѣ, такъ индѣ сердце взыграетъ!.. чѣмъ это, думаю, только заслужить-то мнѣ?

— Будь, говорю, только завсе въ покорствѣ, Трофимъ, почтителенъ, и не такъ исшо усчастливлю я тебя!

Когда къ Данилѣ Ираклиевичу обращался кто-нибудь изъ крестьянъ съ просьбою, то, выслушавъ его, онъ многозначительно произносилъ: „поди къ Трофиму, къ старшинѣ-то вашему, скажи, што я ему приказалъ сдѣлать это тебѣ!“ Крестьянинъ, конечно, шелъ къ старшинѣ и буквально передавалъ ему эти слова. И Трофимъ Кириловичъ исполнялъ подобныя начальственныя приказанія Данилы Ираклиевича. Послѣднему льстила болѣе всего такая покорность старшины, выказываемая ему передъ другими. Но какъ-же былъ доволенъ онъ, когда въ одно изъ посѣщеній Шлепфельдъ высказалъ ему: „а твой Трофимъ, братъ, молодецъ: имъ всѣ довольны!“

— Што не говорилъ-ли я тебѣ, Клеменъ Иванычъ, што экого мужика поискать, да и поиска-ать, а?

— Молодецъ!

— Вотъ ты и должонъ теперь знать, што ужъ коли я чего тебѣ говорю, такъ стало-быть ужъ добро. Добра,

говорю, желаю, а ты только слушай меня, въ накладѣ не будешь! хвастливо говорилъ онъ.

Но Клементій Ивановичъ, вмѣсто отвѣта, только съ иронією посмотрѣлъ на него.

Въ такомъ, пріятномъ настроеніи всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, кромѣ Бычкова, прошло около пяти мѣсяцевъ. Съ компаньонами Трофимъ Кириловичъ, со времени послѣдняго свиданія съ ними, сближался все тѣснѣе и тѣснѣе, отчасти посвящая ихъ и въ свои дальнѣйшіе планы, особенно Вешнякова. Они поняли другъ друга, обоюдность своихъ интересовъ, и объ условіи болѣе не было и помину. Поставка хлѣба отъ нихъ шла дѣятельно, а осенью и крестьяне, забравшіе деньги, постепенно подвозили его. Были и въ этотъ разъ, какъ всегда, случаи, что иные изъ нихъ поставляли половину, другіе и третью часть, взамѣнъ условленнаго количества и забранныхъ впередъ денегъ, но Трофимъ Кириловичъ не налегалъ на подобныхъ недоимщиковъ и отнесся къ нимъ съ большею снисходительностью, чѣмъ въ былое время. Ему нужно было укрѣпиться, заискать расположеніе къ себѣ и у этихъ бѣдняковъ.

Только положеніе Егора Семеновича не измѣнилось: несмотря на всѣ его протесты, онъ содержался уже пятый мѣсяцъ, и о немъ какъ-будто забыли. Здоровый, крѣпкій организмъ его пошатнулся наконецъ. Онъ похудѣлъ, сгорбился, въ волосы прокралась сѣдина, и морщины одна за другой пролегали на лбу его. И, вѣроятно, долго-бы еще содержался онъ, если-бъ не выручилъ его случай. Тайно, чрезъ какого-то благодѣтельнаго сотника, ему удалось вы-

просить свиданіе у проѣзжавшаго на слѣдствіе засѣдателя. Тотъ посѣтилъ волость и, къ крайнему удивленію Слатвинскаго, спросилъ: гдѣ и за что содержится крестьянинъ Бычковъ?—и получилъ въ отвѣтъ: по распоряженію мирового посредника. Никогда и никому не кланялся въ ноги Егоръ Семеновичъ, но тутъ поклонился и со слезами на глазахъ просилъ заступничества, разсказавъ свою незамысловатую исторію. Тронула-ли исторія его засѣдателя, или, какъ молодой человѣкъ, неуспѣвшій еще опуститься и не только неподдавшійся вліянію Клементія Ивановича, но, напавъ при слѣдственныхъ дѣлахъ на слѣды многихъ неблаговидныхъ дѣйствій волостныхъ чиновъ и зная источникъ ихъ, слегка подбиравшійся и къ самому Клементію Ивановичу, засѣдатель обратился къ нему отношеніемъ: „за что именно содержится крестьянинъ Бычковъ подъ строжайшимъ арестомъ, такъ-какъ изъ слѣдственныхъ дѣлъ, находящихся въ производствѣ у него, никакого дѣла о Бычковѣ, влекущаго за собой мѣры лишенія свободы, не имѣется?“ Клементій Ивановичъ, опираясь на свой авторитетъ, отношеніе его оставилъ безъ всякаго отвѣта. Презрительное молчаніе его, длившееся болѣе мѣсяца, затронуло самолюбіе засѣдателя и онъ вошелъ вторично съ тѣмъ-же вопросомъ, только добавивъ, что, въ противномъ случаѣ, имъ, помимо окружнаго стряпчаго, будетъ донесено объ этомъ губернскому прокурору и губернатору, такъ-какъ подвергать такому долговременному заключенію безъ суда и слѣдствія въ законѣ нѣтъ указаній. Послѣдняя угроза подѣйствовала на Шлепфельда: онъ струхнулъ и далъ отвѣтъ, достойный своей

политики: „что ему ничего неизвѣстно, за что, кѣмъ и когда посаженъ подъ арестъ крестьянинъ Бычковъ“. Возникшія между властями пререканія и спасли его. Его выпустили. Но гоненія этимъ не кончились: не въ характерѣ Клементія Ивановича было забывать и оставлять въ покоѣ человѣка, нанесшаго ему какое-нибудь оскорбленіе. Мы не будемъ говорить о томъ, что почувствовалъ Егоръ Семеновичъ при видѣ своего упавшаго хозяйства, возстановить которое въ прежней полнотѣ нужны были годы усиленнаго труда и сбереженій. Не будемъ говорить и о томъ, какой нравственный переломъ произвелъ на него арестъ. Онъ не лишился уваженія и сочувствія окружающихъ, потому что не въ натурѣ русскаго простолюдина отталкиваться отъ несчастія, но боязливость и таинственность, въ какой выражались они изъ опасенія вызвать преслѣдованія и на себя, — больнѣе отдавались въ немъ, чѣмъ если-бъ и совсѣмъ ихъ не было. Явно, отъ него сторонились, какъ отъ зараженнаго, не рѣшаясь переступить и порога всегда привѣтливаго дома его. Подобныя отношенія неминуемо развиваютъ въ людяхъ болѣзненную наблюдательность и неизмѣнную съ нею мнительность, гдѣ каждому слову, взгляду, жесту невольно придается особый смыслъ, нерѣдко совершенно ошибочный, въ каждомъ человѣкѣ видится скорѣе врагъ, чѣмъ другъ. Онъ сдѣлался нелюдимымъ, избѣгалъ людей, опасаясь самыхъ ничтожныхъ столкновеній съ ними. Онъ не вступался горячо, какъ прежде, не обращалъ болѣе вниманія на мелкія придирки и притѣсненія, какими преслѣдовали его и волостные чины, и писарь, и вновь из-

бранный сельскій староста, точно сберегая свои силы для того, чтобы вынести послѣдній ударъ, поразившій его въ самое больное мѣсто. Онъ имѣлъ только одного сына и любилъ его, какъ надежную опору своего хозяйства, своей старости, и этого-то сына-одиночку, по настоянію Шлепфельда и писаря, на волостномъ сходѣ включили въ списокъ рекрутовъ при первомъ-же рекрутскомъ наборѣ, мотивируя свой поступокъ тѣмъ, что отецъ его еще въ порѣ лѣтъ, силенъ и человѣкъ не бѣдный, тогда какъ часто зачисляются въ рекрута одиночки изъ семей бѣдныхъ и престарѣлыхъ. Что могъ сказать народъ въ защиту Бычкова при видѣ этой явной несправедливости? Да, подобныя дѣла только и могутъ свершиться въ захолустьяхъ, гдѣ подъ давленіемъ силы гибнутъ люди, ни въ комъ и нигдѣ не встрѣчая защиты! Ударъ былъ силенъ: въ нѣсколько дней онъ состарилъ и сломилъ окончательно эту сильную энергичную натуру и сломилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднее благосостояніе его. Все было продано имъ, что только можно было продать и выручить хотя копѣйку. Оказалась необходимой и посторонняя помощь, и человѣкъ, всегда находившій опору только въ собственномъ трудѣ, неприбѣгавшій въ жизни своей даже къ мелочному займу, пошелъ по роднымъ и знакомымъ, со слезами умаливая о ссудѣ. И никогда ни въ чемъ не выражалась такъ сильно любовь къ нему, какъ при этомъ случаѣ: каждый съ безграничнымъ довѣріемъ отдавалъ ему все, что могъ. Съ вырученными деньгами онъ поѣхалъ въ Т. и тамъ удалось ему пріобрѣсти рекрутскую квитанцію и выручить тѣмъ забритаго уже сына. Послѣ этой ката-

строфы для него не оставалось иного выхода, какъ выселиться въ другой округъ и снова начать терпкую, трудовую жизнь, чтобъ расплатиться съ долгами и не умереть въ нищетѣ. Но и это оказалось для него дѣломъ нелегкимъ. Большихъ трудовъ и усилій стоило ему выхлопотать увольнительный приговоръ для причисленія къ одной изъ деревень Б... округа. Много времени прошло въ различныхъ оттяжкахъ въ формѣ справокъ: не существуетъ-ли на немъ казенныхъ взысканій, нѣтъ-ли прикосновенности къ какимъ-нибудь дѣламъ и т. п. Клементію Ивановичу не хотѣлось такъ дешево разстаться съ Бычковымъ, выпустить изъ своихъ рукъ убитую, но все еще недобитую жертву своего мщенія. Ему хотѣлось сдержать свое слово, „что онъ будетъ въ острогѣ и въ цѣпяхъ.“ Но, къ счастію Бычкова, несмотря на всѣ усилія, не встрѣтилось ни одной уважительной причины, чтобъ задержать его, и Шлепфельдъ, скрѣпя сердце, утвердилъ увольнительный приговоръ.

Много раздалось въ средѣ крестьянъ У... волости чистосердечныхъ напутственныхъ желаній Бычкову при извѣстіи о выселеніи его. Вдоволь поплакала его семья надъ старымъ, родовымъ своимъ пепелищемъ; сверкали слезы и въ глазахъ Егора Семеновича. Все имущество когда-то зажиточнаго семейства уложилось теперь на одну телѣгу, накрытую холстиннымъ пологомъ. Изъ скота осталась одна лошадь, и бодро везла она свой нетяжелый грузъ. Вѣрный старинному русскому обычаю, онъ не забылъ завязать въ мѣшечекъ земли съ могилъ своего отца, матери и дѣда, и будетъ она висѣть у иконы, напоминая ему его родину и

теплое, когда-то зажиточное, гнѣздо. Вся деревня далеко за околицу со слезами провожала этотъ скромный караванъ; каждая семья радушно принесла свою хлѣбъ-соль—послѣдній даръ отъѣзжающему земляку. Не обошлось и безъ горькихъ рыданій при послѣднемъ „прости“ и съ родимыми мѣстами, и съ людьми, съ которыми сжились они въ дѣтствѣ. Когда кибитка скрылась изъ виду за горой, односельчане грустно разошлись по домамъ, вспоминая о Бычковѣ, и долго слышалось еще послѣ того по У... волости: „добрый былъ мужикъ; правды-то въ немъ много было, да такъ вотъ ни за што сгубили человѣка!“

Не погибъ Егоръ Семеновичъ. На мѣстѣ своего новаго жительства онъ встрѣтилъ себѣ достойную оцѣнку. Черезъ два года послѣ переселенія его, крестьяне той волости, къ которой приписался онъ, единодушно выбрали его въ волостные старшины.

Наступило время и выполненія подряда, взятаго Даниломъ Иракліевичемъ. Въ началѣ декабря Трофимъ Кириловичъ взялъ на мѣсяцъ увольненіе и уѣхалъ въ Т. принимать отправленные съ хлѣбомъ обозы и сдавать ихъ въ казну. Сдача шла быстро, благодаря подачкѣ тѣмъ лицамъ, которыя завѣдывали пріемкою. Поставленный хлѣбъ оказался хорошъ и въ томъ количествѣ, какое значилось въ контрактѣ. За три дня до новаго года ему выдали разсчетную квитанцію и талонъ на полученіе залога и денегъ, причитающихся съ казны. Подрядъ принесъ значительныя выгоды,

хотя и не такія, какими ласкалъ себя Данила Ираклiевичъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшій возвращенія своего довѣреннаго. Въ успѣшномъ выполненіи дѣла онъ не сомнѣвался. „Не такой парень Трофимъ-то, штобы сплоховать!“ говорилъ онъ, но его мучило желаніе, знакомое однимъ подрядчикамъ, да различнымъ концессіонерамъ, — желаніе скорѣе осязать въ рукахъ плоды своихъ предпріятій. Каково-же было изумленіе его, предоставляю судить читателю, когда онъ узналъ, что Трофимъ Кириловичъ, возвратившись ночью въ Ш., на другой день рано утромъ уѣхалъ. Прошелъ день, два самаго мучительнаго ожиданія, а Трофима Кириловича нѣтъ, да нѣтъ.

— Чего-жъ-бы это, а?.. Неужъ это онъ... да нѣ-ѣ-ѣтъ, не такой онъ парень, штоба экъ-то сдѣлать, обмануть-то, говорю! успокаивалъ онъ себя предъ своими домашними, не менѣе его удивлявшимися загадочному отсутствію его довѣреннаго. Но удивленіе его возросло еще болѣе, когда возвратившійся Трофимъ Кириловичъ не пошелъ къ нему, а послалъ за нимъ, прося его къ себѣ.

— Это чего исшо онъ выдумалъ, штобъ я къ нему на поклонъ шолъ, што-ль? взбѣлѣнился-было онъ, но одумался: коммерческій умъ его начинали тревожить серьезныя опасенія, возбужденныя поведеніемъ Трофима Кириловича; онъ понялъ, что находится теперь въ рукахъ когда-то бывшаго покорнаго его слуги. Первое впечатлѣніе, произведенное на него встрѣчей съ нимъ, успокоило его самолюбіе, и если не разсѣяло, то значительно ослабило родившееся опасеніе. Трофимъ Кириловичъ встрѣтилъ его съ почтительной покор-

ностью, какъ и всегда; въ чисто прибранной горенкѣ его, на столѣ, накрытомъ скатертью, была приготовлена закуска. Жена хлопотала съ самоваромъ.

— Ты чего это, Трофимъ, никакъ дурѣть начинаешь, а? строго спросилъ онъ, усаживаясь въ передній уголъ передъ столомъ,—аль ужь я опостылъ, што ты и заглянуть съ пріѣзда-то не захотѣлъ ко мнѣ, а?

— Э-эхъ, Данило Ераклчъ, ты и не думай про меня этого. Дѣла-то, подь они къ Богу: совсѣмъ замоталсяс ъ ними, просто ни день, ни ночь вздыху не знаю! жаловался тотъ, оправдывая свое отсутствіе.

— То-то, а я ужь было и ни вѣсть чего надумалъ! прервалъ онъ.

— И въ помыслѣ ничего не было... што ты это, Господь съ тобою! Да мнѣ-ль супротивъ тебя идти? а што къ тебѣ-то не пошолъ, а тебя теперича потревожилъ, такъ вѣдь и то надоть сказать, Данило Ераклчъ, не все твою хлѣбъ-соль ѣсть; слава-тѣ Господи, поѣли, пора и честь знать и къ себѣ зазвать добрыхъ людей, а такъ-то-бы ты когда-поди собрался, кабы не этотъ случай-то!

— Такъ ты вонъ это съ чего!.. ну, ну, я неспѣсивый! Вотъ, вишь, и у тебя въ гостяхъ, угошшай, коли такъ! совсѣмъ уже успокоенный, самодовольно говорилъ онъ: — ну что, все ладно сошло, а? Говори скорѣй, не мучь! торопилъ онъ.

— Такъ надоть сказать, што совсѣмъ слава Богу!

— Ну, и слава тѣ Господи! И деньги всѣ получилъ?

— Сполна, какъ есть! По моему счету, тысячъ шесть зашибли барыша-то, Данило Ераклычъ!

— Шесть тысячъ!.. удивленно произнесъ онъ, вперивъ въ него глаза:—да што такъ мало?

— Какъ мало? — вѣдь это ужь совсѣмъ чистыя Богъ послалъ!..

— Мало; я болѣ думалъ: я думалъ тысячъ десять придетъ! Да ты вѣрно-ль считалъ?

— Не учиться, на этомъ и взросли!

Жена Трофима Кириловича въ это время съ низкимъ поклономъ поднесла Данилѣ Иракліевичу рюмку краснаго вина и чашку чаю.

— Ма-ало! въ раздумьѣ произнесъ онъ, принимая съ подноса и чай, и рюмку. Экъ я вдругорядь и не возьмусь ни за што; хлопочи, убивайся съ утра до ночи, да есть изъ чего — за экое награжденье! съ неудовольствіемъ ворчалъ онъ, — безъ мала почесть годъ возился, да я-бъ на эти деньги-то...

— По-моему, и за энто-бы благодаренье Господу! прервалъ его Трофимъ Кириловичъ.

— Это за шесть-то тысячъ?—есть за што!

— Нѣшто не капиталъ?

— По-твоему — такъ, а по-моему — и связываться не стоило! Какъ я ихъ теперь долженъ распредѣлить? Вотъ поди и ты награжденья запросишь, а изъ чего... изъ чего, говорю, мнѣ дать энто-то награжденье? Чего я дамъ изъ шести-то тысячъ? энто и моего-то расходу не покроетъ...

Трофимъ Кириловичъ, спрятавъ глаза въ окружающія ихъ морщины, пристально смотрѣлъ на него.

— — Да вѣдь я говорю тебѣ, Данило Ераkычъ, што вѣдь это барышъ ужь, барышъ, снова повторилъ онъ,—тѣ, што мы израсходовали, само-собой воротились!

— Все-таки мало, не покроетъ! Ты почемъ знашь, какіе исшо у меня расходы были? можетъ, у меня ихъ на двадцать тысячъ было. Гдѣ они, деньги-то, давай-ко я исшо самъ провѣрю,—можетъ, и просчетъ гдѣ ни на есть.

— Вѣрно сосчитаны и провѣрять нечего!

— Твои они што-ль, стоишь-то за нихъ такъ? грубо спросилъ онъ.—Я хозяинъ-то, коли говорю давай, такъ ты и должонъ безъ слова выложить!

— А по-моему, такъ они не твои, Данило Ераkычъ, а общія.

— Съ чего ты взялъ общими-то ихъ считать? изумленно спросилъ онъ,—нѣшто ты клалъ въ нихъ чего?

— По совѣсти-то говоря, такъ не мало и моихъ!

— Твоихъ?

— Такъ точно!

— Трофимъ... ты што-жъ это: никакъ и ты забылся, а?..

— И въ помышленіи не было, Данило Ераkычъ, а говорю только, какъ оно на дѣлѣ было. Половина хлѣба почесть закуплена на мои деньги. Свои деньги я и Вешнякову, и Пруткову, и Иволгину задавалъ; нѣшто каждый изъ нихъ хлѣба-то только на тѣ 200 рублевъ поставилъ, што ты далъ имъ? Ты вотъ, Данило Ераkычъ, говоришь-же, што убивался, убивался съ утра до ночи въ хлопотахъ, а какія

твои-то хлопоты были?—только будто съ лежанки на сундукъ перейдти, а съ сундука на лежанку. А што я ни день, ни ночь покою не зналъ, загонялъ въ разъѣздахъ-то всю скотину свою, сколько разъ въ городъ ѣздилъ, проживался все изъ своего кармана, такъ пошто-жъ ты этого ничего не считаешь?.. Стало быть, твоего тутъ, Данило Ераkычъ, совсѣмъ немного, будто залоги одни... ну и возьми ихъ, они твои! А ужь энти деньги, Данило Ераkычъ, не погнѣви на меня, за все мое утружденье и какъ, стало быть, за всю мою службу тебѣ... я себѣ возьму, тебѣ и считать ихъ нечего! твердымъ и рѣшительнымъ тономъ, въ которомъ не слышалось и тѣни прежняго подобострастія, отвѣтилъ Трофимъ Кириловичъ.

Данило Ираkліевичъ сидѣлъ какъ оглушенный громомъ. Нѣсколько разъ ротъ его раскрывался, какъ-бы желая произнести что-нибудь, но видно еще парализованный неожиданностью умъ не нашелъ соотвѣтствующаго положенію его слова.

— Да што-жъ винца-то не пригубишь, Данило Ераkычъ? съ ироніей произнесъ Трофимъ Кириловичъ,—я вѣдь за всю твою хлѣбъ-соль... отъ чистаго сердца... не погнушайся... я то-ись завсегды...

— Такъ ты эвона какъ, за все-то мое довѣріе, за добро-то мое платишь! качая головой и надорваннымъ голосомъ прервалъ Данило Ераkліевичъ,—вѣдь это ты што-жъ затѣялъ, грабежъ?

— Зачѣмъ ты экія-то слова, Данило Ераkычъ, говоришь? укоризненно отвѣтилъ тотъ,—гдѣ-жъ онъ, грабежъ-то?

— Ты... ты... вѣдь воръ опосля того!

— Оборони Господи!

— Ты... ты што-жъ это со мной-то дѣлашь? продолжалъ онъ дрожащимъ голосомъ, то блѣднѣя, то краснѣя, — ты въ гробъ меня уложить хошь, а?.. въ гробъ?

— И въ помышленіи не было: живи, Господь съ тобой, што ты это? на свѣтѣ всѣмъ мѣста будетъ, я тѣ не помѣха! снова съ ироніей отвѣтилъ онъ, успокоивая его.

— Трофимъ!

— Чего-съ?

— Погляди ты на меня.. въ глаза-то мнѣ!

— Я за-все, Данило Ераклычъ, съ моимъ удовольствіемъ... што-жъ... особливо, какъ за всю вашу хлѣбъ-соль... отрывисто говорилъ онъ, смотря, повидимому, прямо на него спрятанными въ морщинахъ глазами.

— Ты... ты, можетъ, пошутилъ это, а? тѣмъ надрывающимся отъ слезъ, но заискивающимъ голосомъ спросилъ Данило Иракліевичъ, какимъ часто спрашиваютъ дѣти и женщины, не желая вѣрить печальному извѣстію, хотя въ душѣ они и увѣрены, что это вовсе не шутка, а правда.

— Нѣшто дѣломъ-то шутятъ, Данило Ераклычъ? серьезно спросилъ Трофимъ Кириловичъ: — стало быть и ты пошутилъ, сказамши, што тебѣ и подѣлить не изъ чего за мое утрудненье, а?

— Пошутилъ, Трофимъ, ей-Богу, это пошутилъ... дай, молъ, чего будетъ! Я съ тобой подѣлю,—только съ тобой, слышь, болѣ ни съ кѣмъ! Вѣдь это, Трофимъ, а-а-ахъ,

вѣдь это кровное мое, не обидь ты меня, старый вѣдь я человѣкъ-то!..

— Я и не обижу, а энто, по-моему, ближай обида, што вы таперича видѣли, какъ человѣкъ убивается за вашу прибыль — можно сказать, не токма своихъ крохъ аль животины, души-то не щадилъ: сколькой годъ всѣмъ вашимъ дѣломъ орудовалъ, помыкали вы, значитъ, мной, какъ послѣднимъ батракомъ: и туда поди Трофимъ и въ друго мѣсто съѣзди! Што-жъ вѣдь я не рабъ вашъ! Дѣлалъ вамъ все, а жалованья не получалъ. А сколько вы изъ-за меня прибытковъ-то имѣли, во всю-то мою службу, а вѣдь ни разу не сказали, дай-де награжу... и я-то спроста не просилъ, все думалъ: ну, пороблю, пороблю, авось человѣка и совѣсть возьметъ — заплатитъ... ну, вотъ и заплатите!

— Я заплачу, Трофимъ, я тыщу тебѣ дамъ... ну, Богъ ужь съ тобой, коли ты меня, старика...

— Тыщей-то не стоитъ и рукъ пачкать! глядя въ сторону отвѣтилъ онъ,—я вамъ почесть десять лѣтъ служилъ, мыкался; по 600 рублей въ годъ положьте, вотъ и шесть тысячъ, а я, можетъ, каждый годъ прибыли-то приносилъ вамъ не на двѣ, не на три тыщи, — такъ энто и не въ счетъ по-вашему?

— А кто усчастливилъ-то тебя, Трофимъ, а? по чьей ты милости старшиной-то сидишь, о-опомнись!

— Обчество посадило, да Клеменъ Иванычъ, такъ полагаю...

— Обчество-о?.. Посадило-бы тебя обчество, коли-бъ я

коня не свелъ!.. Кого обчество-то садило, забылъ развѣ, а? Тебя нѣшто?

— Не мое это дѣло...

— Не твое? Не за тебя-ль я дары-то дарилъ, хлопоталъ, убивался; мало тебѣ, а?

— Свою охоту тѣшили: я не просилъ даровъ-то раздаривать и отъ старшинъ-то крестомъ и пестомъ отмаливался; вы-жъ упрашивали—служи, да служи, такъ чѣмъ-же тутъ оно попрекать-то?

— А-а-ахъ, Трофимъ, Трофимъ! забылъ ты нѣшто, какъ руки-то мои цѣловалъ, отцомъ-то кликалъ, а?

— Я и теперь... я и завсе... то-ись... съ моимъ удовольствіемъ. — Да што-жъ вы хоша-бы чайку-то аль винца-бъ...

— Трофимъ, отдай ты мнѣ мое-то... плача говорилъ Данило Иракліевичъ, утирая глаза клѣтчатымъ платкомъ.

— Денежка счетъ любитъ, Данило Еракычъ.

— Мое... вѣдь... это кровное... не грабь ты меня, есть-ли у тебя Богъ-то?...

— Вы-бы себя спросили наперво, Данило Еракычъ, у васъ-то онъ есть-ли? покраснѣвъ, какъ кумачъ, заговорилъ онъ,—не вы-ль бѣдность-то зорите, да помыкаете ей, да ругаете ее, такъ неужъ вы-то Бога помните? Мало рази вы народу-то пустили по міру, опомнитесь-ка? Што я свое беру отъ васъ за всю свою службу, такъ у меня Бога нѣтъ! А што вы помыкали мной, да ругались, да не придержи я энтихъ денегъ, такъ, стало-быть послѣднія-бы мои крохи отжилили, такъ у васъ и Богъ есть? Не вы-ль таперича,

Данило Ераклычъ, уговаривали меня обмануть хоша-бы того-же Вешнякова, Пруткова, да Иволгина за то, што они объ вашемъ-же дѣлѣ радѣли, такъ энто ничего-о?.. Такъ стало-быть я и себѣ должонъ былъ эту-же участь провидѣть. Ну, я только, значитъ, первѣй всѣхъ опомнился... оно и чище дѣло... оно стало-быть и квитъ... А за вашу хлѣбъ-соль я то-ись и завсегды съ моимъ удовольствіемъ!

Данила Иракліевичъ не выдержалъ и заплакалъ горькими слезами,—заплакалъ въ первый разъ въ жизни. Родные не узнали его,, когда онъ возвратился домой отъ Трофима Кириловича. Лице его осунулось, глаза потускли; шатаясь добрался онъ до лежанки и молча упалъ на нее. Болѣе недѣли хворалъ онъ и, оправившись, поѣхалъ въ городъ съ жалобой и съ просьбой о заступничествѣ къ Шлепфельду. Но не помогъ ему и Шлепфельдъ, какъ ни уговаривалъ Трофима Кириловича честно раздѣлаться съ своимъ патрономъ. Онъ не только остался при своемъ, но совсѣмъ отперся отъ всякаго барыша. Онъ возвратилъ ему только залоги, да деньги, причитавшіяся за хлѣбъ, поставленный изъ его запаса; точно такъ-же онъ поступилъ и съ компаньонами, кромѣ Вешнякова, на котораго разсчитывалъ въ будущемъ болѣе всѣхъ. Подалъ Данило Иракліевичъ и просьбу, а вслѣдъ за нимъ и Дарья Семеновна Иволгина, обманутая въ своихъ надеждахъ, завела ожесточенную тяжбу, но и ей, и Данилѣ Иракліевичу было отказано, по неимѣнію документальныхъ доказательствъ. Много произвела смѣха и говора въ средѣ крестьямъ исторія разссорившихся кулаковъ. Горько жаловался Данило Иракліевичъ на неблаго-

дарность Трофима, поздно вспоминая правдивыя рѣчи Тарасова, умершаго въ тотъ-же годъ, но въ тайнѣ онъ все-таки сожалѣлъ о „своемъ Трофимѣ“. Съ отсутствіемъ этого дѣятельнаго сотрудника дѣла его пошли все хуже и хуже. За то разцвѣлъ и усилилъ свои обороты Трофимъ Кириловичъ. „Плутъ, плутъ, но умный плутъ!“ отзывался о немъ Шлепфельдъ, и ничего не могъ сдѣлать съ нимъ, несмотря на громкій, годъ отъ году возвышавшійся, ропотъ и жалобы крестьянъ, поздно почувствовавшихъ на себѣ желѣзную и крайне нечистую руку изворотливаго старшины и съ тяжелыми вздохами вспоминавшихъ честнаго и правдиваго Егора Семеновича.